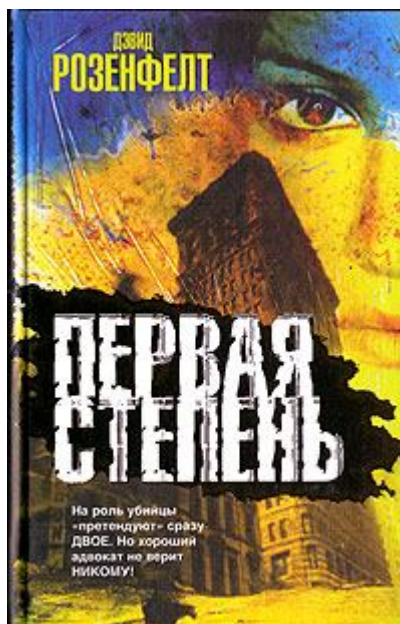

Дэвид Розенфелт Первая степень

Дэвид Розенфелт Первая степень

Посвящается Дорис и Обби Розенфелт, Гербу Джеффу и Дэвиду Лейзеру.

Знакомство с этими людьми сделало бы вашу жизнь лучше.

Церемония открытия. Возможно, для вас в этих словах нет ничего волнующего. Меня же эти два слова обрушивают в детство – комок в горле, когда я вижу, как по ярко-зеленому полю мчатся игроки в цветах американского флага, слышу прорывающийся сквозь гул стадиона голос диктора:

– «Нью-Йорк Янки», леди и джентльмены! Поле пока еще девственно чисто, ни один из игроков пока еще не допустил ошибки, не попал на штрафное поле, не отшвырнул с отвращением свою биту.

Со мной в этот день, на первом матче сезона, мой отец, как когда-то в такой же день, с ним был его отец.

Сегодня мой черед продолжить традицию. В каком-то смысле. Ну, мы, Карпентеры, не формалисты.

Короче говоря, детей у меня нет, и отпрыск, которому я передаю эстафету священной семейной традиции, – это Тара, мой золотистый ретривер. Кроме того, мы не пойдем на стадион «Янки» и не будем смотреть бейсбол. (К слову, бейсбольный сезон уже с месяц как завершился.) Нет, мы с Тарой направляемся на день открытия городской собачьей площадки, первой в Нью-Джерси.

Признаться, собачьих площадок мне видеть не доводилось – даже толком не знаю, на что они похожи. Тара тоже никогда их не посещала, разве что в первые два года своей жизни, до того, как мы познакомились. Но если и так, едва ли это произвело на нее впечатление: вчера я сказал ей, куда мы пойдем, и она не проявила никаких эмоций, спокойно спала всю ночь.

Предполагалось, что эта площадка будет чем-то особенным – этаким собачий парк. Из

него даже сделали чуть ли не козырную карту на недавних выборах мэра. Каждый кандидат обещал непременно построить площадку для выгула собак, так что подозреваю, что на открытии будет куча людей вроде меня – заинтригованных граждан, проголосовавших в интересах своих собак.

Когда мы с Тарой приехали, она осталась на переднем сиденье, была увлечена искусственной костью и не проявляла ни малейшего интереса к мероприятию. Даже когда мы, оставив машину, подошли поближе и стал слышен собачий лай, это не отвлекло ее от работы челюстями. Так вот почему отец никогда не давал мне жвачку, когда мы отправлялись смотреть, как играют «Янки»!

Огороженная со всех сторон довольно грязная площадка была размером с футбольное поле. Там бегала примерно сотня собак, которые то пытались завязать отношения, обнюхивая друг дружку, то останавливались попить из фонтанчиков, в большом количестве разбросанных там и сям для их удобства. Клуб «Только для собак». Людей было примерно в два раза меньше, чем собак, и, похоже, одни женщины. Они стояли вдоль одной из сторон ограды и переговаривались. Изредка кто-нибудь из них бросал теннисный мячик, что приводило собак прямо-таки в ярость.

Мы приблизились к входным воротам. Чувствовалось, что Тара в ужасе от перспективы предстоящего общения, но она, молодчина, уладила свою гордыню и вошла вместе со мной. Я направился к людям, и Тара последовала за мной. Всем своим видом она показывала, что хоть и делает это исключительно ради меня, но еще не настолько опустила, чтобы гоняться за теннисным мячиком, как какое-нибудь животное.

Разговор, как и следовало ожидать, вертелся в основном вокруг собак и собачьих проблем. Собачья площадка, собаки, собачий корм, игрушки для собак... Возможно, это было бы интересно, но меня, как мужчину, к беседе не допустили. Тара упорно жалась к моей ноге, лелея слабую надежду, что мы сейчас уйдем отсюда. И я как раз собирался сделать это, когда одна из дам благоволила заговорить со мной.

– Кажется, ваша собака немного антисоциальна?

Обидные слова, но в сопровождении приятной улыбки, так что мы решили пока не обижаться. Тем более что дама была вполне привлекательна, если не обращать внимания на головную повязку, писк моды.

– В общем-то это не ее стихия, – ответил я без ложной скромности. – Она интеллект. Приведите ее на поэтический вечер, и она станет душой компании.

– Одна моя подруга как раз ищет щенка золотистого ретривера. У какого заводчика вы ее брали?

– Ни у какого. Я нашел ее в приюте для животных, – покачал я головой.

Моя собеседница была поражена так же, как когда-то я. Да и как любой нормальный человек.

– Вы хотите сказать, что кто-то выгнал эту собаку на улицу? И ее могли...

Ей, видимо, неприятно было вымолвить «убить» или «усыпить», и я поспешил избавить ее от этой необходимости.

– Я забрал ее как раз в последний день.

Впечатлительная дама подозвала своих подруг, чтобы пересказать им эту историю, и не успел я опомниться, как меня окружило штук двадцать женщин, наперебой восхищающихся моим добросердечием и тем, что собака была спасена. Тара послушно сидела у моих ног, терпеливо снося всю эту суету, – по-видимому, она предоставила мне честь пожинать лавры, хотя это она, а не я, застряла в том злополучном приюте.

Я пылко принялся расписывать «эту душегубку» и, совсем освоившись, начал было отпускать шуточки. Идиллию нарушила одна из собачниц.

– Послушайте, а не вы ли адвокат, который выиграл то крупное дело? Я видела вас по телевизору. Энди Карпентер, верно? – Она подошла поближе.

Я призвал себя к спокойствию и кивнул. Речь шла о деле Уилли Миллера. На повторном суде я доказал его невиновность, после того, как Уилли провел семь лет в

ожидании смертной казни. Дамы сложили одно с другим и решили, что я уникальная личность, которая спасает из душегубок собак и людей, и тут же сделали из меня героя и предмет преклонения. Это пугает, но это та цена, которую я плачу за свой героизм.

Внезапно Тара, решив проявить активность, рванулась к приближавшейся женщине. К моему удивлению, это оказалась Лори Коллинз – главный (и единственный) детектив в моей юридической практике, а также главная (и единственная) женщина, которую я любил. Мне пришлось прервать свой урок добросердечности на дамском собрании, но Лори выглядела так прелестно, что потеря не казалась значительной.

Когда Лори подошла ближе, я заметил, что моя красавица очень напряжена. Она даже не потрепала Тару по загривку! Это было настолько неправдоподобно, что удивило меня и определенно шокировало Тару. Лори направилась прямо ко мне, и мои обожательницы с неохотой расступились, давая ей дорогу.

– Алекс Дорси мертв, – сказала она.

– Что? – машинально переспросил я, совсем не ради дополнительных разъяснений.

– Кто-то отрезал ему голову, а потом облил труп бензином и поджег, – растолковала мне Лори.

Хотите избавиться от двадцати влюбленных женщин? Вот вам отличный способ. Собачницы, столь очарованные мной, испарились с фантастической скоростью, словно рядом объявили распродажу с семидесятипроцентной скидкой на все товары.

Судя по тому, как сверкнули глаза Лори, это был именно тот эффект, на который она рассчитывала. Мы остались вдвоем – Лори, Тара и я.

– Извини, что помешала, Энди, – сказала она. – Я не была уверена, что это ты, подумала: это, наверное, какая-то рок-звезда.

– Так и было! – Я изобразил разочарование.

– Ты не забыл, что мы завтракаем «У Чарли»? Мне надо поговорить с тобой о Дорси.

– Само собой, – сказал я. – До встречи.

Лори кивнула и направилась к машине. Я повез Тару домой, чтобы потом отправиться в ресторанчик «У Чарли» – в пяти минутах от моего дома, если на машине.

Я ехал и размышлял о том, чем ужасная новость может обернуться для меня. Вообще-то меня смерть Дорси абсолютно не касается, но для Лори это удар. И удар весьма ощутимый.

Алекс Дорси – лейтенант в департаменте полиции Паттерсона. Когда Лори только начинала свою карьеру следователя, она находилась у него в подчинении. Ей не понадобилось много времени, чтобы понять – Алекс давно уже перестал быть хорошим полицейским, если и был им прежде. Там, где был хоть один шанс избежать работы, он находил два. Дорси был ходячим наглядным пособием к правилу об отставке после двадцати лет службы: он, по-видимому, считал, что, даже работая, можно вести себя так, словно ты в отставке.

Чуть больше времени потребовалось Лори, дабы обнаружить, что лень – не худший порок Алекса Дорси, скорее прикрытие. Ходили сплетни, будто Дорси берет взятки, но оказалось, что все еще хуже. Дорси вел двойную игру; он был партнером по бизнесу у преступников, которых ему вроде бы полагалось выслеживать. И был таким упрямым и изобретательным сукиным сыном, что долгое время все сходило ему с рук.

Лори мучилась, не зная, что предпринять, но на самом деле выбор был ясен. Ее отец и дядя были полицейскими – хорошими полицейскими, и она с молодых ногтей выучила, что то, чем занимается Дорси, худший вариант предательства.

Лори собрала на него кое-какие улики – косвенные, конечно, но надо же было с чего-то начать – и представила их в Отдел внутренних расследований. Никто не санкционировал ее расследование, более того, она знала, что у нее могут забрать это дело. Но убедительные доказательства будет нетрудно найти, и тогда Дорси заплатит за свои грехи.

Практически всем сразу стало известно, что именно Лори настучала на него, и это был первый сигнал, что Дорси так просто не возьмешь. Утечка информации была нарушением

правила – тем, кто нашел улики, изобличающие офицера полиции в преступлении, гарантируется анонимность. Действия Лори даже расценивались так, будто она нарушила какой-то смехотворный кодекс круговой поруки – что полицейские якобы не идут против других полицейских, какими бы сволочами эти другие полицейские ни были.

Противостояние принесло в департамент хаос и озлобленность. За год Дорси сплотил вокруг себя довольно сильную клику, и он знал обо всех скелетах в шкафу, даже если большинство не подозревало о существовании самих шкафов. Рядовые полицейские, а возможно, и руководство департамента, разделились на два лагеря, и это стало в открытую называться «Алекс Дорси против Лори Коллинз». И те, кто поддерживал Дорси, видели в Лори врага или еще хуже – предателя.

Наконец Лори поняла, что расследование из-за позиции департамента полиции и мэрии никогда не будет завершено и не принесет никаких результатов. Так что когда наконец пришел приказ, в котором Дорси всего лишь получил выговор за «некорректность», а обвинение в связях с преступным миром и вовсе не прозвучало, Лори была сыта этим по горло. Она ушла из полиции и открыла частное детективное агентство, а я стал одним из ее клиентов. К счастью для меня, впоследствии я стал не только клиентом, но чем-то гораздо большим.

Неделю назад поступила информация, что наружу выплыли новые факты и Дорси грозит арест. К сожалению, эта информация дошла, должно быть, и до самого Дорси, и он предпочел скрыться. Лори открыто признавала, что такое развитие событий заставляет ее чувствовать, что она права, и это было последнее, что мы слышали о Дорси до сегодняшней страшной новости.

Я закинул Тару домой, дал ей печенье и отправился к «Чарли». Вообще это был бар-ресторан преимущественно для болельщиков, однако недавно у них добавилось обширное меню завтраков. Я обожаю Лори еще и за то, что она любит «Чарли» так же сильно, как я, – то есть настолько, насколько вообще возможно любить ресторан. Это замечательное место, где хочется посидеть даже в субботу утром, когда на десяти телеэкранах не транслируется ни одной игры.

Я заказал жареную картошку, свежие фрукты и черный кофе, а потом сел за столик и приготовился слушать. Я знал Лори достаточно хорошо и понимал, что на самом деле ей нужно не поговорить, а выговориться. Дабы понять, что она в своем уме, ей надо было обязательно выговориться. И слушателем был назначен я.

Лори начала с пятиминутного монолога, посвященного Дорси, пересказав некоторые факты. Ничего такого, чего бы я уже не знал, – и это было ей известно.

– Он был плохим человеком. Просто мерзавцем. Ты это знаешь, – сказала она напоследок.

– Да, знаю. Плохим человеком. Мерзавцем.

Лори помолчала с минуту.

– Знаешь, Энди, что меня пугает? Я рада, что он мертв. Когда я об этом узнала, я обрадовалась, – тихо вымолвила она.

И это сказал человек, который, если поймает муху в доме, выносит ее на улицу и выпускает.

– Это нормально, – пытался я поддержать ее.

– Не для меня, – покачала головой Лори.

– Он был продажным полицейским, который ничего другого не заслуживал. – Я подкрутил воображаемый ус и сострил: – Называл консерваторов либералами.

Ее это совершенно не развеселило, и я, хотя понимал, что дело в ее эмоциональном состоянии, а не в качестве моего юмора, сделал еще одну попытку продолжить ту же тему:

– Итак, представление начинается. В роли справедливого адвоката, защитника закона, – Энди Карпентер, в роли защитника тех, кто не может быть оправдан, – Лори Коллинз.

Эту шутку она тоже проигнорировала; да, надо будет записать, чтобы использовать эти перлы для более благодарной аудитории. На самом деле я не переживал по поводу смерти

Дорси – мир только стал чище, когда он умер. Он знаменовал собой ужасно неприятную главу в жизни Лори, был для нее чем-то вроде эмоциональной зубной боли, и я очень надеялся, что теперь она сможет забыть об этом.

Но она не могла так просто освободиться от всего этого, и я решил перевести разговор на обсуждение деталей.

– Подозреваемые уже есть? – спросил я.

– Кажется, нет. Пит выдвинул теорию, что его уголовные дружки просто избавились от него, потому что он перестал быть им полезен.

Пит – это лейтенант Пит Стэнтон, мой самый близкий и единственный друг из числа полицейских и один из тех немногих офицеров, кто открыто поддерживал Лори в те времена. Я не удивился, что именно он сообщил ей о смерти Дорси.

– А где его нашли? – спросил я.

– На складе на бульваре Маклина. Дети подняли тревогу, когда увидели дым. Выяснилось, что это горело тело Дорси. – Она глубоко вздохнула и продолжала: – Полагают, что ему отрезали голову, возможно, мачете. Тот, кто это сделал, видимо, унес ее в качестве сувенира. Тело сгорело полностью, его опознали только по какому-то необычному кольцу на пальце.

– И это все? – Я наострил уши.

Она кивнула.

– Но для точности будет проведен тест на ДНК. Слава Богу! Дорси запросто мог убить кого-то, чтобы подстроить всю эту фальшивку. По обе стороны закона люди имеют привычку прекращать преследовать тебя, если думают, что ты мертв.

Мы еще немного поговорили о случившемся, пока не поняли, что сказать-то больше нечего.

– Ты завтра собираешься в офис? – спросила она.

– Скорее всего к полудню. В 9.30 встречаюсь с Холбруком по делу Дэнни Роллинза.

– Надо же! Твои делишки не так уж плохи, да?

Лори подшучивала над тем, что я взял дело Дэнни Роллинза, своего букмекера, потому что мне совсем нечем заняться. С тех пор, как я закрыл дело Уилли Миллера, у меня уже полгода не было хоть сколько-нибудь серьезного клиента. И вовсе не потому, что некого было защищать. Когда закончился суд и Уилли вышел на свободу, а настоящие убийцы были разоблачены, мое имя постоянно мелькало в прессе. Меня называли паттерсоновским Перри Мейсоном. С тех пор любой уголовник только и мечтал, чтобы я стал его адвокатом.

Но я отказывал всем. И у каждого отказа была своя причина. Либо потенциальный клиент казался мне действительно виновным, а потому недостойным, либо дело не было интригующим или громким. Где-то в глубине души у меня было чувство, что я изобретаю причины для отказа, но, признаться честно, я не считал нужным браться за эти дела.

Думаю, у меня появился синдром юриста.

* * *

К богатству привыкаешь не сразу.

Когда очень много денег сваливается на вас внезапно, как на меня, ничего естественного в этом нет. Это вроде того, как ты водишь много лет подряд старый, раздолбанный «додж», а потом вдруг получаешь в подарок «феррари». Ты можешь сколько угодно говорить, что это не изменит твою жизнь, но все же лишний раз подумаешь, прежде чем оставлять его у ночного магазина.

Мой отец, Нельсон Карпентер, оставил мне двадцать два миллиона долларов. Эти деньги он получил нечестным путем – за то, что прикрыл преступление, которое совершил его старинный друг, ставший потом моим тестем. Мой отец был уважаемым окружным прокурором, и, насколько мне известно, это был единственный бесчестный поступок в его жизни. В конце концов мой теперь уже бывший тесть оказался в тюрьме, а я получил кучу

денег.

Все могло быть хуже, конечно. Мой отец мог сделать что-нибудь плохое и при этом оставить меня нищим. Однако он потряс меня, оставив мне все эти миллионы, о которых я не знал и которые он никогда не трогал, позволив им тридцать пять лет наращивать проценты. Так что последние полгода я пытаюсь сообразить, что с ними делать.

Я определенно собирался регулярно поддерживать благотворительные организации и время от времени даже предпринимал в этом направлении какие-то усилия, но все это было не то. Я хотел бы заняться благотворительной деятельностью всерьез, найти подходящую организацию и сделать работу в ней своим делом. Казалось бы, не такое сложное желание, но на практике все оказалось не так.

Прежде всего, я слишком много говорил об этом, слух пошел, как круги по воде, и благотворители всех мастей обсели меня, как мухи – кусок свежего мяса, которым я и был. И продолжаю быть.

Дошло до того, что пару дней назад ко мне явилась глава Комитета по спасению выдр Гватемальского залива. Она была вполне милая женщина, но за неделю это была уже десятая подобная просьба о деньгах, так что, боюсь, я вел себя не вполне безупречно.

– Кого вы победили? – спросил я.

– Прошу прощения?

– На выборах, когда вы стали главой комитета, кто еще выдвигал свою кандидатуру?

– Мы не политическая организация, – немедленно отозвалась она. – Мы люди, которые объединились в усилия исправить ужасное зло. Гватемальский залив систематически загрязняется, и выдры беззащитны.

– Так что вы выступали безальтернативным кандидатом? – продолжал интересоваться я.

– В каком-то роде. – Было заметно, что она начинает раздражаться. – Мистер Карпентер, не могли бы мы перейти к причине моего визита?

– Простите, но до сих пор я даже не подозревал о существовании Гватемальского залива. Я думал, Гуантанамо единственный «гва» с заливом.

– Если люди вроде вас не вмешаются, то скоро так и будет.

– И каков размер требуемого вмешательства?

– Десять тысяч долларов.

Я вмешался на тысячу. Надеюсь, этого хватит на симпатичную фотографию выдры, которую я усыновил, и, может, на пару писем.

Сегодня воскресенье, так что письмо не придет. Я удовольствовался сидением на кушетке с Тарой и баскетболом по телевизору. Дома мне теперь уютно. Пару месяцев назад я продал коттедж в так называемом модном пригороде и переехал в дом, в котором вырос. Он находится в куда менее модном Паттерсоне, но это единственный дом, к которому я когда-либо испытывал теплые чувства. Когда отец умер, я собирался продать наш дом, но не смог. Лори посоветовала мне переехать сюда, и как только я это сделал, то почувствовал себя по-настоящему дома.

Единственное, что я добавил к интерьеру моего детства, – это телевизор с большим жидкокристаллическим экраном, который я собираюсь сегодня активно использовать. «Никс» начинают игру в час, потом в четыре «Лейкерс» против Юты, потом «Нетс»-Сакраменто в шесть пересекаются с «Маркетт»-Цинциннати в семь и, наконец, Объединенная лига против Юты в девять. Если я все правильно рассчитаю, то пиццу доставят как раз к началу «Лейкерс», когда я возьмусь за третью бутылку пива.

Если бы это было в кино, то оно бы называлось «Идеальный день».

Первым делом я сделал ставку на «Никс», минус три против Торонто. Дэнни Роллинс, букмекер, пожелал мне удачи в игре, и особенно на завтрашней встрече с помощником окружного прокурора, который посмел обвинить Дэнни в букмекерстве, – возмутительное надуманное обвинение против законопослушного гражданина.

Тара забирается на диван и кладет голову мне на колено – ее любимая поза. Так мне

приходится гладить ее каждый раз, когда я протягиваю руку за пивом, – мне это нравится не меньше, чем ей. Сомневаюсь, что во всем мире найдется собака, да и вообще живое существо лучше моей Тары.

«Никс» впереди на четыре очка, до конца игры минута, и я снова чувствую, чего лишает меня богатство. Я поставил на эту игру две сотни, но к выигрышу равнодушен. Делать ставки интересно только тогда, когда боишься проиграть. Без муки поражения не может быть восторга победы. Выпью-ка я еще пива.

Было десять вечера, когда посреди матча лиги меня разбудил телефон. Я уже выиграл три сотни, но что с того?

– Алло?

– Извини, что разбудила, но тебе все равно вредно спать на диване, – говорит Лори.

Как она угадала? Конечно, она профессиональный следователь; надо бы проверить дом, нет ли скрытых камер.

Я немедленно встаю.

– Я не на кушетке.

– Ну да, разумеется, – говорит она тоном, который подразумевает: «Вруша ты, ну да ладно, черт с тобой». – Слушай, мне только что позвонил Пит.

– Ну и?..

– Поступил предварительный отчет. ДНК совпадает. Это точно тело Дорси.

– Ты как? – спрашиваю я.

– Я в норме. Рада, что все закончилось, – говорит она. – Иди спи дальше.

Я проглатываю зевок.

– Я не устал. Лучше пойду посмотрю, нет ли баскетбола по телевизору.

– Вроде игры, которую я слышу у тебя в комнате даже через телефонную трубку?

– Правда? Быть того не может.

– Спокойной ночи, Энди. Я тебя люблю.

– Спокойной ночи, Лори. – Мы уже пару месяцев как начали говорить друг другу «люблю», но, если в ответ на это автоматом следует «И я тебя тоже», слово перестает обжигать. Так что не стоит превращать прощание в ритуал. Мы не сторонники стереотипов.

Я посмотрел игру еще три или четыре секунды и опять вырубился. Где-то около трех часов ночи я встал и отправился в спальню и до полвосьмого уже не просыпался. Утром погулял с Тарой, переоделся и направился в офис Джона Холбрука.

Холбрук уже лет шесть работает окружным прокурором, из чего следует, что он почти готов переметнуться на другую сторону и начать делать деньги как адвокат. Джон человек добросовестный, трудолюбивый и в общем-то порядочный – как раз то, что нужно, чтобы стать хорошим адвокатом. Даже к делу Роллинза, которое явно не обещает быть громким, он отнесся с полной серьезностью.

Букмекера Дэнни Роллинза я почти не знал – наше общение сводилось к нескольким разговорам по телефону. У него была жена-физиотерапевт и двое детей-старшекласников. Он катался на лыжах, всегда голосовал за республиканцев, пробовал каждую новую модную диету и всегда выплачивал выигрыши так же неукоснительно честно, как и принимал ставки.

То, чем Дэнни зарабатывал на жизнь, считалось незаконным исключительно благодаря идиотизму нашего уголовного законодательства. Считается законным играть на скачках, сидя на стадионе или в специально оборудованном зале, но не обращаться к букмекеру. Можно просаживать семейный бюджет на лотерейные билеты, но не на «Никс». Люди зарабатывают и теряют состояния, покупая акции Yahoo! или IBM, но попробуй только сделать ставку на «Гигантов», и на следующий день можешь обнаружить свою задницу на скамье подсудимых.

У Дэнни, насколько я знал, имелись некоторые связи с организованной преступностью в северном Нью-Джерси – именно поэтому он мог контролировать свою территорию. Что не мешало ему оставаться, на мой взгляд, порядочным и честным человеком. Дэнни, безусловно, прав, обходя этот смехотворный закон.

Когда я приехал к Холбруку, у него как раз заканчивалась встреча в конференц-зале, секретарша попросила меня подождать в его кабинете. Джон пришел через пару минут.

– Энди, ты что здесь делаешь? – Он сделал удивленное лицо.

– У нас назначена встреча по делу Дэнни Роллинза.

– Я помню. Но вот уж не думал, что ты придешь сам. Такой богатый парень, как ты. Я думал, ты прийдешь кого-то из своих людей. Ведь фондовая биржа уже открылась? – Он посмотрел на свои часы.

Насмешки завистников – еще одна грань внезапного богатства.

– Мои люди заняты. Кроме того, ты им не нравишься. Так что давай-ка снимем эти идиотские обвинения, и я вернусь на фондовую биржу.

– Снимем обвинения? Это кажется настолько очевидным, что твой клиент не принял бы на это ставку. – Он рассмеялся и открыл папку.

Джон обстоятельно демонстрировал мне доказательства: конфискованные карточки для ставок, книги счетов и распечатки записей телефонных разговоров. Его контора уже присылала мне весь этот мусор, ничего нового я не увидел, но промолчал.

– И что же вы на это скажете, господин адвокат? – с торжествующей усмешкой спросил он, захлопнув папку.

– Если вы снимете обвинения до суда, я думаю, что смогу убедить моего клиента не предъявлять вам обвинение за незаконный арест.

– Да ладно, Энди. Я, знаешь ли, занятой человек. Хочешь ты заключить сделку или нет?

– Нет. Мы намереваемся построить сильную защиту, – покачал я головой.

Джон рассмеялся; вполне возможно, он был знаком с некоторыми приемами моей сильной защиты.

– И в чем она будет заключаться? – спросил он.

– Свидетели с незапятнанной репутацией.

– Извини?

– Свидетели с незапятнанной репутацией, – повторил я. – Они засвидетельствуют репутацию моего клиента, которая, надо заметить, кристально чиста.

– Это уж точно. И кого ты намереваешься привлечь в качестве таких свидетелей?

– Ну, знаешь ли, обычных уважаемых, безупречных людей, которых называют столпами общества. Хочешь, чтобы я привел пример?

Он пожал плечами, и я счел это знаком согласия. Я открыл папку, вытащил распечатку телефонных переговоров и указал на первую страницу с номерами телефонов.

– Если я правильно помню впечатляющую демонстрацию улик, эти номера якобы принадлежат людям, которые звонили моему клиенту, чтобы сделать незаконные ставки. Конечно, у вас нет доказательств, но...

– А с какой же, по-вашему, конкретной целью были сделаны эти пятьдесят семь сотен звонков в течение месяца? – перебил он.

– Я не могу переговорить с каждым из них, однако предположу, что в основном это были звонки друзей, чтобы обсудить новости, обменяться рецептами, ну и все в таком роде.

Он начал терять терпение.

– Да ладно, Энди, как ты это докажешь?

– Легко. Давай выберем номер – любой номер. – Я наугад ткнул пальцем в лист. – Как насчет вот этого?

Холбрук посмотрел, куда я указываю.

– А что насчет него?

– Набери его. На телефоне с громкой связью.

Он заупрямился было, затем пожал плечами и пошел к телефону, без сомнения считая, что так я быстрее покину его офис. Когда он возвращался обратно к своему столу, мы оба слышали набор номера и телефонный звонок через громкую связь.

Из динамика послышался женский голос:

– Резиденция Кармайкла.

Когда я подошел к телефону, Холбрук был весь внимание.

– Дома ли господин мэр? – спросил я.

– Как вас представить?

Я широко улыбнулся Холбруку и продолжал:

– Передайте ему, что звонит заместитель окружного прокурора Джон...

Демонстрируя кошачью быстроту, о наличии которой я и не подозревал, Холбрук вскочил со своего кресла, обогнул стол, прыгнул и нажал на рычаг, обрывая связь, прежде чем я успел произнести его фамилию. Он мог бы выступать в цирке акробатом.

– Ты хочешь сказать, что мэр делал ставки у этого парня? Ради этого был весь этот маленький трюк? – повернулся он ко мне, повесив трубку.

– Если только они не обменивались рецептами, – пожал я плечами. – Я спрошу своего клиента на суде.

Холбрук был в ярости.

– Думаешь, меня это остановит? Я даже не голосовал за этого сукина сына.

– Тем не менее, именно этот сукин сын назначил твоего босса. – Я снова ткнул пальцем в список. – Ну что, попробуем еще разок?

– Кто еще там может быть? Папа римский?

– Ну, у моего клиента в самом деле довольно много друзей, и он ужасно любит поболтать. Знаешь, есть такой тип людей...

– Да, я хорошо знаю этот тип, – сказал он. – А теперь, будь добр, катись из моего офиса.

Что я и сделал. Ушел из его офиса и направился в свой. По дороге я позвонил Дэнни и сказал, что правосудие почти восторжествовало. Он, кажется, был очень рад и спросил, сколько он мне должен. Я сказал ему, чтобы он поставил за меня пять сотен на «Семьдесят шестых» сегодня вечером. А вдруг выиграю?

Мой офис в те дни был не очень-то похож на улей трудолюбивых пчел. Эдна, моя прежняя секретарша, даже не оторвала глаз от кроссворда, напечатанного в «Таймс», когда я вошел. Думаю, она бы не оторвалась от этого занятия, если бы вместо меня вошел Авраам Линкольн. Эдна – непризнанный гений по кроссвордам на всем Западе, и главное тут, как она считает, умение сосредоточиться. Так что мое появление не нарушило ее медитацию.

Мне позвонили из трех благотворительных организаций, затем упрямый клиент, которому я уже один раз отказал. Речь шла о дорожно-транспортном происшествии, в результате которого пешеход получил очень серьезные травмы и едва не погиб. Когда потенциальный клиент пришел на встречу со мной, от него пахло алкоголем. Я отказал ему тут же, не задумываясь.

Я попытался немного расчистить стол, перекладывая бумаги справа налево. В результате стол стал выглядеть наполовину заваленным, поэтому я переложил часть бумаг обратно на правую сторону. Когда на обеих сторонах стола лежали груды бумаг, мне некуда было положить ноги. Отказавшись от новой попытки, я взял газету и прочитал об обнаружении обезглавленного тела Алекса Дорси. Чтобы газеты лучше продавались, журналисты обычно изображают убийства кровавыми и ужасными, во всех подробностях. Но на этот раз, учитывая должность погибшего, пресса притворялась, что ей неловко.

Встреча с Холбруком этим утром, хотя это не была судебная речь, подняла мне настроение. Хорошо бы обзавестись делом, в которое я могу вонзить свои зубы юриста.

Поскольку на данный момент такого дела не было, а Эдна не обращала на меня ни малейшего внимания, я забрел в офис Сэма Уиллиса, расположенный дальше по коридору. Сэм – мой бухгалтер, с тех пор как я переехал в это здание.

Наши деловые отношения основывались на обмене профессиональными услугами. Сэм – финансовый гений, и это не преувеличение. Он знал все, что только можно, о деньгах и законах их обращения. Но еще он был классный компьютерщик. Когда его пальцы виртуоза порхали над клавиатурой, чувствовалось, что он и компьютер – одно целое.

Защищая интересы обманутого клиента, Сэм взломал компьютерную сеть корпорации. Я спас его от суда, и с тех пор мы стали друзьями.

Что меня всегда поражало в Сэме, так это то, что он со всеми своими способностями и энергией никогда не интересовался собственным финансовым благополучием. Он мог бы стать финансовым гуру крупнейших корпораций, а вместо этого список его клиентов выглядел перечнем «Кто есть кто среди неудачников». Как бывшее низкооплачиваемое ничтожество, я к этому приноровился. Когда же на меня свалились все эти деньги, Сэм пришел в такой ажиотаж, что я думал, с ним случится сердечный приступ.

Когда я зашел к Сэму, кроме него в кабинете был Барри Лейтер, молодой человек двадцати трех лет, которого Сэм нанял, когда тот еще учился в старших классах. Работая на Сэма, Барри попутно доучивался в вечерней школе, и Сэм клялся, что Барри разбирается в компьютерах гораздо лучше, чем он сам. Ему определенно нравилась идея иметь протеже.

У нас с Сэмом была давняя игра-состязание. Фишка заключалась в том, чтобы включать в разговор слова песен. Чем больше песенных цитат, тем лучше, а если другой не отгадает, считай, что он на обеих лопатках.

– Эй, Сэм, – сказал я. – Что проку сидеть в одиночестве в своей комнате? Иди сюда, здесь играет музыка.

Я ожидал, что он высмеет мою слабую попытку начать с «Кабаре», потому что это и была плохая попытка, но он, кажется, вообще этого не заметил.

– Привет, Энди, – сказал он вяло и бросил быстрый взгляд на Барри.

Тот понял и тут же вышел.

– Что случилось? – спросил я.

Сэм горестно вздохнул.

– Все.

– Как тебя понимать?

– Помнишь моего младшего брата Билли? – Сэм снял очки и потер глаза. – Он как-то заходил ко мне...

Я кивнул. Билли, он жил в Питсбурге, в прошлом году приезжал навестить Сэма.

– Знаешь, он тяжело болен.

Я не знал об этом, но кивнул, и Сэм продолжал:

– Сначала он сам не догадывался, а потом стал худеть, да еще постоянное ощущение слабости.

– И сильно он похудел? – спросил я.

– Я-то считал, что фунтов на пять или десять, около того. Мы созваниваемся несколько раз в неделю, и у него совершенно больной голос, но он говорит лишь, что чувствует себя как-то не очень. Вот как он это называет – «не очень». – Сэм грустно покачал головой.

Мне показалось, что на глазах у него блеснули слезы. Плохо дело.

– Ну, а в эти выходные я ездил туда на день рождения матери, – продолжал он. – Я спросил, где же Билли. А мама сказала, что он наверху, в своей комнате, и он неважно себя чувствует. Еще одно «неважно», представляешь? Ну я и пошел к нему наверх... черт, я не забуду этого до конца своей жизни.

– Чего? – спросил я, чувствуя беду.

Он сделал над собой усилие, прежде чем продолжить.

– Билли... он как будто тает. Прямо у меня на глазах. Он был крупным парнем, помнишь? Что-то около ста девяноста фунтов. Знаешь, сколько он сейчас весит? Сто пятнадцать фунтов. Сто пятнадцать! Он превратился в скелет, обтянутый кожей, которому недолго осталось ждать конца.

Я покачал головой – мне было нечего сказать.

– Я всего лишь бросил на него взгляд и чуть с ума не сошел, понимаешь? Все эти месяцы он лгал мне – не говорил, насколько ему плохо на самом деле. Я был так потрясен, что мне хотелось просто сбежать оттуда и никогда не возвращаться.

– И что же ты сделал?

Он пожал плечами.

– А что я мог? Билли – кожа да кости... а я все думал: «Ему не может быть очень плохо, он же мой брат».

Тут Сэм заржал, довольный тем, как разыграл меня. Да уж, он вывел игру на новый уровень. Даже тот факт, что он только что придумал своему родному брату смертельную болезнь, не умерил его веселья.

Я побыл у него еще немного, но, что бы я ни говорил, мне не удавалось стереть торжествующую ухмылку с его лица, и меня это начинало раздражать. Я отправился обратно к себе, предпочитая общество игнорирующей меня Эдны.

Но когда я вернулся, Эдна была не одна. Посетитель, ростом примерно шесть футов два дюйма, с короткими черными волосами, зачесанными назад, был одет в кожаную куртку, которая, вне всяких сомнений, стоила больше, чем нужно было для спасения семьи гватемальских выдр. Он пытался изображать важную шишку и на Эдну явно произвел впечатление. Она даже отложила свой кроссворд и принесла ему чашку кофе. Со стороны Эдны это означало безмерную преданность.

– Эндрю, это Джеффри Стайнз. Мистер Стайнз, Эндрю Карпентер.

Эдна почти никогда не называла меня Эндрю, и это было из ряда вон. Хотя, видимо, она пыталась продемонстрировать высший класс.

Стайнз улыбнулся и протянул руку.

– Приятно познакомиться.

Я пожал ему руку.

– Мне тоже. Чем могу быть полезен?

– Вы могли бы быть мне полезны как юрист, – ответил он, продолжая улыбаться.

– Что ж, давайте обсудим, – сказал я и пригласил посетителя в кабинет.

Когда он вошел, я обернулся и увидел, что Эдна показывает мне поднятые большие пальцы, выражая свое одобрение и желание видеть его моим клиентом. Я закрыл за нами дверь, без сомнения, разозлив Эдну, но это ей в отместку за «Эндрю».

Большинство людей, которые ко мне обращаются, садятся на стул напротив моего стола, но Стайнз сел на диван. Я принес свой стул, чтобы быть ближе к нему, когда мы будем говорить. Он выглядел совершенно спокойным и невозмутимым, в отличие от моих обычных предполагаемых клиентов. Люди, которые нуждаются в услугах адвоката, по определению подавлены, но если Стайнз и испытывал какое-то напряжение, то очень удачно скрывал это.

– Почему вы решили обратиться именно ко мне? – спросил я.

– Ну, вы же известный человек после дела Миллера. Хотя я слежу за вашей карьерой уже довольно давно, – сказал он.

Я был озадачен и почувствовал неясную тревогу.

– А что вас заставило следить за моей карьерой?

Он снова самоуверенно улыбнулся.

– Я знал, что могу оказаться в такой ситуации, как сейчас.

Прежде чем мы обсудили, о какой именно ситуации идет речь, я просветил его насчет некоторых основных моментов найма адвоката. В том числе и стандартного соглашения с нанимателем, которое Эдна подготовила, а Стайнз подписал. Хотя такое соглашение и не гарантировало, что я соглашусь заниматься делом Стайнза, оно, однако, устанавливало рамки нашего взаимодействия и позволяло Стайнзу обсуждать со мной причины, по которым ему нужен адвокат, не опасаясь огласки.

Все это заняло около десяти минут, по окончании которых Стайнз с технической точки зрения считался моим клиентом, хотя пока что только в рамках данного разговора. Я решу, братья ли за его дело, когда услышу, в чем оно состоит.

– Ну, – сказал я, – теперь прошу рассказать, что заставило вас обратиться к моим услугам.

– Есть маленький, но верный шанс, что я буду обвинен в преступлении, – сказал он

таким тоном, будто это его совершенно не касалось.

– Что-то серьезное?

Он снова улыбнулся, на сей раз гораздо снисходительнее, чем прежде.

– Да, довольно серьезное.

– А конкретно?

– Убийство Алекса Дорси.

Вряд ли мне удалось сохранить невозмутимость.

– Вами интересовалась полиция? – спросил я.

– Нет.

– Но у вас есть информация, которая заставляет вас полагать, что они собираются вами заинтересоваться?

– Нет.

– Тогда почему же вы думаете, что вы под подозрением?

Еще одна улыбка, теперь не такая широкая.

– Не думаю, что меня подозревают. Но когда я убивал его, на мою одежду попало несколько капель его крови. Я выбросил и одежду и нож в какие-то кусты за стадионом Хинчклифф. Надо было выбросить их в водопад, но я торопился, вы понимаете.

Стадион Хинчклифф – это большое бейсбольное поле, в прошлом база юношеской лиги, и он находится прямо около водопада Пассайк, одного из крупнейших водопадов страны. Если бы Стайнз выбросил улики в водопад, их бы никто никогда не нашел.

– Дорси был убит не за стадионом Хинчклифф, – заметил я.

Он улыбнулся.

– Не путайте место, где было найдено тело, с местом, где он был убит. Его *нашли* на складе на бульваре Маклина.

Я уже почти решил, что откажусь от этого дела, но по какой-то причине – может, из-за нездорового любопытства – продолжал расспрашивать его:

– Почему же вы не пошли и не забрали все это оттуда?

– Потому что если бы по какой-то причине полиция наблюдала за мной, они бы приперли меня к стенке. А так, даже если они обнаружат, есть шанс, что они не свяжут это со мной.

Он только что признался в зверском убийстве, демонстрируя ровно столько эмоций, сколько я испытываю, заказывая пиццу. Меня внезапно охватило желание нажать на интерком и сказать: «Эдна, это Эндрю. Не могли бы вы принести мне мачете, канистру бензина и несколько спичек? Мистер Самый Подходящий Клиент хочет показать нам, как он на прошлой неделе обезглавил и поджарил полицейского».

– Почему вы убили его? – спросил я.

Он рассмеялся, еще более уменьшая шанс, что я передумаю и возьмусь за это дело.

– Если бы вы знали Дорси, более логичным был бы вопрос, почему никто не убил его раньше?

– Что вы сделали с его головой?

Он улыбнулся – казалось, он раздумывает, стоит ли отвечать, – потом принял решение.

– Не думаю, что хочу этим с вами делиться. Так что решайте, братья или не братья за мое дело.

Кажется, он решил, будто я сомневаюсь в том, что он говорит правду, поэтому без каких-либо вопросов с моей стороны рассказал, какую смесь бензина и пропана использовал, чтобы сжечь тело Дорси. Состав смеси был тот самый, о каком Пит говорил Лори, но в газетах этой информации не было.

Мне хотелось узнать больше, но это желание вскоре уступило место другому, гораздо более сильному. Я хотел, чтобы этот человек покинул мой кабинет. Немедленно.

Я встал.

– Проверьте, чтобы у вас сохранилась копия соглашения нанимателя. Это ваша гарантия, что я не пойду в полицию со всем, что вы мне только что рассказали. Я не стану

представлять вас в суде.

Стайнз тоже поднялся. Если он и был разочарован, то хорошо скрывал это.

– Вы полагаете, что я не заслуживаю хорошей защиты только потому, что виновен? – спросил он, явно развлекаясь.

Я покачал головой.

– Я полагаю, что каждый имеет право на самую лучшую защиту, какая только возможна. А уж тем более виновный.

– Тогда почему вы отказываетесь вести мое дело? Я заплачу любую цену, которую вы запросите.

Я решил ответить прямо:

– Мистер Стайнз, когда я представляю клиента, я делаю все возможное в рамках дозволенного, чтобы выиграть дело. Я не хочу потом сожалеть, если дело увенчается успехом.

– Вы хотите, чтобы я сел в тюрьму? – спросил он.

– Пока что я хочу, чтобы вы покинули мой офис. Уверяю вас, есть множество компетентных адвокатов, которые с радостью возьмут ваше дело. Если до этого дойдет.

– Ладно, – произнес он. – Это ваше решение.

Сказав так, он вышел из моего кабинета, и я услышал, как он вежливо прощается с Эдной. Эта встреча привела меня в состояние легкого потрясения, которое можно списать на ту небрежную, сухую манеру, в которой мой визитер обрисовал совершение столь жестокого убийства.

Интересно, с чего это я так разнервничался?

* * *

Если что я и люблю, так это вечера понедельника, а также среды и пятницы – это наше с Лори время. Эти вечера мы проводим вместе. Мы редко куда-то ходим, то есть практически никогда – просто сидим дома у меня или у нее, готовим ужин либо заказываем его на дом. Наши вещички расползлись по обеим квартирам, хотя, с тех пор как у меня появилась Тара, мы почти всегда проводим вечера у меня. И я, и она почему-то предпочитаем проводить воскресное утро в одиночестве, так что по субботам мы не встречаемся.

И Лори, и мне такой стиль отношений был вполне по душе. Все решалось по свободному выбору, и никто не обманывал ничьих ожиданий. Мы еще не были готовы к совместной жизни.

Сегодня была очередь Лори соображать насчет ужина. Она настоящий профессионал на кухне. Что бы ни нашлось в моем холодильнике, она ухитрялась превратить в восхитительный соус к макаронам.

Лори разбила небольшой огорожок в отдаленном уголке моего заднего двора – еще одно свидетельство того, насколько мы разные. Какой смысл выращивать то, чем и так забиты все супермаркеты? Кажется, она думала, что если ей не удастся вырастить латук на грядке, то его не будет у нас на столе. У нее рос даже базилик, и я в порыве благодарности поклялся, что никогда не буду покупать его в магазине.

Сегодня у нас была паста – нечто вроде красного соуса с кусочками чего-то. Я не спрашивал, чего именно, чтобы не портить себе аппетит. Вкусная еда, а вдобавок музыка, свечи и компания Лори! Казалось бы, чудный вечер. Но я не мог выбросить из головы Джеффри Стайнза и его леденящее душу признание.

Я старался выбросить это из головы, но тут Лори упомянула, что заезжала ко мне в офис, но не застала меня – я уже ушел.

– Эдна сказала, что кто-то сегодня пытался нанять тебя, но ты выставил его.

Я пожал плечами.

– Ну ты же знаешь Эдну. – Я попытался улыбнуться.

Лори знала Эдну, но почему-то этого оказалось недостаточно, чтобы закрыть тему.

– Она сказала, что ты выглядел расстроенным.

Я решил честно все рассказать. Кто знает, может, это к лучшему.

– Он мне не понравился. Как и его дело.

– Почему?

– Это не подлежит разглашению, – покачал я головой.

Она кивнула, вполне понимая и уважая значение этого слова. Меня мучило, что я не могу с ней поделиться, но у меня не было выбора.

В нашей системе правосудия едва ли найдется что-либо столь же важное для защитника, как соглашение адвоката с клиентом о неразглашении. Если бы подозреваемый не мог быть до конца честным со своим адвокатом, не боясь, что его слова всплывут в ходе следствия, это бы серьезно уменьшило его шансы на хорошую защиту. Никогда в жизни я не нарушал соглашения и никогда не нарушу.

Самое смешное, что если бы я взялся за дело Стайнза, то мог включить Лори в расследование в качестве своего детектива и рассказать ей все про жутковатое признание Стайнза. Но я ему отказал, так что при всем желании не мог найти повода, чтобы нанять детектива.

Кроме того, не факт, что Стайнз действительно убил Дорси. Ложные признания, как ни удивительно, обычная вещь. Хотя, конечно, их делают в основном в полиции, а не в кабинете юриста. И такие люди чаще всего психи и (или) неудачники. Стайнз совсем не походил на неудачника. Что еще важнее, он знал состав горячей смеси и по памяти пересказал его.

Этот парень убийца.

Лори оставила эту тему, хотя и видела, что меня что-то беспокоит. Мы были странной, ненормальной парочкой, поэтому решили заняться тем, что обычно делали после ужина, – сыграть в скрэббл.

Для меня играть в скрэббл с Лори – серьезное испытание. Мы взяли бокалы с вином и переместились на пол, и я почти все время пилился на нее, не в силах отвести глаз. Ее небрежная красота словно не требовала никаких усилий, потому что была не оболочкой, а самой сутью Лори. Я видел ее после изматывающего бега, после душа, после занятий любовью, после ночи сна и после бессонной ночи, после слез, после долгого дня в офисе и даже после драки с каким-то субъектом, который попытался к ней приставать. Так что могу авторитетно засвидетельствовать – Лори всегда бесподобна, и нет такой ситуации, которая отняла бы у нее хоть кусочек очарования.

Итак, вместо того, чтобы смотреть на свои фишки, я любовался Лори. Она бессовестно пользовалась этим, к тому же всюду жульничала, выдумывая слова, каких не бывает. У Лори напрочь отсутствует мораль при игре в скрэббл; победа нужна ей любой ценой, а о правилах пусть беспокоится противник.

Обычно я проигрываю, уступая около пятидесяти очков, но сегодня неожиданно оказался впереди на семнадцать. Мы сыграли уже примерно три четверти партии, и это значило, что она просто выжидает и не станет делать ход, пока не придумает какое-нибудь особенное слово. Если понадобится, она будет все взвешивать и мучиться над решением до августа месяца и скорее повесится, чем сделает неудачный ход.

Около десяти минут прошло в молчании, и я почти задремал, когда Лори наконец придумала свое слово. Оно сулило ей тройную норму очков, всего сорок восемь, и если я не сумею ответить, победа за Лори.

Слово было... «клептоманить».

За какие коврижки я должен спускать ей это? Правда, Лори становится очень агрессивной, если я вообще оказываю какое-либо сопротивление.

– Клептоманить? – сказал я очень осторожно. – Лори, дорогая, боюсь, такого слова нет.

– Конечно, есть! Клептоманить. Это то, что делают kleptomaniacs.

– Клептоманы *воруют*, дорогая, – сказал я.

Лори выпрямилась.

– Знаешь, это те никчемные неудачники, которых ты представляешь в суде, *воруют*. А настоящие психи *клептоманят*.

Я принялся искать словарь, и мы отложили игру. Словаря нигде не было.

– Ягодка моя, ты не знаешь, куда запропастился словарь?

– Я уже искала его, но он пропал, – резко сказала она. – Должно быть, кто-то его склептоманил.

После этого игра стремительно пошла дальше, я начал делать ходы слишком быстро, а Лори думала все дольше и в конце концов разбила меня в пух и прах, выиграв шестьдесят семь очков.

Ладно, игру я продул, зато теперь мы можем идти в постель, а делить постель с Лори гораздо приятнее, чем играть с ней в слова. Делить постель с Лори гораздо лучше, чем играть в слова с кем бы то ни было.

Я проснулся в шесть тридцать утра и включил телевизор, чтобы посмотреть местные новости. Лори еще спала, но телевизор ее не разбудит. Ее бы не разбудил даже грохот от падения гигантского астероида по соседству с моим домом.

В местных новостях почти никогда не бывает ничего существенного. Уличное движение, погода, плоские шуточки ведущих, затянутые репортажи, а потом опять движение и погода. Сегодняшние новости не были исключением. Шел дождь, и несчастный репортер, который обычно читает сводки погоды, маялся под зонтом на углу какой-то улицы. Он предсказывал, что погода сегодня будет дождливая. Все эти деньги, которые идут на обучение метеорологов, явно тратятся впустую.

Лори открыла глаза около семи и огорошила меня, небрежно заметив:

– А ты разве не собирался в тренажерный зал сегодня утром?

В последнее время я набрал несколько фунтов, так что наметилось брюшко. И что еще хуже, это не укрылось от Лориных глаз. Пришлось объявить, что я начну ходить в тренажерный зал. Для первоначального забега в здоровый образ жизни я решил присоединиться к Винсу Сандерсу, сегодня как раз первое занятие. У меня это начисто вылетело из головы, хотя если бы и помнил, я бы сделал вид, что забыл, – тащиться куда-то совершенно не хотелось.

Но деваться было некуда, так что я встал, выгулял Тару, потом побросал в сумку что под руку попало и пошел. Если из этой затеи ничего не выйдет, мне остается только пойти к таксидермисту и предать себя в его руки.

Винс – редактор отдела городской хроники в «Берген рекорд»; шумиху, которая привела Уилли Миллера за решетку, раздул молоденький репортер из его отдела. Винс тогда здорово помог мне, и с тех пор нас довольно дружеские отношения. Винс холостяк и фанат булочек с повидлом; его брюхо – наглядное тому доказательство.

В тренажерный зал я опоздал на десять минут. Опоздал бы и больше, но у них была парковка с обслуживанием. Винс слегка поворчал на меня за опоздание.

– Ты сюда пришел, чтобы работать над собой или чтобы опаздывать? – набросился он на меня.

Я просто пожал плечами и извинился. Он подлетел и повел меня внутрь.

Заведение оказалось навороченным и суперсовременным, с новейшими тренажерами, бутиком модной одежды для спорта, модной парикмахерской и закусочным двориком, который мог принять у себя выпускной бал.

Именно в закусочную мы и отправились для начала. Винс заказал большой фруктовый десерт со взбитыми сливками, сладкую булочку с бананом и орехами и фруктовый салат. Я взял апельсиновый сок, и к тому моменту, как я допил его, Винс уже съел все до крошки. Он заказал лепешку с изюмом и еще один десерт и взял все это с собой, когда мы направились на тренировку.

– Куда мы идем? – спросил я.

– На дорожку. Это лучшая тренировка, какая только может быть.

– Почему это?

Он вздохнул, удивляясь моему невежеству в области фитнеса.

– Потому что это приближается к условиям реальной жизни. Я хожу в жизни, поэтому хожу и на дорожке.

– Если суть в том, чтобы имитировать то, что делаешь в реальной жизни, почему бы тебе не пойти на тренажер по поеданию булочек?

Он фыркнул.

– Поверь мне, если бы такой был, я бы пошел именно туда.

Мы пришли на дорожку, и вскоре я обнаружил, что самое главное – это приготовления. Приготовления Винса выглядели следующим образом: первым делом он подсоединил стереонаушники к устройствам, позволявшим ему слышать звук с больших плазменных телевизоров. Затем приладил эти наушники так, чтобы они не съехали с его головы, даже если он вдруг действительно решит позаниматься. После этого он отрегулировал дорожку на нужную скорость и подъем, которые точнее всего было бы назвать «медленно и без наклона». Затем он аккуратно повесил свое полотенце на перила – на случай, если он вдруг вспотеет. Думаю, это никак ему не угрожало.

Я настроил свой тренажер на более высокую скорость и более крутой наклон – на нагрузку не слишком высокую, но достаточную для того, чтобы тренировка имела какой-то смысл. Пять минут спустя Винс сошел со своей дорожки, объясняя, что «эта хреновая аэробика, конечно, полезна, но перенапрягаться не стоит». Поскольку я был здесь впервые, я последовал за ним в раздевалку, где мы приняли ванну с гидромассажем, – предполагалось, что она должна унять боль в наших натруженных мышцах.

Хотя Винса нельзя было назвать спортсменом, газетчиком он был что надо. Его самое ценное качество заключалось в том, что он всегда знал всю подноготную любого события в тех кругах, куда имел доступ. Если дело касалось северного Нью-Джерси, он знал, что происходит, кто в этом замешан и у кого будут проблемы.

– Ты когда-нибудь слышал о парне по имени Джеффри Стайнз? – спросил я.

На его лице не отразилось ничего.

– Никогда, – ответил он. – А кто это?

– Да так, один тип, – пожал я плечами.

– Ах, тип? Да неужели? Я и сам догадался, что это не рыба и не теннисная ракетка. Ну, раз уж ты спросил о нем – что это за тип?

Я уже пожалел, что заговорил об этом, но таково мое проклятое любопытство.

– Это закрытая информация, – вздохнул я.

Винс воззрился на меня с сомнением.

– Он твой клиент? Твой клиент, и ты меня спрашиваешь, кто он такой?

– Считай, что я ничего не говорил.

Он кивнул и отдался струям воды, бурлящей вокруг его тучного тела. Но через несколько минут не выдержал:

– Хочешь, чтобы я его проверил?

– Хочу.

– А что мне за это будет? – осведомился он.

– Я не скажу никому, что работа с пультом от телевизора дает большую нагрузку мышцам, чем твои тренировки.

Он с минуту подумал, потом сказал:

– Идет.

Мы вернулись в раздевалку, чтобы принять душ и переодеться. Глядя в зеркала, я не заметил, чтобы похудел хоть на грамм в результате этой тренировки, хотя восемь или даже девять калорий наверняка сжег.

Раздевалка выглядела не менее модно, чем все остальное, – здесь были три или четыре телевизора, расположенных так, что их можно было смотреть из любой точки. Они

показывали выпуск местных новостей, и когда я проходил мимо одного из них, до меня донеслось имя Алекса Дорси.

Я поднял голову и увидел ведущего, который сидел за столом в студии и говорил. За его спиной была фотография человека, под которой было написано: «Арестован по подозрению в убийстве Алекса Дорси».

Не знаю, кто был этот парень, но определенно не Джеффри Стайнз.

* * *

Когда я приехал в офис, Лори ждала меня там. Она уже знала все о той версии, которую сообщала пресса: когда дело касалось Алекса Дорси, Лори всегда была в курсе.

Арестованный Оскар Гарсия, двадцати семи лет, был пуэрториканским иммигрантом и проживал в Пассайке. Сообщалось, что он пушер, мелкий толкач наркотиков, и его несколько раз арестовывали; хотя до тюрьмы дело не доходило, биография у него, по-видимому, была более чем яркая.

Осведомленность Лори об этих новостях не вызвала у меня удивления, чего не скажешь о ее взволнованности.

– Гарсия не мог этого сделать, Энди, – сказала она. – Я знаю этого парня.

– Правда?

Она кивнула.

– Он мелкий толкач, обретается в Пеннингтон-парке и знакомит детей с радостями кокаина. Я однажды брала его с поличным.

– По радио говорят, что его арестовывали, но всегда отпускали.

– Это был один из моих провалов. – Она снова кивнула, помрачнев от воспоминаний.

– О чем ты? – спросил я.

– Моя подруга, Нина Альварес... Мы вместе учились в средней школе. Гарсия пристрастил ее четырнадцатилетнюю дочь сначала к марихуане, а вскоре посадил на крэк. Нина перепробовала все, даже помещала ее на какое-то время в закрытую лечебницу. В конце концов она решила попытаться что-то сделать с источником этих наркотиков и обратилась ко мне.

– Чтобы арестовать Гарсию?

– Именно, – кивнула Лори. – Сначала ничего не получалось. Этот сукин сын был довольно осторожен. А потом однажды я была в суде, давала показания по одному делу, и именно в этот день мой напарник взял его с поличным. Мы арестовали его, и я думала, что все наконец закончилось.

– Но ничего не закончилось, – сказал я, подавая, как в пьесе, ожидаемую реплику.

– Гарсию выпустили через два дня. Его адвокат убедил судью, что обыск был незаконным, так как для него не было никаких причин.

– И тебе больше никогда не удавалось прищучить его?

– Нет, – сказала она. – Потом разразился этот скандал с Дорси, и я ушла из полиции.

– А что случилось с дочерью твоей подруги?

– Она сбежала из дому через пару месяцев, и больше ее никто не видел. Надо полагать, постигает прелести уличной жизни. Четырнадцать лет... – Говоря это, Лори сделала над собой усилие, чтобы не расплакаться, и в ее глазах стояла боль. Она чувствовала себя виноватой в том, что ее подруга потеряла дочь из-за наркотиков.

Этот случай, по-видимому, много значил для нее, а я до сих пор ничего не знал. Чего еще я о ней не знаю? О каких еще глубоких личных травмах она молчит в понедельник, среду и пятницу вечером? И как я должен себя чувствовать из-за того, что она никогда раньше не допускала и мысли о том, чтобы рассказать мне нечто подобное?

Я снова перевел разговор на животрепещущую тему.

– Почему ты считаешь, что Гарсия не мог убить Дорси?

– Понимаешь, Энди, Дорси пятнадцать лет был тайно связан с преступным миром. Я

работала с ним уже после того, как эта тайна открылась, но достаточно хорошо успела его узнать. Это был упрямый и чертовски опасный сукин сын, он чуял беду за милую. Трудно представить себе, как кто-то мог его убить, а уж мелкая сошка вроде Гарсии не могла сделать это ни при каких условиях. Даже если бы Дорси привязать к дереву, а Гарсии выдать базуку и танк, Дорси бы с него с живого кожу снял через тридцать секунд.

Что мне хотелось сказать, так это: «Поздравляю, ты опять права, Лори! Парень, который действительно виновен, сидел в этом самом кресле вчера. Покажи ей, что она выиграла, дружок!» И то, что я не мог ей этого сказать, злило меня, однако ничего тут поделать нельзя.

– Скорее всего, полиция знает то же, что и ты, – сказал я. – Но у них, должно быть, что-то есть на него, а то бы ему не предъявили обвинение в убийстве. Может быть, он с тех пор вырос в матерого уголовника?

– Это нереально, – покачала головой Лори.

Уверенность, прозвучавшая в ее голосе, удивила меня.

– Никаких сомнений?

– Абсолютно, – тихо сказала она, глядя мне прямо в глаза.

Здесь были подводные камни, которые я решил обойти. Наш разговор окончательно угас из-за недостатка новой информации, так что Лори за ней и отправилась. Я остался в одиночестве, надеясь все обдумать.

Для того, чтобы взяться за защиту клиента, я должен был, по меньшей мере, понимать, что он невиновен. Это жесткое убеждение серьезно сокращало мой послужной список, однако для меня тут не было выбора. Разумеется, почти никогда нельзя знать наверняка, что твой клиент невиновен. Все, что у меня было в начале любого дела, это недоверие к фактам, которые представляло обвинение, и вера и убежденность в том, что мой клиент говорит мне правду. Даже в самых удачных делах мне никогда не удавалось полностью доказать невиновность клиента; я всего лишь надеялся, что смогу поставить его вину под серьезные сомнения. И дело Уилли Миллера – яркий тому пример.

Нынешняя ситуация выглядела совершенно иначе. Я мог быть совершенно уверен, что Гарсия невиновен, потому что я знал, кто виновен. Тут было немало пищи для размышлений, а лучше всего я размышляю, выгуливая Тару на утином пруду. Чем и собирался заняться, когда Эдна объявила, что у меня в 11.15 встреча и клиент уже пришел. Поскольку клиентов в данный момент у меня не было и уж на 11.15 я встреч не назначал, звучало это сильно.

Оказалось, что в 11.15 мне предстоит встретиться с двоюродным братом Эдны, биржевым маклером Фредом. Вообще-то встретиться с ее кузеном Фредом когда-нибудь в необозримом будущем я действительно обещал, малодушно рассчитывая, что это будущее никогда не наступит. Но вот оно наступило, и пока я попытался сообразить, можно ли удрать через окно, в мой кабинет вошли Эдна и человек, который, как она считала, лучше всего распорядится моими двадцатью двумя миллионами, – кузен Фред.

Не было ничего удивительного в том, что у Эдны нашелся кузен для этих целей. Кажется, у нее была огромная семья, раскиданная по всему западному полушарию; ее родственники занимались всеми делами, какие только смог придумать человек, причем все работали в разных сферах. Кузен Фред занимался финансовыми рынками.

Фред оказался упакованным в костюм-тройку джентльменом примерно моего возраста. Он пожал мне руку, и мне немедленно вспомнилась сцена из «Бери деньги и беги» с Вуди Алленом, в которой персонаж Аллена, заключенный, был пойман при попытке к бегству. В качестве наказания его заперли в подземелье вместе со страховым агентом из Дайтона, и они пожали друг другу руки, когда свалились в эту дыру.

Эта встреча обещала быть пыткой в любом случае, и особенно сейчас, когда я хотел вытряхнуться из офиса и как следует подумать над всеми этими событиями вокруг смерти Дорси. Вряд ли мне сосредоточиться на этих проблемах, обсуждая финансовые вопросы с кузеном Фредом.

К моему большому удивлению, кузен Фред оказался нормальным человеком, который к

тому же разделял мое недоверие к людям, претендующим на знание фондового рынка. Я убежден, что никто на самом деле понятия не имеет, поднимутся цены или упадут. В конце дня комментаторы строят четкие, логически выверенные прогнозы, что будет происходить на рынке завтра, но это не более обосновано, чем астрологические прогнозы.

Мы с Фредом говорили на одном языке. Насколько я люблю азарт в ставках на исход футбольных или баскетбольных матчей, настолько же я предпочитаю быть осторожным на фондовом рынке, ограждая себя от разорения. Фред придерживался точно такой же стратегии, и что особенно важно, он сообщил об этом раньше, чем узнал мою точку зрения. Я убедился, что он не пытается просто говорить мне то, что, как он полагает, я хочу слышать.

Но при всей своей консервативности в финансовых решениях, я все же довольно импульсивен. Фред показался мне не хуже других дилеров, которых я встречал, так что я согласился предоставить ему распоряжаться одиннадцатью миллионами долларов из моих средств. Он не стал падать мне в ноги и рассыпаться в благодарностях, хотя, конечно, был доволен. Я направил его утрясти все детали к Сэму Уиллису и позвонил Сэму – предупредить об этом. Когда Фред вышел из моего кабинета, Эдна восторженно взвизгнула – она была не настолько сдержанна, как ее кузен.

Наконец-то освободившись, я взял Тару и поехал с ней к утиному пруду в Риджвуд. Это удивительно тихое место, особенно учитывая то, что там все еще было прохладно и родители не выгуливали здесь своих вопящих отпрысков. Тара всегда замирает при виде уток; она может тихо сидеть и пялиться на них часами. Мы взяли с собой булку, и Тара знала, что это для уток, и не пыталась покушаться на нее. Нам с Тарой обоим легче всего думается здесь.

Моральной дилеммы со Стайнзом, вообще говоря, не было. Мои профессиональные правила диктовали мне вести себя так, будто Стайнз никогда не переступал порог моего офиса и не делал никаких признаний. Буду кормить уток, выгуливать Тару и пытаться определить, на какую благотворительность потратить деньги, если вдруг сложится так, что кузен Фред не проиграет на бирже все мои деньги.

Другое дело Гарсия. Лори безусловно права, это омерзительный тип, по которому давно тюрьма плачет. Но судебная система не осуждает хоть трижды подозрительного человека, который невиновен в преступлении, лишь из-за того, что он, по-видимому, совершил другие преступления, которые невозможно доказать. Это только в бейсболе бывают штрафные броски, но суд не НБА.

Справедливость будет попорана, если Гарсия получит срок. И что с того? Мало ли я вижу несправедливостей, с которыми ничего не могу поделать? Это еще далеко не худший пример. К тому же кто сказал, что его непременно посадят? Если он не совершал этого убийства, а он его не совершал, то кто найдет против него неопровержимые улики? Обвинению не удастся доказать его виновность, он выйдет на свободу, настоящий убийца будет пойман, и все будет в порядке. Мне остается накормить пару дюжин уток и провести хороший день в компании Тары. И забыть о Гарсии. Выкинуть его из головы.

Я не мог.

Я отвез Тару обратно домой и отправился в суд. Судебный пристав, Рита Голден, вышла пообедать, секретарша сказала, что она вернется через десять минут. Решил подождать в коридоре, и она вернулась, опережая расписание на две минуты.

Рита мне нравилась. Она всегда безупречно выполняла свою работу – следить за ровным течением судебного расписания и защищать судей от адвокатов вроде меня, с шилом в одном месте.

Риту занимают две вещи: суд и секс. Она развивает обе темы одновременно, подходя к этому творчески и позволяя мне принимать участие в разговоре. Например, когда она увидела, что я стою под ее дверью, она сказала:

– Энди, что это у тебя с брюками: ты обделался, или это ты так рад меня видеть?

– Я всегда рад тебя видеть, горячая судебская штучка.

У нее определенно получается лучше, чем у меня.

– Тогда почему ты не заходишь? Хочешь, сыграем в первоначальный допрос? Я буду агрессивным адвокатом, а ты – молчаливым свидетелем. И рядом нет никого, кто мог бы сказать: «Протестую, ваша честь».

– Увы, мое сердце принадлежит другой. Но всем остальным ты можешь воспользоваться.

Она засмеялась, потом вернулась к делу.

– Что стряслось?

– Я хочу знать, представляет ли кто-нибудь Гарсию, – ответил я.

Рита вошла в кабинет, и я последовал за ней, продолжая говорить.

– Зависит от того, кто такой этот Гарсия, – логично заметила она.

– Это тип, которого арестовали за убийство Дорси.

– А, да, точно, еще один ложно обвиняемый. – Она дошла до своего стола и принялась искать информацию в списке. – ОЗ, – произнесла она, и это означало, что данное дело будет вести общественный защитник.

– Спасибо, Рита, – сказал я и направился к выходу.

– Только не говори, что ты рыщешь в поисках клиента, – заметила она. – Не с твоими деньгами.

– Деньги – не самое главное.

Она кивнула.

– Ты прав. Самое главное – это секс. И если у тебя есть деньги, я тебе это докажу.

Мне едва удалось унести оттуда ноги, сохранив при этом достоинство мужчины.

В кино общественных защитников обычно изображают в двух вариантах. Один вариант – это отважные защитники нашей замечательной правовой системы, несущие свою трудовую вахту, несмотря на колоссальную загруженность работой, вопиюще низкую зарплату и условия труда, прямо-таки списанные с «Оливера Твиста». В другом варианте они – совершенно некомпетентные олухи, которые ни на что не способны, кроме как гарантировать своим несчастным клиентам возможность провести остаток жизни в тюрьме. Из-за того, что в суде их представляют такие неумехи.

На самом деле ни один из этих портретов нельзя назвать точным. По большей части общественные защитники – сильные юристы, прекрасно разбирающиеся в тонкостях закона, которые чертовски хорошо делают свою работу. Они действительно перегружены, но система неплохо финансирует службу ОЗ. Это, конечно, не бешеные деньги, но если требуется свидетельство эксперта, оплата гарантируется. Да и кабинеты у них, положила руку на сердце, куда просторнее моего. Хотя, конечно, как сказала бы Эдна, это еще ни о чем не говорит.

Отдел общественной защиты возглавлял Билли Кэмерон, которого прозвали Бульдогом, но не за его поразительную цепкость в работе, а из-за того, что он играл в качестве бокового нападающего¹ за Университет Джорджии. Легенда гласит, что он взял одиннадцать подач на четырех тачдаунах и это принесло Джорджии победу над Обурном. Мне в те годы было что-то около пяти лет, и я, конечно, не помню этой игры, но доведись, скорее всего поставил бы на Обурн.

– Ну, Энди, – сказал он, когда я вошел в его кабинет, – я слышал, ты стал богаче самого Господа Бога.

– Только потому, что он в последнее время делал неудачные капиталовложения.

Билли кивнул – для него это был предел терпимости к юмору, обыгрывающему божественную персону.

– И какого же черта ты здесь делаешь?

¹ Речь идет об американском футболе. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Я пришел предложить мои скромные услуги в качестве адвоката, – ответил я.

На его лице моментально отобразилась крайняя степень недоверия.

– Почему бы вдруг?

– Почему? Слово «гражданский долг» для тебя что-нибудь значит?

– Это два слова, – заметил он.

– Тем больше у тебя причин принять мое великодушное предложение.

Он колебался, и я решил поднажать.

– Ну же, Билли. Крупные фирмы присылают тебе своих неопытных неудачников для работы на благо общества, и ты готов им пятки лизать. А я даю тебе шанс заполучить Энди Карпентера, единственного и неповторимого. О чем тут думать?

– Ну, они-то это делают, чтобы хорошо выглядеть в глазах общества – изображают достойных людей. А вот твои мотивы мне что-то непонятны.

– У тебя есть клиент, который, мне думается, невиновен, – сказал я. – И я подумал, что для всех заинтересованных лиц будет лучше, если я докажу его невиновность.

– И этого клиента зовут...

– Оскар Гарсия.

Он поднял глаза и выразительно посмотрел на меня.

– Оскар Гарсия?

– Он самый.

Я почти слышал, как у Билли в голове скрипят шестеренки. Ни один адвокат, находящийся в здравом уме, не хотел бы защищать Оскара – и вдруг я сам прошу дать мне это дело. Билли знал, что у меня нет и не может быть недостатка в клиентах. Поэтому, думал он, если я хочу защищать Гарсию, значит, может быть, и ему стоило бы желать такого клиента, вот только он никак не мог взять в толк почему.

– И ты считаешь, что он невиновен? – спросил Билли. – С чего ты это взял, позволю узнать?

– Кое-кто сказал мне, что он никоим образом не мог совершить то, в чем его обвиняют, – ответил я. – Им с Дорси просто нечего было делить.

Билли коротко рассмеялся.

– И все? Это и все твои доказательства? И кто ж тебе это сказал?

– Лори Коллинз.

Билли перестал смеяться. Он очень хорошо знал Лори и прекрасно понимал, что к ее мнению относительно дел вроде этого стоит серьезно прислушаться. Но он не мог так просто уступить.

– Не думаю, что «защита Лори» будет чего-то стоить на суде.

– Я поработаю и найду другие доказательства по этому делу.

Видя, что его сопротивление слабеет, я немного усилил давление.

– Ну же, Билли, ты ведь знаешь, что любой адвокат предпочтет отсидеться в сортире, пока ты идешь мимо, чтобы ты, не дай Бог, не свалил на него это дело. А я даже не буду пользоваться твоими ресурсами. Все расходы берет на себя мой офис.

Он не смог придумать причину, чтобы отказать мне. И не отказал.

– И ты будешь держать меня в курсе?

– Буду информировать тебя о каждом своем шаге в этом деле, – пообещал я.

– Энди, ты хоть представляешь себе, сколько таких дел я повидал? Не рассчитывай, что это будет еще одно «дело Уилли Миллера».

– Я и не думал на это рассчитывать, – сказал я. – Это дело Оскара Гарсии.

Он протянул руку к ящику стола, достал папку и вручил ее мне.

– Здесь все, что мы знаем на данный момент. Прочти это, а затем можешь прийти побеседовать со своим клиентом.

С этой папкой я приехал в свой офис и прочел то, что Билли выудил из полицейских рапортов. Они зафиксировали анонимный телефонный звонок в службу 911 – женский голос утверждал, что Гарсия замешан в убийстве. Затем им удалось сличить его отпечатки пальцев

с теми, что были обнаружены на двери склада, где было найдено тело Дорси, и отпечатки совпали. Свидетели также утверждали, что видели Гарсию возле этого склада несколько раз, включая то утро, когда было совершено убийство.

Наверняка это дело гораздо серьезнее, придется приложить все усилия, чтобы выяснить все остальное, что есть у обвинения. Меня очень заинтересовал звонок в службу 911, хоть информация, данная этой женщиной, и была ложной. Это могла быть простая ошибка, но более вероятно, что кто-то, скорее всего Стайнз, пытается подставить Гарсию.

Я уже собирался отправиться к своему потенциальному клиенту, когда пришла Лори. Она была чем-то расстроена, и причина выяснилась незамедлительно.

– Это правда, что ты взялся защищать Оскара Гарсию? – Вопрос прозвучал как обвинение.

– Я еще не виделся с ним, – невпопад ответил я.

– Так ты собираешься с ним встречаться? Ты хочешь взять это дело?

Я кивнул.

– Как раз сейчас собираюсь ехать к нему.

– Какая муха тебя укусила? – буквально взорвалась Лори. – Ты отказывал всем клиентам в городе в течение шести месяцев. Что тебя заставило взяться за дело Оскара Гарсии?

– Лори, я опаздываю. Поговорим об этом, если он наймет меня. Может, он захочет, чтобы его представлял другой адвокат.

Честно говоря, я надеялся, что он откажется от моих услуг. Тогда моя совесть будет чиста. Она саркастически рассмеялась.

– Да, он явно потрясающий клиент. Адвокаты просто локтями друг друга распахивают, мечтая взяться за его дело. Энди, какого черта ты так со мной поступаешь?

– Я никак с тобой не поступаю, Лори.

– Ты же знаешь, что я чувствую по отношению к нему, ты знаешь, что он сделал моей подруге, – так почему среди всех людей, которых ты мог представлять, ты выбрал именно его?!

– Лори, я понимаю, как это выглядит. Но поверь мне, дело не в тебе. К тебе это не имеет никакого отношения.

Понятно, что это ее несколько не убедило.

– Тогда зачем ты это делаешь? Просто ответь: зачем?

– Есть причины, в которые я не могу вдаваться. Честное слово, не могу.

– А, понятно.

Я попробовал подойти с другого конца, потому что так она меня просто не слышала.

– Ладно, тогда ты мне скажи, как ты сама думаешь – почему я могу взяться защищать клиента, к которому у тебя счеты? Я люблю тебя, забочусь о тебе – неужели ты и вправду думаешь, что я мог сделать это в пику тебе? Что я хотел ранить тебя? Есть в этом смысл? Разве мы поссорились? Что-то не припомню.

Она помолчала минуту, взвешивая мои аргументы, и мне какое-то время казалось, что у меня появился шанс, но потом я заметил, что у нее в мозгу сработала команда «отказать».

– Не делай этого, Энди, – сказала она, одновременно требуя и умоляя.

– Прости, но я должен.

Она покачала головой.

– Нет, ты сам этого хочешь.

Она развернулась и вышла. Мне было тошно оттого, что я ранил ее, но еще тошнее оттого, что она сочла, будто я сделал это намеренно.

* * *

Новичку кажется, будто окружная тюрьма – вроде низшей лиги для бейсболиста. Он понимает, что может оказаться в настоящей тюрьме, если осудят, и предварилка кажется

ему унижением. Конечно, если его признают виновным и посадят в тюрьму штата или даже в федеральную тюрьму, он поймет, насколько лучше было в окружной.

И дело тут в том, что на предварительном этапе осужденный чем-то занят, чего-то ожидает. Его допрашивают, к нему приходит адвокат, он готовится к суду... это новый опыт, и это значительное событие, что ни говори. Когда же подследственный осужден и заключен в тюрьму штата, он чувствует, что мир забыл о нем, и это на самом деле так. Его жизнь становится не просто жалкой, но еще и скучной, и конца этому не видно.

По моему мнению, окружная тюрьма – вполне сносное место. Но Оскар Гарсия почему-то так не считал. По мнению Оскара, то, что он находится здесь, – это произвол. Долбанные шуточки, как он неизящно выражался.

Оскар рвал и метал две-три минуты, потом наконец осознал, что раз я сижу здесь, то, должно быть, тоже играю во всем этом какую-то роль.

– А ты что за фрукт? – спросил он.

– Меня зовут Энди Карпентер. Я адвокат, меня назначили общественным защитником по вашему делу.

Несколько мгновений он пялился на меня, словно пытаясь что-то припомнить.

– А мы нигде не встречались?

– Может быть, – пожал я плечами. – Я посещал Нью-Йоркский университет. В какой студенческой организации вы состояли?

Кажется, Оскар не очень-то хорошо понимал иронию, и у меня было такое чувство, что он воспринимает любой юмор как унижение его достоинства. Он проигнорировал мой комментарий, главным образом потому, что вдруг вспомнил, где видел меня.

– Ты тот самый адвокат, правильно? – Он показал на меня пальцем, без сомнения, чтобы убедиться, что я понимаю, к кому он обращается.

– Я как раз это и пытаюсь вам сказать.

Он покачал головой.

– Да нет, я имею в виду, ты тот парень, которого показывали по ящику.

– Да, это я. Адвокат из телевизора.

Он как-то странно покосился на меня, словно сам себе не верил.

– И чего тебе от меня нужно?

Оскар был недоверчив – первый признак интеллекта, который я у него заметил. Я решил сказать ему правду, хотя и не всю. Пока что это было большее, что я мог себе позволить.

– Я подумал, что вы можете нуждаться в моей помощи.

– Плевал я на помощь.

– Ладно, тогда я найду кого-нибудь, кто нуждается. – Я поднялся, чтобы идти. – Увидимся в студгородке.

Я успел дойти до двери и занес одну ногу над порогом и в этот момент услышал:

– Погоди, мужик.

Варианта было два: сделать вид, что не слышал этого, и выйти – либо вернуться и продолжить это безумие. Я вернулся.

– В чем дело, Оскар?

– Я этого не делал, мужик. Я сделал много всякого дерьма, так, по мелочи, но это – не моя работа.

– Вы были знакомы с Дорси? – спросил я.

– Да так, немного. Крупных дел у нас не было. Он иногда на меня наезжал, но это все лабуда.

– А как вы с этим справлялись? – поинтересовался я.

– Да никак. Не суетился и занимался своим делом.

– А что это за дело? – спросил я.

– А какая, к черту, разница? При чем тут мои дела? Мой бизнес – это мой бизнес.

Я пододвинул стул и уселся меньше чем в футах от него.

– Послушай меня внимательно, Оскар, потому что это я скажу только один раз. Твои дела – это мои дела. Все, что касается тебя, – это мое дело. И если я задаю вопрос, какой угодно вопрос, в твоих интересах отвечать на него настолько подробно, насколько это вообще возможно.

Он мог послать меня – но побоялся, что я уйду.

– Ладно, мужик, – сказал он. – Но ты не станешь трепать языком, идет? Это останется между нами?

Я кивнул.

– Это называется «соглашение между адвокатом и клиентом», и ты даже представить себе не можешь, через какое дерьмо я прошел, чтобы соблюсти его.

Тут он рассказал мне о своей торговле наркотиками и сутенерстве. Это действительно были мелкие делишки, но его маленькая территория, так же, как у Дэнни Роллинза, была дана ему на откуп, и он платил солидный куш от своих доходов тем, кто его контролировал. Времена Аль Капоне прошли, но гангстерство, по крайней мере в этой сфере, было на удивление неизменным.

Оскар наотрез отказывался говорить о гангстерах, с которыми он имел дело. Так трогательно: он считал себя «повязанным» с ними, хотя был в самом низу преступной цепочки – ниже только его жертвы. Я не давил: не исключено, что его связи чем-то помогут ему в ходе следствия.

Я попробовал выяснить обстоятельства самого дела, не слишком углубляясь. Пора вопросов придет, когда я буду знать больше об уликах, собранных полицией. Я спросил о складе, где было найдено тело.

– Ну да, там были мои отпечатки, – признал он. – Это же мой склад.

Склад был по соседству с парком, где он работал, иногда он прятал там товар, и к нему туда даже заходили отдельные покупатели, постоянные клиенты, когда полиция ошивалась в том районе. Он считал этот склад своей штаб-квартирой. К тому же, как он изящно выразился, «отпечатки пальцев – это дерьмо, они вообще ни черта не значат».

– Запишите, пожалуйста, эту фразу. Я хочу использовать ее в своей заключительной речи перед присяжными.

Он никак не отреагировал на мою шпильку. Бесполезное занятие язвить, если человек глух к иронии.

– А теперь я скажу кое-что важное, – продолжал я. – Кто-то позвонил в полицию – какая-то женщина. Она сказала, что ты убил Дорси. Ты не знаешь, кто бы это мог быть?

– Ты чё, мужик? Конечно, нет.

– А как насчет уличных девочек – твоих подопечных?

Он активно затряс головой. В них он уверен.

– Нет, ни черта подобного. Они знают, что с ними за это будет.

С каждой последующей его репликой он нравился мне все меньше и меньше.

– Что же, нет никого, кто хотел бы подставить тебя? – спросил я. – Никого, кому ты перебежал дорожку?

– Враги-то есть. Конкуренты, усек? Это часть бизнеса.

– Напиши список всех, с кем вы друг друга не понимали, – сказал я.

– Ладно, – кивнул он.

– Сколько пачек бумаги тебе понадобится?

– Охранник принесет мне бумагу.

«Оскар, я же оскорбляю тебя! – думал я. – Твой адвокат оскорбляет тебя. Откажись от меня!» Ладно, этим его не проймешь. Я дал себе слово забыть о сарказме, пока работаю над этим делом. Сомневаюсь, что сумею, – не так-то просто расстаться с любимой дурной привычкой. Интересно, можно ли заказать такой намордник, чтобы не позволял язвить?

Пока ясно было одно – Оскар хочет доказать свою невиновность, и я пообещал ему, что мы увидимся завтра на вводном заседании суда.

Я повернулся и ушел. Оскар – тип, от которого очень хочется уйти.

Возвращаясь к машине, я осознал, насколько неприятная сложилась ситуация. Взаимодействие адвоката с подзащитным, особенно в делах об убийстве, обычно тесное и нередко крайне интенсивное. К сожалению, я бы скорее согласился на хирургическое вживление бородавок по всему телу, чем на тесное и интенсивное общение с Оскаром Гарсией. Но он арестован по ложному обвинению, и единственный способ для меня устранить эту несправедливость – взяться за его защиту. Потому что использовать сведения, полученные от Стайнза, мне нельзя – не хочу рисковать своей юридической карьерой.

Сев в машину, я сделал пару звонков по разным поводам. Во-первых, я узнал, что химчистка закрывается в шесть часов. Все три моих костюма томятся там, чувствуя себя брошенными. Попасть в химчистку до шести не составит никакого труда, и это значит, что не придется идти на завтрашнее слушание в тренировочном костюме. Это хорошая новость.

Вторая новость подпортила мою радость по поводу костюмов. Оказывается, для ведения дела Дорси назначен помощник окружного прокурора по имени Дилан Кэмпбелл. Вот уж кого меньше всего мне хотелось бы видеть своим противником в этом деле – видимо, именно поэтому представителям защиты и не позволено избирать прокуроров.

Я знаю каждого помощника окружного прокурора в нашем округе. Фактически половина из них была избрана моим отцом, когда он был прокурором. Короче говоря, это были серьезные, дотошные обвинители, с которыми я любил попить пивка после заседания, но едва ли мог противостоять им в зале суда.

Дилан Кэмпбелл в эту категорию не попадал. В то время как его коллеги, так же как и я, гнули рельсы закона в одну сторону и с удовольствием наблюдали, как противоположная сторона гнет их обратно, Дилан гнул их до тех пор, пока они не ломались, а затем бросал тебе в лицо. Он был умный, но неприятный человек, а я бы предпочел общаться с любезным тупицей.

Я позвонил Дилану, и он согласился встретиться со мной незамедлительно, и это означало, что он, похоже, хочет заключить сделку. Я считаю, что наиболее вероятно заключить сделку между сторонами либо в самом начале дела, либо прямо перед судом. В начале дела обвиняемый зачастую напуган и потрясен, тогда как обвинитель стоит перед необходимостью свернуть горы работы, для того чтобы подготовить дело. Это самое удобное время для компромисса.

Прямо перед судом исчезнувшие было шансы договориться вновь повышаются, главным образом потому, что стороны знают: вскоре они уже ничего не смогут предпринимать и решение будет в руках присяжных. Эта угроза надвигающейся беспомощности – основной фактор, побуждающий к заключению сделки.

Когда я приехал в офис Дилана, он взлетел со стула и обрушился на меня с приветствиями, распахнув объятия. Такая нехарактерная и явная любезность лишней раз доказывала, что он хочет заключить сделку.

– Энди, как же я рад тебя видеть! Как рад! Ну, присаживайся. Садись.

Не знаю, с чего это он все повторял по два раза – видимо, хотел продемонстрировать свою искренность.

– Спасибо, Дилан. Спасибо, Дилан.

Я сел. Следующим пунктом программы «Идеальный хозяин» Дилан, подойдя к маленькому холодильнику, спросил, чего бы я хотел выпить. А поскольку он помешан на здоровом образе жизни, то выбор в основном сводился к тому, предпочту я американскую, шведскую или бельгийскую минеральную воду. Я пожал плечами и выбрал шведскую.

Он вернулся за стол и разулыбался.

– Мне нужно задать тебе один вопрос, – сказал он. – Все в офисе удивляются – ты только не обижайся, – какая блажь на тебя нашла, что ты вдруг решил взяться за такую мразь, как Оскар Гарсия? Ты что, пари проиграл, или еще что-нибудь в этом роде?

– Оскар Гарсия – крестный отец моих детей, – сказал я тихо, изображая на лице такую искренность, на какую только был способен, и был вознагражден, увидев, как в глазах Дилана промелькнул страх, а шестеренки в голове напряженно завертели. Ему

понадобилось три или четыре долгих секунды, чтобы испытать облегчение, когда он понял, что я разыгрываю его.

– Ну, приятель, я даже поверил на секунду. Но только на секунду.

Я усмехнулся.

– Да брось, ты старый плут, тебя так легко не одурачишь.

Ему стало немного неловко, и он решил вернуться на твердую землю, что, к несчастью для меня, означало возвращение к его делу.

– Значит, я так полагаю, ты здесь, чтобы заключить небольшую сделку? – спросил он.

– Ну, я надеялся, ты сможешь ввести меня в курс. Я официально взял это дело всего несколько минут назад.

– Хочешь, чтобы я сделал за тебя домашнее задание?

– Нет нужды. Я могу просто попросить судью об отсрочке слушания.

Отсрочки он, скорее всего, не хотел. Судебная система – это как лента конвейера в сборочном цехе, а прокурор – цеховой мастер, который должен следить за тем, чтобы она двигалась. Отсрочки все равно что перерывы на чашку кофе: конвейер останавливается, и вся система буксует.

Дилан помолчал с минуту, взвешивая свои возможности.

– Хочешь договориться?

Я, конечно, не хотел, но не собирался давать ему это понять.

– Иногда бывает бесполезно знать, что предъявят моему клиенту – прежде чем я начну советовать, как ему себя вести.

Он вздохнул, не найдя, к чему прицепиться.

– Ладно. Я отксерю и пришлю тебе папку с полицейскими рапортами.

– Хорошо. Мне бы хотелось получить ее сегодня. Ты не мог бы еще дать мне стенографическую версию? – спросил я.

– Что тебе известно на данный момент?

– Мне известно о звонке в службу 911 и об отпечатках пальцев на двери склада. Конечно, если это все, чем ты располагаешь...

– Да ты что, Энди? Если бы это было все, твой Оскар давно бы разгуливал в парке и торговал дурью, а ты бы здесь не сидел. В доме Гарсии нашли пистолет Дорси.

Меня это удивило, но лишь потому, что я знал о невиновности Оскара.

– Думаешь, Гарсия убил Дорси, а потом забрал его пушку и оставил у себя на квартире? – спросил я, демонстрируя преувеличенное удивление идиотизмом такого предположения.

Он пожал плечами.

– Ты встречался с Гарсией, верно? – уточнил он. – И что, видел в его камере какие-нибудь дипломы?

Я проигнорировал этот выпад.

– А как насчет мотива? Мне кажется, здесь-то вы и недодумали.

– Мы еще не думали об этом. Дорси был замешан в грязных делишках – может, Гарсия был его партнером или конкурентом? Мы докопаемся до мотива. А даже если и нет, – он развел руками, – что с того? Нам и не надо доказывать мотив. Это знаете даже вы, общественные защитники.

Дилан начал как раз ту тему, к которой я планировал его подвести: незаконная деятельность Дорси. Я кивнул и сказал так спокойно, как только мог:

– Мне еще хотелось бы взглянуть, что было у Отдела внутренних расследований на Дорси.

Притворная любезность Дилана немедленно испарилась. Он решительно покачал головой.

– Это исключено.

– Почему? – осведомился я.

– У меня нет этой информации, – сказал он. – В отделе мне сказали, что это никоим

образом не относится к моему делу.

– Но это же чушь, – сказал я. – Дорси берет взятки и ударяется в бега, потому что у Отдела внутренних расследований что-то на него есть, через неделю его убивают – и их улики против него не имеют значения? Земля вызывает обвинителя, прием, прием!

Его взгляд стал ледяным, и он изменил тему:

– Пора кончать с этим делом, Энди. Уговори его согласиться на приговор от двадцати пяти до пожизненного, и через десять лет он может выйти условно-досрочно.

– А может и пятьдесят просидеть, – покачал головой я. – Я поговорю с моим клиентом, Дилан, но ответ скорее всего будет «нет».

– Готов заключить пари, – сказал он, увидев мой удивленный взгляд. – Дорси – не тот человек, о котором руководство отдела хочет каждый день читать в газетах.

У меня в голове зазвенел сигнал тревоги. Предложение «от двадцати пяти до пожизненного» за жестокое убийство полицейского было в самом деле великодушным с его стороны. Если уж он собирается добиваться такого приговора, это больше, чем просто желание обеспечить движение конвейера или ублажить руководство Отдела внутренних расследований. Здесь есть нечто очень любопытное, что только и ждет, чтобы его обнаружили.

– Делай все, на что ты способен, – сказал я. – Но я полагаю, Гарсия выйдет на свободу в тот самый день, когда присяжные вернутся из комнаты для совещаний.

Он разочарованно пожал плечами.

– Тогда, я полагаю, наша беседа окончена.

– Это противоречит седьмому циркуляру апелляционного суда, – сказал я.

– Что бы это значило? – спросил он.

На самом деле это не значило ничего. Это была просто внушительно звучащая фраза, не относящаяся ни к чему, одна из тех, которые я изредка бросаю, чтобы привести противника в замешательство и заставить его подумать о своей профнепригодности.

– Ты хочешь, чтобы я сделал за тебя домашнее задание? – спросил я, затем развернулся и направился к двери.

Он не встал, когда я уходил. Что ж, попытка быть любезным может очень сильно утомить.

По дороге домой я позвонил Эдне – она до сих пор пребывала в шоке от того, что я отказался от такого внушительного клиента, как Стайнз, и взялся за неудачника Гарсию. Я поручил ей связаться с Кевином Рэндаллом, который помогал мне в деле Уилли Миллера, и попросить его о встрече завтра утром у меня в офисе. Еще я спросил у Эдны, звонила ли Лори. Ответ был не тот, на который я надеялся.

Затем я позвонил лейтенанту Питу Стэнтону и спросил, нельзя ли сегодня угостить его ужином. Он ответил, что это отличная идея, если выбор ресторана за ним. Услышав, что меня это вполне устраивает, он сказал, что оставит свой выбор на моем автоответчике, когда узнает цены в нескольких ресторанах и найдет самый дорогой.

Дома автоответчик сообщил мне название французского ресторана, у Пита оно звучало «Ля Дюше фейс». От Лори сообщений не было. Я позвонил ей, но либо ее не было дома, либо она не хотела со мной говорить. Так что я оставил сообщение на ее автоответчике, что хотел бы поговорить с ней. Наш последний разговор оставил у меня на душе боль, которую моя производственная деятельность не могла заглушить.

Ресторан, выбранный Питом, выглядел как французская вилла; когда я приехал, он сидел в баре и пил старое и, несомненно, чертовски дорогое вино. Пит из тех людей, что предпочитают в основном простую деревенскую еду, непритязательную и вполне доступную по деньгам лейтенанту полиции. Импортное пиво, на вкус Пита, обычно слишком причудливое, так что, очевидно, этим походом в ресторан он намеревался уравнивать наши с ним финансовые возможности.

Наша дружба с Питом началась, когда я помог его брату избежать проблем с законом из-за употребления наркотиков, – брат с тех пор бросил их принимать и полностью изменил

свою жизнь. Мы с Питом начали иногда играть в теннис, хотя и очень редко. Мы до сих пор называем себя партнерами по теннисному корту, но только для того, чтобы сохранить видимость занятий спортом.

Наша дружба иногда дает трещины, особенно когда мы оказываемся по разные стороны баррикад, но мы как-то с этим справляемся. Дело Гарсии не представляло такой опасности, потому что Пит не участвовал в расследовании напрямую.

Нам принесли меню, и, быстро проглядев его, я предположил, что в цену блюд здесь входит не только собственно еда, но, видимо, и какой-то процент рассрочки оплаты за само здание ресторана. Ну, или, может, они так взвинчивают цены из-за того, что им приходится все время закупать новые куверты – к тарелке каждому из нас положили ровно двенадцать вилок.

Меню было на французском, но Пита это не особенно волновало: он интересовался только циферками справа. Пит тыкал пальцем в то, чего он хотел, и когда добрался до «Шатобриана», официант объяснил ему, что это только для двоих. Пит пожал плечами и сказал:

– Никаких проблем. То, что я не доем, отнесу домой своему псу.

Когда официант удалился, я зачем-то напомнил:

– Пит, у тебя же нет собаки.

Он кивнул, признавая мою правоту.

– Ну, вот и будет повод завести. – Он огляделся. – Думаю, еще бутылочка вина нам не помешает.

– Мне даже информация от оплачиваемых осведомителей обходится дешевле, – пожаловался я.

– А ты ищешь какую-то информацию? – Он поднял глаза, удивленный.

– Я ведь согласился прийти сюда, правда? – сказал я. – Зачем, думаешь, я тебя на ужин звал? Предложение делать?

– И какая же информация тебе нужна?

– Об Алексе Дорси.

Он рассмеялся.

– Я не занимаюсь этим делом, балда. Я думал, ты это уже разнюхал.

– Я не имею в виду дело Гарсии. Я говорю о самом Алексе Дорси. Меня интересует, чем именно он занимался и почему его не приперли к стенке, когда Лори нашла против него улики. И почему его собирались прищучить сейчас.

– Не знаю, – сказал Пит.

– Как это «не знаю»?! Ты же, мать твою, лейтенант полиции, плюс ты чертовски любопытный сукин сын. Ты знаешь все, что у вас там происходит.

– Это слишком глубоко зарыто. – Пит покачал головой и неожиданно добавил: – Кроме того, «у вас там» – вовсе не обязательно там, где ты думаешь или где ты хочешь.

– Что это, черт возьми, значит?

Пит положил одну из своих вилок, думаю, третью по величине, если считать от самой маленькой, и уставился на меня. Такой взгляд запросто заставит уголовника признаться во всем, что он совершил за последние двадцать лет.

– Я намерен рассказать тебе кое-что, но только если никто не узнает, что информация исходит от меня. Надеюсь, твой бумажник это выдержит.

– Поверь мне, если за эту неделю я что-то и выяснил, так это то, что я, оказывается, умею хранить тайны.

Пит кивнул. Он и сам это знал, я мог и не говорить.

– Здесь замешано Бюро, – сказал он.

Меня это изумило.

– Ты имеешь в виду ФБР?

– Нет, блин, я имею в виду бюро, которое стоит у меня в кабинете.

Я проигнорировал эту шпильку. Слишком уж значимым было открытие.

– И чем же таким занимался Дорси, что это заинтересовало федералов?
– Понятия не имею, – заявил он, и я сразу ему поверил. – Все, что я знаю, это слушок, что федералы запретили Отделу внутренних расследований заниматься этим делом. Думаю, они тоже расследовали его со своей стороны.

– Тогда почему вдруг все изменилось? Почему Дорси пришлось скрываться?

Ответа на этот вопрос Пит не знал, и тогда я спросил его, слышал ли он когда-либо о Джефффри Стайнзе. Он сказал, что нет, но согласился проверить его. От Винса я до сих пор не получил никакой информации, так что вовлечь в это дело еще и Пита, безусловно, имело смысл.

Я уже собирался идти, но Пит заставил меня ждать, пока он попробует и крем-брюле, и некое «вишневое торжество». Оба десерта заслужили его одобрение, хотя он и счел крем-брюле «слегка в пупырышку». Я сказал ему, что если он еще когда-нибудь выберет ресторан вроде этого, я покажу ему «пупырышку» несколько другого рода.

По дороге домой я начал продумывать свою стратегию. Мне надо попытаться вести это дело так, как если бы я не знал доподлинно, что Гарсия невиновен, а это подразумевает выяснение всего, что только возможно, о жертве – Дорси. Если Пит не соврал насчет ФБР, а он редко ошибается в таких вещах, тогда здесь целая куча некопаной информации, и нарыть ее будет ой как не вредно.

Дома меня ждало чудо. Лори сидела на крыльце и гладила Тару. Я припарковал машину и направился к ним, а они встали с крыльца и направились ко мне.

Лори крепко обняла меня, а Тара села рядом в ожидании своей очереди. Объятие продолжалось довольно долго, и это было хорошо. Я никуда не спешил. Наконец она отстранилась и заглянула мне в глаза.

– Я знаю, ты не мог взяться за это дело, чтобы ранить меня, – сказала она.

– Не мог.

– Я знаю, что у тебя была серьезная причина заняться им, – сказала она.

– Была.

– Я знаю, что ты не можешь назвать мне эту причину.

– Не могу.

– Я знаю, что ты любишь меня.

– Люблю.

– Я знаю, что ты хотел бы, чтобы я осталась с тобой сегодня вечером, хотя сегодня не понедельник, не среда и не пятница.

– Хочу.

– И я знаю, что еще один односложный ответ, и я еду домой, а ты пропустишь самую жаркую, дикую, возбуждающую и страстную ночь любви в своей жизни.

– Я гарантирую, что больше никогда не буду отвечать односложно. Я обещаю тебе развернутые ответы. Я тебя обожаю и буду говорить до тех пор, пока ты не скажешь мне: «Заткнись».

– Заткнись, – сказала она.

* * *

Я прибыл в суд задолго до начала предварительного слушания, чувствуя одновременно легкий страх перед тем, во что ввязался, и возбуждение – у меня наконец-то есть дело. Возбуждение, видимо, преобладало, потому что я обычно редко добирался до суда вовремя, а сегодня приехал так рано, что даже удалось припарковаться без проблем.

Оскара еще не привезли. Я позвонил Кевину Рэндаллу, извинился, что не смогу быть у него, как договаривался, и в двух словах объяснил, по какому поводу хотел встретиться. Кевин тактично воздержался от комментариев по поводу моего решения и согласился по моей просьбе попытаться выяснить у следователя, который обследовал тело Дорси, подробности его гибели, например, точное время смерти.

Среди массы несомненных достоинств Рэндалла больше всего меня привлекала в нем абсолютная надежность. Если он за что-то берется для тебя сделать, можно смело вычеркивать это из списка своих забот – он сделает все возможное, и сделает хорошо.

Странно сложилась судьба Кевина – он попал в ловушку своей безупречности. Первоклассный юрист с огромным опытом как на стороне защиты, так и на стороне обвинения, он страдал от мук совести. Будучи прокурором, боялся, что благодаря его непревзойденному таланту невиновный человек может угодить за решетку. А в качестве адвоката боялся оправдать опасного преступника.

В конце концов он все бросил и открыл «Юридическую прачечную», где клиенты могли постирать одежду и получить бесплатную юридическую консультацию. Лори хорошо знала Кевина, по ее совету я воспользовался его помощью в деле Уилли Миллера. С тех пор он заходил ко мне не реже двух раз в неделю, давая понять, что готов оказать помощь в моих следующих делах, если, конечно, проблемы с отбеливателем или умягчителем ткани и тому подобным не требовали его личного присутствия.

Привезли Оскара, и я несколько минут беседовал с ним в приемной по поводу предстоящей процедуры. Он был не новичок в общении с законом и довольно быстро схватывал суть. Дилан уже собрал членов большого жюри,² которое должно было зачитать Оскару обвинения, а оно, в свою очередь, должно было пригласить прокурора. Все, что требовалось от Оскара в ходе этих слушаний, – сидеть прямо, прилично выглядеть и четко произнести «Невиновен», когда его попросят сделать заявление.

Когда явилась охрана, чтобы проводить Оскара в зал суда, я пошел рядом. Мы почти дошли до стола защиты, когда я услышал, как он произнес – должно быть, просто буркнул себе под нос:

– А эта сука какого черта здесь делает?

Я посмотрел туда, куда смотрел Оскар, и увидел Лори; она стояла в конце комнаты.

– Ты о ком это? – спросил я, продолжая идти рядом.

– Вон о той суке в синем платье.

Сомнений не было, он имел в виду Лори.

– Следи за своим языком, когда говоришь о ней, – сказал я.

Это был жалкий, ненужный, но произвольный акт словесного рыцарства.

Мы дошли до стола защиты и сели.

– Ты хочешь сказать, что знаешь ее? – спросил он.

– Знаю.

– Ну, раз так, то вот что я тебе скажу, мужик. Помнишь, ты просил меня составить список врагов? Людей, которые хотели меня подставить? Так вот, она пойдет номером первым, прямо во главе списка.

– Ты бредишь, Оскар.

– Да ни фига, она все время за мной шпионила, с хвоста не слезала. Никак от нее избавиться не мог. А один мой приятель сказал, что она ошивалась около моей квартиры, когда меня не было дома.

Доверять Оскару я считал не меньшим безумием, чем пытаться разрушить монумент «Маунт Рашмор»³ в одиночку голыми руками, но здесь у него не было никаких причин лгать. К тому же сказанное им проливало свет на загадочную фразу Лори, будто бы у нее есть информация о том, что Оскар сильно продвинулся по криминальной лестнице с тех пор, как она ушла из полиции.

² Большое жюри – присяжные, решающие вопрос о предании суду.

³ Национальный мемориал «Маунт Рашмор» – гранитная скала в горах Блэк-Хиллс штата Южная Дакота, на которой скульптор Г. Борглум высек профили четырех президентов – Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, А. Линкольна и Т. Рузвельта. Высота каждого портрета – около 20 м.

У меня не было времени подумать над возможными последствиями комментариев Оскара, потому что обнаружил свою руку в потной лапе Дилана Кэмпбелла, который, красуясь перед собравшимися журналистами, подошел пожелать мне удачи.

Нельзя сказать, что дело было сенсационным: хотя журналистов было куда больше, чем обычно, никто не лез друг на друга, пихаясь локтями. Вся сколько-нибудь ценная новость заключалась в том, что жертвой был полицейский, хоть и продажный, а также в жестокости, с которой было совершено преступление.

Вошла судья, Сюзанна Тиммерман, и судебный пристав провозгласил: «Встать, суд идет!» Ей предстояло вести только эти слушания; на само дело судья еще не был назначен. Прискорбно, потому что она – прекрасный судья, никогда не потакает обвинителю, и мы с ней прекрасно находили общий язык прежде.

Обвинения, содержащиеся в деле «Нью-Джерси против Оскара Гарсии», были зачтены; обвинитель и защитник согласованы. Оскару задали вопрос, признает ли он себя виновным, и он неплохо отыграл свою роль, сказав «Невиновен, ваша честь» уверенно и даже с легким возмущением. Учитывая биографию Оскара, легкое возмущение – это все, что можно было себе позволить.

Заявление о невинности определило необходимость судебного разбирательства, и теперь суду надлежало рассмотреть это. У судьи Тиммерман не было повестки дня, она даже не знала, кто будет судьей по делу, но, по крайней мере, она могла на основе своего опыта назначить дату. Мы сошлись на 14 июля, то есть примерно через четыре месяца, и судья Тиммерман спросила, есть ли еще что-либо, что она должна рассмотреть.

Я вскочил.

– Я обнаружил информацию, ваша честь.

– Какую именно? – спросила она.

– Я пришел к выводу, что мой оппонент не доверяет защите. Я запросил рапорты, которые не были мне предоставлены.

Дилан выглядел так, будто я нанес ему смертельную рану.

– Ваша честь, – пожаловался он, – запрос был сделан только вчера.

Но меня это не волновало.

– Прошу прощения, ваша честь, но речь идет о копировании рапортов. Это занимает минуты, а не дни. Я был бы рад отправиться с мистером Кэмпбеллом в его офис и скопировать все сам. Кроме того, время запроса не имеет значения, запрос вообще не обязателен. Обвинение должно быть осведомлено о своей обязанности предоставлять обнаруженную информацию как по специальному запросу, так и без него. Эти документы должны быть скопированы и предоставлены защите в том виде, в котором они получены обвинением, без редакции.

Судья кивнула и издала приказ:

– Штат предоставит копии всех рапортов, имеющих в распоряжении и относящихся к делу, сегодня в течение дня.

Она стукнула своим деревянным молотком, эффектно закрыв заседание. Зал суда быстро опустел, и когда журналисты разошлись, Дилан забыл подойти для обмена любезностями.

Я договорился позже встретиться с Оскаром, дабы обсудить дело подробнее. Мне было крайне интересно, где он был в ночь убийства. Надеюсь, он обедал с госсекретарем или давал интервью Теду Коппелу в «Ночной линии».

Лори ждала меня в задней части зала суда, и Оскар не сводил с нее глаз все время, пока его выводили из зала. И во взгляде его было не внимание к красивой женщине, а ненависть и страх.

Когда Оскар наконец скрылся из виду, я подошел к Лори.

– Ты как следует отутюжил Дилана, – заметила она.

Я кивнул.

– Это должно было случиться рано или поздно.

– Это было рано. Послушай, Энди, я хочу поработать над этим делом. Это меня удивило.
– Зачем? Я знаю, как ты относишься к Оскару.
– Это не имеет значения. Я профессионал, – сказала она. Я обнаружил, что раздумываю над ее предложением.
– Не нравится мне это, – сказал я, – ну да пусть будет по-твоему.
– Начнем прямо сейчас? – спросила она.
– Нет. Завтра, – сказал я, бросив взгляд на часы. – Мне надо быть в школе через двадцать минут.

Я учился в «Паттерсон Истсайд». Наша школа гордилась тем, что ей был посвящен фильм «Положись на меня» с Морганом Фрименом в главной роли, который в школе же и снимали. Фильм повествовал о тогдашнем директоре, Джо Кларке, и его жестком методе приведения городской школы к порядку.

В школе я не блистал по части девушек и спорта. С девушками можно было все списать на молодость – мол, еще успеется. Поэтому свою посредственность в спорте я воспринимал более болезненно. Упорства у меня хватало, но этого было явно недостаточно.

Наше футбольное поле соорудили на месте старого кладбища после того, как могилы якобы перенесли. Поэтому команда имела два прозвища: «Призраки» и «Гробовщики». Именно на этом поле я пережил свое величайшее унижение. Пока я сидел на скамье запасных игроков, команда играла хуже некуда. Тренер повернулся ко мне и сказал:

– Можешь представить себе, насколько плохи твои дела, если ты играешь еще хуже, чем они?

Но сегодня был день моего триумфа – я учредил ежегодную стипендию имени своего отца, названную в честь моего отца. Было устроено собрание в актовом зале, и директор поведал мне, что в школе не прошло незамеченным мое недавнее появление на экране.

В ответной речи я искренне пожелал ученикам прожить свои жизни с пользой, а потом добавил, что мне-то едва ли это удастся: хоть я и довольно хороший адвокат, но единственная причина, по которой я сегодня стою здесь, – это то, что мой отец умер и оставил мне уйму денег.

Упомянув отца, я прикусил язык. В последнее время я все чаще замечал, что с годами становлюсь более сентиментальным. Были и другие признаки старения – например, пара волосков, растущих у меня из ушей. Здесь, похоже, имеется причинно-следственная связь. Может, стоит вложить деньги в медицину, чтобы ученые определили, как по волосам, растущим из ушей, оценивать эмоциональное состояние человека.

Затем сессия «вопрос-ответ» пошла на удивление оживленно. Большинство учеников хотели узнать о деле Уилли Миллера, причем больше всего их интересовало, какие ощущения я испытывал, посещая Уилли в камере смертников.

Дело Гарсии вызывало меньше интереса. Кое-кто из учеников знал Оскара или слышал о нем от соседей, а знать Оскара означало быть равнодушным к его судьбе. Однако меня проводили громкими аплодисментами, после чего я направился в тюрьму повидать своего клиента.

Оскар был взволнован и заметно напуган; почему-то именно слушания, а не арест и не заключение, заставили его почувствовать реальность происходящего.

Тонкости психологии не для Оскара, и я лишь спросил, есть ли у него какие-нибудь вопросы насчет того, что происходило сегодня в суде.

– Этот парень, Кэмпбелл, кажется, хочет меня поиметь.
Это был не вопрос, но почти вопрос.
– Он хочет отправить тебя в тюрьму на весь остаток твоей жизни.
– Сукин сын.
– Видимо, ты встречался с ним раньше, – сказал я. – А теперь расскажи мне все по порядку: что ты делал в ночь убийства, по минутам, так подробно, как только сможешь

вспомнить. Не пропускай ни одной детали, какой бы мелкой и незначительной она ни казалась.

Мрачный Оскар помрачнел еще сильнее.

– Я был занят, – пробормотал он.

– Это не совсем та деталь, которая мне нужна.

– Эй, мужик, а что ты хочешь, чтобы я сказал? – спросил он, явно раздраженный моей настойчивостью.

– Я хочу, чтобы ты сказал мне, где ты был в ту ночь. Потому что если ты не будешь со мной сотрудничать, то я могу точно сказать тебе, где ты будешь проводить каждую ночь до конца твоей жизни.

– Я занимался своим бизнесом, – буркнул он.

– Где? В парке?

– Нет.

Теперь я был раздражен.

– Черт возьми, Оскар, где тебя носило в ту ночь?

Он принялся рассказывать довольно бессобытийную историю о мелкой торговле наркотиками в парке и около него с некоторым добавлением сутенерских сделок. Все это продолжалось примерно до часа ночи, и он утверждал, что некоторые люди, которых он упомянул, подтвердят это, если их вызвать. Но даже если заручиться их показаниями, сомневаюсь, что присяжных это бы убедило.

Что было после часа ночи, Оскар четко припомнить не мог. Только путем повторных вопросов мне удалось воссоздать картину происходившего: он должен был заплатить оговоренную мзду своим преступным боссам за право работать на этой территории, что и сделал после часа ночи.

– Мне нужны имена, Оскар. Имена людей, с которыми ты встречался, когда вносил свою плату.

К моему удивлению, Оскар рассмеялся столь абсурдному требованию.

– Забудь об этом, мужик. Это не катит. Если я назову тебе эти имена, ты будешь защищать покойника.

Я мог бы прочесть ему еще одну лекцию о соглашении адвоката с клиентом, о том, что информация, данная мне, дальше меня не пойдет, это бы ничего не дало. Поэтому пришлось сделать по-другому. Я попросил его описать мне обстановку – улицу, на которой он находился во время этой сделки. В конечном счете он кое-что рассказал, но ограничился описанием только двух домов – не хотел, чтобы я вычислил место. Насколько я понял, речь шла о районе, который считался штаб-квартирой организованной преступности.

– И сколько времени ты там провел? – спросил я.

– Около трех часов.

– Три часа, чтобы расплатиться? – удивился я.

– Они были заняты, – объяснил он, – и меня заставили ждать.

– Это всегда так?

– Обычно это бывает не так долго, – сказал он, а затем пояснил: – Когда я прихожу к ним.

– А что, бывало, когда они приходили к тебе?

– Разумеется, – сказал он не без гордости. – Почти всегда.

Я заставил его рассказать о тех трех часах, которые он провел в ожидании: что находилось рядом, видел ли его кто-нибудь. В основном он торчал в подвале того дома, в который пришел, только вышел на полчаса купить себе поесть.

– Ты ел в закусочной? – спросил я.

– Не, пошел в один из этих крупных супермаркетов – кажется, он называется «Пищевая ярмарка». У них там сэндвичи ничего.

– Ты расплачивался кредитной карточкой?

Он посмотрел на меня с насмешкой, словно я спросил, расплачивался ли он золотом

или бриллиантами.

Если бы Брэд Питт в ту ночь зашел в супермаркет, чтобы съесть сандвич, его бы могли запомнить. У Оскара же была совершенно заурядная внешность. Я отстал от него с расспросами и сказал, что в следующий раз мы встретимся через день или два.

Когда я уходил, он спросил:

– Слушай, мужик, у меня вообще-то куча дел. Долго еще я буду здесь торчать?

– Думаю, тебе имеет смысл заказать сюда мебель и обои, если тебя интересует комфорт.

Оказалось, его волновало не это.

* * *

Странно. Я был почти уверен, что Джеффри Стайнз объявится, чтобы обвинить меня в нарушении тайны клиента – иначе с чего бы мне защищать Гарсию. Но он как в воду канул.

Этими мыслями была занята моя голова, когда мы с Лори обедали у меня дома. Лори заметила, что я подозрительно молчалив, однако не стала давить на меня, чтобы выяснить, о чем я думаю.

Мы как раз заканчивали обед, когда позвонил Винс Сандерс.

– Я проверил твоего Джеффри Стайнза, – сказал он.

– И что? – спросил я.

– И еще я проверил волшебника страны Оз, Румпельштильцхена и фею Динь-Динь.

Они тоже не существуют.

– Вот облом.

– Да уж, – сказал он. – Может, тебе надо носить колокольчик на шее?

– Что за чушь?

С Винсом иногда бывает довольно трудно общаться.

– Есть два Джеффри Стайнза, которые пишутся именно так, как ты сказал, – сообщил он. – Один из них родился четыре месяца назад, в среду, а второму девяносто два, и он живет в доме престарелых. Вдобавок ни один источник из тех, которые я проверял, а я проверил чертову кучу источников, ничего не слышал о нем. Так что мне ужасно интересно: какого черта ты тратишь на это мое время?!

Я не мог свободно разговаривать, потому что Лори сидела прямо напротив меня, а мне не хотелось потом отвечать на ее вопросы.

– Мне было интересно, – это все, что я смог произнести вслух.

– Сильный мотив, – восхитился Винс. – А если бы меня похитили и подвергли пыткам? Из меня бы могли вытрясти информацию о том, что Энди Карпентер думает, будто это интересно.

– Если попадешься, держись до последнего. Твоя страна нуждается в тебе.

– Смотри, – сказал он, – если здесь будет сенсация, она моя.

– Знаешь, для некоторых людей оказать любезность своему другу – уже достаточная плата.

– Тогда тебе надо было этих людей и просить, – огрызнулся он и повесил трубку.

Остаток вечера прошел в молчании. Лори читала, я делал вид, что тоже читаю, а все мои мысли вертелись вокруг этого дела. Ужасно неловко я себя чувствовал из-за того, что почти ничем не мог поделиться с Лори. Такая ситуация у нас сложилась впервые. С другой стороны, есть масса вещей, которыми она не делится со мной, и большинство из них касается Оскара Гарсии.

Сильно сомневаюсь, что она взаправду читала, а не делала вид, как я. Тара вела себя честнее, чем мы оба: она не притворялась, будто жует игрушку, а действительно ее жевала.

Около одиннадцати вечера я устал изображать, что читаю, и мы с Лори отправились в постель. И тут же заснули. Тот период, когда мы использовали каждую возможность, чтобы заняться любовью, уже прошел. Нет, чаще всего мы своего не упускаем, но иногда мне

грустно, что та сумасшедшая пора ушла.

Я встал раньше Лори, потому что у меня была назначена встреча с Кевином в офисе в восемь утра. Когда я приехал, он как раз заканчивал свой обычный завтрак: один рогалик, поджаренный, со сливочным сыром, и второй рогалик, неподжаренный, с маслом. Есть люди, которые могут сколько угодно набивать желудки и не прибавлять ни фунта. Кевин определенно не относится к этому типу. Главное различие между ним и Винсом Сандерсом в том, что Кевин объедается исключительно нездоровой пищей. Хотя может съесть что угодно: поставьте перед ним бочку ростков пшеницы – он и ее опустошит.

Мы с Кевином были одни, Эдна еще не пришла. В десять мы все равно были бы одни. С тех пор, как Эдна не занимается никакой реальной работой, она не видит необходимости просиживать здесь весь рабочий день. В этом была такая неопровержимая логика, что я сдался и прекратил попытки ее опровергнуть.

Кевин встречался со следователем вчера. Ценной информации было немного, но он был уверен, что выжал оттуда все, что только можно было выжать. Тело Дорси было в таком состоянии, что судить о чем-либо с полной определенностью не приходилось, однако можно было утверждать, что причиной смерти явилось отделение головы от туловища, и что когда ее отрезали, Дорси был еще жив. Кровотечение и результат действия огня привели следователя к убеждению, что смерть наступила приблизительно за час до сожжения тела. Это точно соответствовало тому, что я знал, а именно, что убийство было совершено позади стадиона Хинчклифф, который находится примерно в сорока пяти минутах езды от склада.

Когда полиции стало известно, в какое время было подожжено тело, они смогли определить время смерти с необыкновенной точностью: Дорси был убит между полтретьего и тремя часами ночи. Как раз в это время Оскар, по его же собственным словам, находился в противоположном конце города, сдавая еженедельную мзду своим преступным боссам.

Это была ситуация, где наши с Лори обязанности пересекались. Я – адвокат, Лори – детектив; у меня не было никаких иллюзий насчет наших ролей и никакого желания поменяться ими. Но я люблю присутствовать при начале каждого расследования; это связывает меня с делом, что оказывается полезным.

Само место расследования напоминало о Паттерсоне прошлого. Дома были скромные и поддерживались в идеальном порядке, а улицам удавалось сохранять ощущение близкого доброго соседства. Дети беззаботно играли на улицах; любой торговец наркотиками, если он в здравом уме, не стал бы и пытаться искать здесь клиентов.

В северном Нью-Джерси главой той организации, которую раньше принято было называть семьей, был Доминик Петроне. Я встречал Петроне на разных скучных торжественных приемах, которые вынужден был посещать. Интеллигентный седой мужчина с прекрасными манерами, он выглядел как типичный главный администратор крупной компании, каковым, в сущности, и являлся. Товары и услуги его корпорации включали наркотики, проституцию, незаконное ростовщичество, отмывание денег и иногда парочку-другую убийств. Это была нелегкая работа, но кто-то же должен был выполнять ее.

Я взял с собой фотографию Оскара и показал ее некоторым людям на улице, спрашивая, не узнают ли они его. Это было антипродуктивно; это заставляло их думать, что мы – часть принудительного применения закона, а значит, мы против Петроне, а значит, мы враги. Эти люди не нуждались в полиции и не пользовались ее услугами – все, кто им нужен был для защиты своих жизней и имущества, жили по соседству. Они бы скорее предали Господа Бога, чем Доминика Петроне, и любые вопросы только заставляли их смотреть на нас с подозрением.

Разумеется, было совершенно невероятно, чтобы тот человек, к которому Оскар приходил сюда, был Петроне. У него были люди, у которых были свои люди, у которых были люди, и у тех тоже были люди, чтобы заниматься такой мелкой сошкой, как Оскар. И даже они не заинтересовались бы им.

Поскольку мы не знали, в какой конкретно дом приходил Оскар, и не могли найти никого, кто вспомнил бы, что видел его, то в основном бесцельно шатались по улицам,

нисколько не продвигаясь к разгадке. Расследование совсем застопорилось.

Мы уже почти собрались уходить, когда увидели супермаркет «Пищевая ярмарка», куда Оскар, по его словам, заходил. Первое, что мы сделали, это удостоверились, что в ту ночь работала совсем другая смена сотрудников, и шансов, что кто-то из нынешней смены вспомнит Оскара, не было. Лори придется вернуться сюда ночью и проверить ночную смену.

Мы попросили позвать менеджера – хотели выяснить, нет ли у них записей, сделанных скрытой камерой, относящихся к тому вечеру, о котором идет речь. Если Оскар был здесь той ночью, он мог быть на этой записи.

Менеджер ушел выпить кофе, и пока мы ждали, Лори решила немного прогуляться по магазину, купить еды. Она отошла, а я догулял до банкомата, чтобы по крайней мере предложить заплатить за ее покупки. В супермаркете было небольшое отделение банка с тремя банкоматами.

Из другого похожего дела я знал, что наши шансы что-то обнаружить на записях скрытой камерой равны нулю. Большинство магазинов просто крутят эти ленты в 24- или 48-часовом режиме, а потом ставят сначала и записывают поверх предыдущей записи. Но попытка не пытка, и когда вернулся менеджер, Уолли, мы задали ему этот вопрос. Что его зовут Уолли и что он менеджер, я узнал из бэджа на кармане его форменной рубашки, гласившего «Уолли», а строкой ниже – «менеджер». Это те хитрости, которым я научился, сопровождая Лори на расследованиях.

– Как долго вы храните записи скрытой камеры? – спросил я.

– Вы что, копы? – спросил Уолли.

Его ответ явно не соответствовал вопросу, и он сказал «копы» с таким видом, будто если бы мы действительно были полицейскими, он бы попытался отвести нас в отдел товаров для борьбы с садовыми вредителями и там применить против нас дуст. У меня было такое чувство, что кто-то предупредил его о том, что мы отслеживаем кого-то, задавая вопросы.

– Нет, – сказал я.

– А что тогда?

– А что тогда – что? – парировал я.

Это был остроумный ответ на уровне довольно искушенного человека; надеюсь, Лори поведет себя так же.

Кассир, стоявший на расстоянии, на котором он мог слышать наш разговор, зевал: острота определенно прошла мимо него.

– Кто вы такие? – потребовал он.

– Я устал от этого разговора, – ответил я, после чего Лори выразительно вздохнула и вмешалась:

– Он адвокат, а я частный детектив. Мы можем прислать вам повестку в суд, и вы проведете целый день, давая показания, либо же вы можете ответить на пару простых вопросов и вернуться к складыванию бидонов на складе номер семь. Выбирайте.

– Точно, – сказал я, чтобы подчеркнуть ее слова, но удержался и язык ему показывать не стал.

Он рассердился, однако понял тщетность противостояния силе закона в моем лице.

– Мы ведем записи двадцать четыре часа, а затем записываем на те же кассеты заново.

Я показал ему фотографию Оскара.

– Вы когда-нибудь видели этого человека?

– Нет, – немедленно ответил он, едва взглянув на нее.

Даже если бы я показал ему фотографию Джорджа Буша, он бы тоже не задумываясь ответил «нет».

– Вы как хороший гражданин могли бы и постараться помочь нам, вы же хотите, чтобы свершилось правосудие, – парировал я.

Лори тут же утатила меня, и очень жаль, потому что перед моими аргументами он не мог устоять.

По дороге из супермаркета я в рамках своей благотворительной программы бросил чек на двадцать долларов в жестянку для пожертвований, затем мы с Лори разделились. Она собиралась опросить соседей Оскара, а я возвращался в офис на встречу. Лори не спросила адрес Оскара, из чего я заключил, что она знает, где он живет. Из полицейских рапортов я знал, что Оскар жил там только два месяца. То есть Лори не могла узнать этот адрес, когда еще служила в полиции. Что же, Оскар не зря упомянул в суде, что она крутилась возле его дома. Я не стал задавать ей вопросов. И не стал спрашивать себя почему.

Встречи, назначенной у меня в офисе, я ждал с нетерпением. Мы с Уилли Миллером собирались обсудить иск, который я подал от его имени против моего бывшего крестного отца, Филиппа Ганта – об имуществе Виктора Маркхэма.

Виктор и Филипп двадцать пять лет назад совершили убийство, а затем, много лет спустя, – еще одно, чтобы скрыть то, первое, да вдобавок сумели подставить Уилли, так что виновным во втором убийстве признали его. Уилли провел семь лет в камере смертников, но мне удалось на повторных слушаниях доказать его невиновность. В результате Филипп оказался в тюрьме, а Виктор покончил с собой. Жестокая история, особенно для Уилли, но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: и Филипп, и Виктор были баснословно богаты.

В исходе дела можно было не сомневаться: победный мяч шел прямо в ворота противника, и обе стороны это знали. Оставалось неясным, каков будет приз победителю, ответчики нервничали по поводу решения присяжных по этому вопросу. Потому они и потребовали отдельных слушаний по поводу документов о передаче имущества в собственность. Сегодня мы с Уилли собирались заранее обговорить свою позицию.

В первые месяцы после освобождения, особенно в первые две недели, Уилли стал настоящей знаменитостью. О нем писали газеты, его показывали по телевидению, он участвовал в ток-шоу и на «круглом столе», внося туда свежую струю. Уличный мальчишка, который никогда не видел ничего, кроме городских задворков, Уилли не имел возможности развить у себя тот «фильтр», сквозь который большинство людей общается с прессой. И на этих передачах он был просто Уилли Миллером, и с телеведущими беседовал на том же языке, на котором говорил со своими друзьями на улице.

В результате получился свежий и живой образ. Одно из своих интервью Уилли прервал вопросом: «Эй, а мне за это заплатят?» Другого журналиста он спросил о девушке-операторе, и когда ему сказали, что она не замужем, он пригласил ее к себе, непосредственно в прямом эфире. Она отказалась, но потом передумала и после шоу приняла его приглашение.

Были и неудобные ситуации, хотя Уилли, казалось, их совершенно не замечал. Когда его попросили сравнить мир сегодня и тот мир, который он покинул семь лет назад, он посетовал на то, что «цены на курево и бухло здорово взлетели».

Зайдя в офис, я застал Уилли и Эдну за приятной беседой. Начало я пропустил, но сразу понял, что Уилли шокировал Эдну, заявив, что никогда не видел кроссвордов и даже не слышал о них. Она предполагала, что такие люди существуют где-нибудь в джунглях Амазонки, живут в пещерах или на деревьях и могут не знать о благах современной цивилизации. Но здесь, в нашем офисе? Невероятно.

Уилли, казалось, нимало не смутился своим признанием – видимо, потому, что вообще никогда ничем не смущался. Он нехотя согласился, чтобы Эдна научила его основам разгадывания кроссвордов, что только усилило ее культурный шок.

– Двусмысленность, – сказала она, посмотрев в газету. – Шестнадцать букв.

Уилли обиделся.

– Я знаю, какая куча слов начинается на «не».

Эдна покачала головой.

– Нужно найти другое слово, которое значит то же, что «двусмысленность». В нем шестнадцать букв, и пятая из них – «р».

– А за каким чертом нам надо найти это слово? – спросил Уилли. – У нас ведь уже есть

это слово «двусмысленность». Может, давайте лучше поищем слово, которого у нас нет?

– Уилли, отгадка «неопределенность».

– А мне казалось, вы говорили, что в этом слове шестнадцать букв. – Уилли принялся считать, загибая пальцы и тихонько бормоча под нос буквы. Закончив, он одарил Эдну торжествующим взглядом. – Здесь никак не может быть одиннадцать.

Мне на секунду представился кошмар: Уилли играет в слова с Лори; затем я нарушил идиллию и повел Уилли к себе в кабинет. У него был черный пояс по карате, но я почему-то уверен, что если бы не мой приход, Эдна бы его убила.

Не успели мы начать разговор, как позвонил Пит Стэнтон. Он нашел примерно столько же информации о Джефффри Стайнзе, сколько и Винс Сандерс. Пит признался, что проверил все, что только можно было проверить, и пришел к неопровержимому заключению: Стайнз приходил ко мне под вымышленным именем.

Это значительно осложняло ситуацию. Если он подписал соглашение «адвокат – клиент» фальшивым именем, соглашение не имело законной силы. Неясно было, освобождает ли это меня от обязательств хранить его тайну или нет. Надо было выяснить, но я отложил это: неопределенность, будь Эдна неладна, сейчас как нельзя кстати, пока я не решил, чего хочу относительно неразглашения тайны Стайнза.

Мое решение было «и вашим, и нашим». Не обнаруживая, сколь мало я знаю о личности Стайнза, я использую кое-какую информацию, полученную от него, чтобы помочь своему клиенту. Я встал на шаткую почву, но другой опоры у меня нет, а защищаться придется.

Я позвонил Лори и осторожно намекнул ей, что получил информацию о неких возможных уликах по убийству Дорси. Описав местность позади стадиона Хинчклифф, дословно используя речь Стайнза, я попросил Лори проверить информацию, и если она найдет что-нибудь, ничего не трогать и позвонить в полицию.

У меня было предчувствие, что эти улики могут быть полезны для доказательства невиновности Оскара. Я не буду помогать властям, указывая им на Стайнза, но если они сами найдут место убийства, моя совесть будет почти чиста.

Вернувшись к Уилли, я коротко изложил ему новости насчет его иска. Оба наших противника согласились, чтобы их представлял один адвокат, с которым надо будет встретиться на этой неделе. К тому же я лишний раз подчеркнул то, что говорил ему уже по меньшей мере пять раз: сколько бы денег он ни получил от Филиппа Ганта, именно на эту сумму уменьшится наследство моей бывшей жены, Николь. Мы с Николь не разговаривали с тех пор, как ее отец был арестован, но для меня это и по сей день было внутренним конфликтом. И этот конфликт не должен был затрагивать интересы моего клиента.

Мы еще не обсуждали вероятную сумму вознаграждения, которую Уилли может получить, и нечего было и гадать, что решат присяжные по этому вопросу. Взвесив все обстоятельства, я подумал, что реально – претендовать на пять миллионов долларов, и именно эту цифру назвал Уилли. В ответ он стал издавать странные звуки – нечто среднее между хрипом и рыданием. Я даже испугался за его здоровье и подумал, не позвонить ли в службу 911. Но вскоре он настолько отдышался, что сумел вымолвить:

– Пять миллионов долларов?

– Но я рекомендую не соглашаться.

– Не соглашаться получить их? – Он опять захрипел. – Ты хочешь сказать, я должен отказаться? От пяти миллионов долларов?!

– Да. Я считаю, что ты должен требовать увеличения суммы до десяти, не считая моих комиссионных.

– Десяти чего? Миллионов?

– Миллионов, – кивнул я. – Речь идет о почти семи годах. Разве твоя жизнь не стоит по меньшей мере полтора миллиона в год?

Он взял себя в руки, пытаясь переварить то, что только что услышал.

– Чертовски верно, – наконец сказал он. – Речь ведь идет о моей жизни.

Уилли довольно хорошо переваривал информацию.

– Так что, договорились? – спросил я.

– Ясен пень! Мы с тобой идем в одну сторону, приятель. Смотрим одними глазами, говорим одними словами. Всю дорогу.

– Вот и хорошо, – сказал я. – Один за всех, и все за одного.

Он согласно кивнул, затем спросил:

– А что, если нам не дадут десять миллионов?

– Тогда мы заставим присяжных дать нам пятнадцать.

– Мать моя женщина! – с восторгом воскликнул он и дважды пожал мне руку. Уходя, он остановился в дверях и обернулся ко мне. – Ты ведь меня не надуваешь? Я имею в виду, ты ведь не станешь меня надувать?

– Не стану, – улыбнулся я, и он в ответ улыбнулся мне во все тридцать два зуба.

Через минуту после ухода Уилли мне позвонил помощник Дилана Кэмпбелла и попросил встретиться с его шефом у него в офисе как можно скорее. Я мог предполагать только, что полиция нашла дополнительные улики, указывающие на Оскара. Но какой смысл был просить помощника? Дилан всегда старается быть на переднем плане, когда это возможно. Например, если бы на меня нужно было сбросить бомбу, он сделал бы это лично.

Как только я приехал, меня проводили в кабинет Дилана, и это было еще одно доказательство, что у него есть что-то, как он надеется, против меня. В его манере было бы заставить меня помяться в приемной, но на сей раз он не смог соблюсти этот ритуал.

В кабинете Дилана сидел лейтенант Ник Сабонис, ведущий следователь в деле Оскара. Если он и разделял ликование Дилана по поводу его предстоящего высказывания, то неплохо скрывал свои чувства. Ник был правильным полицейским, чья карьера приближалась к дню, когда его главным интересом будет то, какие снасти лучше покупать для рыбной ловли. Он не собирался вникать в хитросплетения доводов обеих сторон, а просто хотел посадить всех плохих парней в тюрьму и заняться очередным делом.

– Спасибо, что так быстро приехал, Энди, – сказал Дилан. – По делу твоего клиента найдены новые улики.

Я ждал, пока он продолжит; просить его поторопиться означало позволить ему торжествовать, а это не входило в мои планы.

– Нам позвонил Уоллес Ферро, менеджер супермаркета «Пищевая ярмарка» в Риверсайде. Оказывается, у них есть запись, что Гарсия был в их магазине как раз в то время, когда, по словам следователя, было совершено убийство.

Я был доволен, но озадачен.

– Я спрашивал его об этих записях.

Дилан кивнул, торжествуя усмехаясь.

– С его слов, вы не очень-то настаивали. Это запись с камеры, установленной над банкоматом. Там другая система, эти записи не стираются месяцами. По какой-то причине он решил, что нас эта информация заинтересует больше, чем вас.

Меня это не задело. Неважно, какого мнения придерживается Уолли, менеджер бакалейного отдела, о моих методах расследования. Главное, что мой клиент вскоре выйдет на свободу и дело закроют. И я с чистой совестью смогу вернуться к спасению гватемальских выдр.

– Оскар знает об этом? – спросил я.

– Знает. Он уже освобожден и дал согласие добровольно ответить на ряд вопросов.

У меня в голове зазвенел сигнал тревоги.

– Какого рода вопросы? Почему мне об этом не сообщили?

– Не беспокойся, Энди, Оскар отказался от своего права на адвокатское сопровождение, – он улыбнулся, – особенно твое.

– Что, черт возьми, здесь происходит, Дилан? О чем ты собираешься спрашивать Оскара?

Мои дурные предчувствия усилились, когда Ник, не говоря ни слова, вышел из

кабинета. Я считал, что даже если он окажется в одной команде с Диланом, то не опустится до участия в этой комедии положений.

Дилан, кажется, даже не заметил его ухода. Он смаковал момент.

– По этому делу арестован другой подозреваемый, Энди. И мы думаем, что Оскар располагает информацией в связи с этим арестом.

– И кого же вы арестовали? – спросил я, понимая, что именно ради этого Дилан и вызвал меня сюда, и так же ясно понимая, что буду в бешенстве, услышав ответ.

– Мне очень жаль, что именно я вынужден сообщить тебе об этом, – солгал он, глядя мне в глаза, – но по обвинению в убийстве Алекса Дорси арестована Лори Коллинз.

* * *

Когда я приехал в тюрьму, все подходы к воротам были запружены прессой. Пока обвиняемым был Оскар Гарсия, СМИ особо не волновались. Теперь же, когда обвинялась Лори Коллинз, бывший полицейский и заклятый враг нераскрытых преступлений, это был в любом случае материал для первой полосы.

Я протолкался сквозь толпу репортеров и операторов, раздавая комментарии по пути. Обычно я не люблю разговаривать с прессой, пока у меня на руках нет фактов, поэтому рассказал только то, что, как я точно знал, было правдой.

– Какова ваша реакция на этот арест? – спрашивали меня.

– Это полный идиотизм, – отвечал я.

– Вы собираетесь выступить защитником мисс Коллинз?

– Факты будут ее защитой, – сказал я. – А я просто прослежу, чтобы эти факты стали всем известны.

Я вошел в тюрьму и попросил встречи с Лори. Парень за конторкой ответил, что с ней «беседуют». Я знал: у нее хватит ума не отвечать ни на какие вопросы без моего присутствия, но мне не нравилось, что она была одна. Подождав пять минут, я объявил ему о своем намерении выйти и сообщить прессе, что мне отказано в доступе к моему клиенту.

По счастливому совпадению, именно в этот момент он получил телепатическое сообщение, в котором говорилось: «общение» только что закончено.

Меня препроводили в приемную, где я прождал еще пять минут; наконец привели Лори. Ее руки были скованы наручниками спереди, и на ней уже была тюремная одежда. Я ожидал увидеть страх в ее глазах, но его там не было. Там была ярость. И это было хорошо, потому что страха у меня хватало на нас двоих.

– Энди, что здесь, черт возьми, происходит?

– Не знаю, – сказал я. – Я еще ни у кого не требовал информации по этому поводу. Хотел сначала с тобой поговорить.

– Меня обвиняют в убийстве Дорси, – сказала она с абсолютным неверием в голосе.

Я кивнул.

– Расскажи мне, что случилось. Не пропуская ни одной детали.

Она села, неудобно устроив скованные руки на столе перед собой. Эти наручники были для меня таким плевком в душу, что хотелось перекусить их зубами.

– Мне особенно нечего рассказывать, – сказала она. – Я поехала на стадион, как ты и сказал. Это заняло некоторое время, но наконец я что-то заметила в кустах. Я раздвинула ветки и осмотрела находки, но ни к чему не прикасалась. Там была одежда со следами крови. Затем я увидела рукоять большого ножа, который кто-то как будто пытался закрыть ветками.

– И что ты сделала?

– Ничего. Через десять секунд я увидела полицию, офицеры, кажется, бежали отовсюду. Их было что-то около семи или восьми, с пистолетами, готовыми к стрельбе. Они зачитали мне мои права и привезли меня сюда.

– Как ты думаешь, они следили за тобой или сидели в засаде?

Она покачала головой.

– Не знаю. Может, и то и другое. Их было много. – Она снова покачала головой, на сей раз куда более печально. – Наверное, это судьба. Я тренировала двух или трех из них.

Я помолчал с минуту, стараясь уложить это в голове. Ничего не складывалось.

– Энди, почему ты послал меня туда?

Это не было обвинением, просто она хотела знать.

– У меня была информация, что одежда убийцы может там находиться. Я решил, что если она там, то Оскар будет тут же освобожден. Ясно, что тебя тоже немедленно освободят.

Лори произнесла это тихо, и я впервые услышал, что страх взял верх над яростью:

– Энди, это была моя одежда.

Не может быть. Она не могла сказать то, что я услышал.

– Что?!

– Одежда со следами крови... это моя одежда. Я не знаю, где они ее взяли... Я даже не замечала, что она исчезла из моего гардероба.

Я почувствовал панику, когда понял. Это самое худшее, что только могло произойти. Мы оказались перед ситуацией, которая была совершенно необъяснима, но безусловно четко спланирована и безошибочно исполнена.

– Лори, мы вызволим тебя.

– А где я буду находиться, пока мы будем меня вызволять? – спросила она.

Она имела в виду возможность освобождения под залог, которую я начал обдумывать еще по дороге сюда. Это было весьма проблематично. Оскар обвинялся в предумышленном убийстве, и против Лори, несомненно, будут выдвинуты те же обвинения. Добиться освобождения под залог в таких обстоятельствах крайне трудно, и Дилан, несомненно, будет выступать против.

– С залогом будет нелегко, – сказал я ей.

Я не лгу своим клиентам, и совершенно не собирался лгать Лори. Она кивнула: ей было известно не хуже меня, как работает судебная система.

– Если нам не удастся добиться освобождения под залог и даже если удастся, надо, чтобы суд был как можно скорее.

– Говорить о суде слишком рано. Я намерен разобраться с этим до того, как дело дойдет до суда.

– Я не могу сидеть в камере, Энди.

Я был бы счастлив сказать, что ей и не придется, но это было не в моей власти. Что стало еще очевиднее, когда вошел охранник, чтобы увести Лори обратно в эту проклятую камеру.

Я обещал Лори, что приеду к ней завтра и к тому времени буду знать гораздо больше об этой ситуации, тогда мы сможем обсудить все в деталях. Я еще раз заверил ее, что все будет в порядке. Я сказал, что люблю ее и что она не должна терять присутствия духа.

Но было и то, о чем я умолчал. Я не сказал ей, что у них еще не было времени сделать анализ крови на одежде, значит, пока нет никакой уверенности, что это кровь Дорси. Я не сказал ей, что это означает еще одну улику против нее, – то обстоятельство, что полиции не понадобилось делать этот анализ для получения ордера на арест Лори. Я не сказал ей, что в глубине души знаю: самое страшное еще не случилось и положение дел обязательно ухудшится перед тем, как, надеюсь, ситуацию удастся переломить.

Я не сказал ей, что каждая клеточка моего тела дрожит от страха.

Когда Лори увели, я спустился вниз для встречи с сержантом Лютером Дэндриджем, возглавлявшим группу охраны заключенных. Мы были знакомы, но не очень хорошо, и у него не было никаких причин оказывать мне любезности. Тем не менее, я попросил его сделать все возможное, чтобы Лори было как можно удобнее.

Оказалось, он знаком с Лори и неплохо относится к ней. Дэндридж сказал, что уже организовал, дабы она не встречалась с остальными заключенными, и что охрана будет максимально доброжелательна к ней. Когда я это услышал, мне захотелось обнять и расцеловать его, захотелось отдать ему оставшиеся одиннадцать миллионов долларов,

которые я не дал кузену Фреду. Но эмоции лучше держать под контролем.

Было почти восемь часов вечера, когда я покинул тюрьму и позвонил Дилану в офис. Никто не снял трубку, и это означало, что мне придется ждать до завтра, чтобы получить какую бы то ни было информацию. Я позвонил на автоответчик в свой офис и прослушал множество сообщений от друзей Лори, своих и наших общих друзей с выражениями поддержки. Еще звонил Кевин и выражал готовность поработать на меня сегодня вечером.

Последний звонок был от Дилана. Он предупреждал меня, что завтра в одиннадцать утра я должен быть на первичном слушании в суде. Они решили действовать быстро и тайно. Значит, нам придется делать то же самое, но довольно трудно действовать быстро и тайно, когда не знаешь, что тут можно поделаться.

Я позвонил Кевину домой, и он снял трубку немедленно, до окончания первого гудка. Разговор был именно таким, как я ожидал. Хотя я знал, что он возмущен и расстроен, его голос не выдавал никаких эмоций. Это были бы пустые, бесполезные слова; что нам сейчас было нужно, так это направить каждую секунду своего времени и все свои мысли на помощь Лори, а не оплакивать ее беду. Я попросил его приехать немедленно, чтобы мы могли начать работу.

Приехав домой, я быстро выгулял Тару, и когда мы вернулись, Кевин уже прибыл. Я сварил кофе, и мы стали думать, что можно предпринять.

В первую очередь надо было найти дополнительную информацию, и поскольку мне нужно было готовиться к завтрашнему слушанию, эту задачу я возложил на Кевина. Завтра утром он поедет к Дилану в офис еще до открытия, и если ему попытаются отказать в немедленном предоставлении всех материалов расследования по этому делу, он должен известить меня об этом до начала слушания. Тогда я снова поставлю Дилана в неловкое положение перед судьей. Сомневаюсь, что Дилан жаждал повторения этого унижения, так что, подозреваю, он будет, хоть и без желания, оказывать содействие Кевину в достаточной степени.

Мы обсудили формулировку требования об освобождении под залог и подготовили прошение, используя соответствующую область прецедентного права. Кевин считал, что наши шансы выше, чем я полагал, и это обнадеживало, потому что он был отличным юристом, который успел поработать по обе стороны.

Я рассказал Кевину о Стайнзе; мои угрызения совести из-за нарушения соглашения «адвокат-клиент» давно испарились. Раз Стайнз знал, что в кустах за стадионом была не его одежда, значит, он посетил мой офис именно с целью подставить Лори. Он разыграл меня, как шахматную фигуру, и отплатить ему той же монетой – мой долг и ключевой компонент в защите Лори.

Кевин уехал, а я просидел еще пару часов, размышляя над делом. Инстинкт подсказывал мне, что ключ к разгадке кроется в личности жертвы и что единственный способ узнать правду о смерти Алекса Дорси – это проследить как можно подробнее последние два года его жизни.

Пока единственный достоверный факт один: Лори не убивала его. Это доказывала ловушка Стайнза, но и без того я не сомневался, что Лори невиновна. Она ненавидела Дорси и вполне могла желать ему смерти. Но убить его она могла бы разве что в чрезвычайных обстоятельствах, сопряженных с самозащитой или защитой других людей. Иного быть не могло. Да и жестокость этого убийства, полное пренебрежение к человеческой жизни снимали с Лори все подозрения.

Я лег в постель, но заснуть так и не смог. Не мог перестать думать о том, что Лори сейчас в тюрьме. И еще – заснуть в тепле и уюте постели, которую мы с ней делили, будет чем-то вроде предательства по отношению к моей любимой.

Я смотрел новости до пяти тридцати утра, а еще через час раскрыл «аферу с рассветом». Парень, который читает новости о погоде, объявил, что солнце сегодня встанет в 6.31 утра, я же мог свидетельствовать, что в это время было уже светло в течение пятнадцати минут. Неужели никто не проверяет эти вещи? Они что, думают, что эти пятнадцать минут

светил другой источник – например, для того, чтобы подготовить наши глаза к внезапному восходу солнца? Или нас кто-то обманывает – может, производители лосьона для загара? А вообще, зачем знать, в какое точно время встает солнце? Разве не удобнее было бы знать, когда становится светло? И есть ли еще идиоты вроде меня, которые в этот час не спят и обращают внимание на эту чушь, только чтобы не думать о чем-то по-настоящему важном, что гложет их изнутри и о чем нет больше сил думать?

Каким, черт побери, образом мне помочь Лори? И что, если я не сумею ее вызволить?

Я встал и вывел Тару на двухчасовую прогулку. Как всегда, она чувствовала мое настроение. Тара не сделала ничего, чтобы отвлечь меня от моих мыслей; даже когда мимо пробежала белка, она не попыталась догнать ее. Мне удалось сосредоточиться на работе, и к тому моменту, как мы вернулись домой, я справился с собой.

Приняв душ, я оделся и к половине одиннадцатого был в суде. Я встретился с Лори в приемной, чтобы подготовить ее к слушанию, точно так же, как с Оскаром. Я сказал ей в основном все то же самое, но еще крепко обнял, чего мне, слава Богу, с Оскаром не пришлось предельвать.

В назначенное время нас ввели в зал суда, и Кевин уже ждал за столом защиты. Дилан и его коллеги тоже уже были на месте, хотя на сей раз он забыл пожелать мне удачи. Народу и прессы в зале суда было вдвое больше, чем на первичном слушании Оскара.

Судья Тиммерман вновь вела слушание. Она спросила, есть ли необходимость обсудить что-либо, прежде чем мы начнем, и Дилан немедленно продемонстрировал, насколько придиричиво он намерен вести дело.

– Да, ваша честь, – сказал он. – Мы полагаем, что представлять эту подзащитную для мистера Карпентера будет проблематично, поэтому мы просим о его отстранении от защиты.

– На каком основании? – спросила судья.

– Как вам известно, он представлял Оскара Гарсию, когда мистер Гарсия был обвинен в том же самом преступлении. В данном деле мистер Гарсия будет проходить свидетелем, а для мистера Карпентера это чистой воды злоупотребление служебным положением.

Когда Дилан говорил, я ощущал напряжение Лори, сидевшей рядом, – она боялась, что потеряет меня как защитника. Кевин сунул мне листок бумаги, но я не посмотрел на него, потому что был слишком решительно настроен по поводу слов Дилана. Никким образом я не допущу своего отстранения от этого дела.

Судья повернулась ко мне.

– Мистер Карпентер?

Я поднялся.

– Ваша честь, всего три дня назад мистер Кэмпбелл стоял здесь же, перед вами, и утверждал, что Оскар Гарсия виновен и это не подлежит сомнению. Мы говорили вам, что он ошибается, и, как он теперь признает, он действительно ошибался. Теперь мистер Кэмпбелл говорит вам, что Лори Коллинз виновна и что это не подлежит сомнению. И он вновь ошибается. Я не знаю, какие у него основания для столь странных и ложных обвинений, однако, как видим, это довольно шаткие основания. А поскольку в его намерения, видимо, входит обвинять людей до тех пор, пока он, наконец, не наткнется на настоящего преступника, и поскольку в нашем обществе простых граждан пока все-таки больше, чем адвокатов, то одному адвокату приходится представлять более одного подзащитного. Поэтому полагаю, мы можем начинать.

– Ваша честь, – сказал Дилан, – я протестую против столь легкомысленного ответа. Это серьезный вопрос.

Пока Дилан говорил, у меня было время, чтобы взглянуть на бумажку, которую передал мне Кевин.

– Это очень серьезный вопрос, – согласился я. – И не менее серьезным он был в деле «Нью-Джерси против Клампетта», в котором был создан соответствующий прецедент, что подтверждает позицию защиты.

Кевин необъяснимым образом предвидел эту возможность и прошлой ночью обратился

к прецедентному праву.

– Но гораздо более серьезным, – продолжал я, – является тот факт, что данный прокурор обвинил в жестоком преступлении уже двух невиновных людей за эту неделю. Он продемонстрировал очевидную готовность торопить правосудие, не считаясь с фактами, и в настоящее время делает это снова. – Я так нападал на Дилана не только потому, что его поступок был дешевым непрофессиональным выпадом, а главным образом потому, что пресса с жадностью все фиксировала. Я почти явно видел дым, валивший из ушей Дилана, по мере того, как я продолжал. – Кроме того, я больше не представляю Оскара Гарсию, и мне ничего не известно о том, какое отношение он может иметь к дальнейшему ходу дела. Если дело все же дойдет до суда и если он будет давать показания, мой помощник, Кевин Рэндалл, проведет перекрестный допрос свидетеля.

Судья Тиммерман подумала с минуту, затем вынесла свой вердикт:

– Поскольку дело Гарсии имело столь малую продолжительность, я не вижу здесь очевидного злоупотребления. Поэтому я склоняюсь к признанию требований защиты справедливыми и позволяю мистеру Карпентеру продолжать представлять мисс Коллинз в качестве адвоката. Мистер Кэмпбелл, если вы не согласны с моим решением, вы можете попытаться снова поднять вопрос об отводе адвоката с судьей, который будет вести дело.

Дилан вынужден был признать свое поражение, по крайней мере, на данный момент. Я заметил, что Лори вздохнула с облегчением.

Облегчение длилось недолго, потому что Дилан заявил, что штат Нью-Джерси обвиняет Лори в убийстве первой степени. Когда речь идет о сожжении, первая степень не преувеличение. В классификации убийств это самая тяжкая степень. Проще говоря, если Лори признают виновной, она больше никогда не проведет на свободе ни одного дня своей жизни.

Это шокировало бы любого, но когда Лори попросили сделать заявление, она сказала: «Совершенно не виновна, ваша честь». Она сказала это с уверенностью, силой и непоколебимостью. Еще одно напоминание о том, что она – нестигаемая женщина.

Затем судья вынесла на рассмотрение вопрос о залоге, против которого Дилан решительно запротестовал:

– Подсудимая независима в финансовом отношении и, как бывший офицер полиции, знает все ходы и выходы, а значит, ей не составит труда исчезнуть. К тому же, и это еще более важно, жестокость преступления такова, что освобождение подзащитной может представлять серьезную угрозу для общества. Внесение залога в данных обстоятельствах было бы серьезным отклонением от прецедента, и факты просто не предполагают подобного решения суда.

– Мистер Карпентер?

Я встал.

– Благодарю, ваша честь. Лори Коллинз была заслуженным офицером полиции, неоднократно награжденным знаками отличия; она оставила службу добровольно, когда обнаружила, что эта служба несопоставима с ее высокими моральными и этическими нормами. С тех пор она успела стать известным частным детективом, и я могу лично поручиться за ее дальнейшую безупречную мораль и действия. Вся ее жизнь до настоящего момента была посвящена служению тому самому обществу, за которое так опасается мистер Кэмпбелл. Она даже улицу на красный свет никогда не переходила, не говоря о более серьезных нарушениях. И теперь только потому, что она стала последним невольным участником в обвинительном шоу мистера Кэмпбелла «Подозреваемый на один день», ее свобода должна быть ограничена?

Дилан снова вскочил на ноги.

– Я протестую против личных нападок, ваша честь.

– Принимается. Давайте немного сгладим острые углы, мистер Карпентер, – сказала судья.

– Прошу прощения, ваша честь. Но говорить о том, что Лори Коллинз может скрыться

от правосудия – это чистый абсурд. Люди с ее мужеством и ее характером не бегут от недоказанных обвинений вроде этого; они остаются и борются с ними.

Судья не выглядела убежденной.

– Залог в подобной ситуации – это необычная практика, мистер Карпендер.

Я испугался, что теряю шанс на освобождение Лори. Кевин едва заметно кивнул мне – у нас был альтернативный план действий на случай, если окажется, что все хуже, чем мы предполагали, что и происходит.

– Ваша честь, – сказал я, – мы можем предложить значительную сумму залога и домашний арест. Миссис Коллинз может находиться под постоянным электронным наблюдением, если это необходимо. А если вы считаете, что и этого недостаточно, то около дома можно разместить полицейскую охрану, работа которой, если таково будет ваше решение, будет оплачена из средств защиты.

Судья, казалось, была заинтригована моим предложением – я видел, что она колеблется.

– Мистер Кэмпбелл, – сказала она, – что вы на это возразите? Это исключает риск как побега, так и какой-либо опасности для общества.

Ничего удивительного, что Дилан категорически не согласился.

– Ваша честь, мы говорим об ужасном преднамеренном убийстве офицера полиции. Домашний арест не может заменить тюрьму. Именно для этого тюрьмы и существуют.

Я вновь вскочил.

– Ваша честь, сегодня я прибыл в суд через несколько минут после мистера Кэмпбелла. Неужели пока меня не было, по этому делу уже состоялся суд и было вынесено обвинение? Тюрьмы существуют для преступников. Мистеру Кэмпбеллу все еще необходимо доказать, что Лори Коллинз совершила преступление, в котором ее обвиняют, а ему это не удастся.

Судья кивнула и вынесла свой вердикт:

– Сумма залога определяется в 500 000 долларов. Обвиняемая будет находиться под домашним арестом и электронным наблюдением. Если штат считает необходимым размещение полицейской охраны возле дома, то оплата будет производиться из средств штата.

Я нагнулся к Лори и шепнул:

– Как ты относишься к тому, чтобы находиться под арестом у меня дома?

Она слегка улыбнулась.

– Только по понедельникам, средам и пятницам.

Я справился с желанием улыбнуться в ответ, а затем спросил судью, возможно ли позволить Лори находиться под домашним арестом в моем доме, объяснив, что это значительно увеличит ее способность участвовать в своей защите в качестве детектива, чья помощь сейчас будет очень ценной. Судья согласилась, и Дилан не потрудился возразить.

– Порядок внесения залога можете обсудить с судебным приставом, – сказала судья и закрыла слушания.

Я немедленно отправился к приставу и специально прошел мимо Дилана.

– Дилан, – сказал я, – ты специалист в делах такого рода. Как ты думаешь, они захотят, чтобы мы внесли залог чеком или наличными?

Он не ответил, так что мне, видимо, предлагалось спросить об этом у пристава.

* * *

Лори отпустили только через три часа после слушаний. Проклятые бюрократические проволочки! Я был готов разнести там все, когда наконец она вышла. Охранник довез ее до моего дома, где и закрепил на ее лодыжке электронный браслет.

Кевин хотел подъехать с материалами расследования, которые он получил от Дилана, но я сказал ему, что начнем завтра утром. Сегодня у всех у нас был слишком трудный и напряженный день. Как только мы возьмемся за дело, все остальное в этом мире перестанет

для нас существовать.

Я попросил Кевина начать процесс переноса офиса на дом; я хотел, чтобы сюда были переключены все телефоны и перенесены все документы. Даже Эдну придется предупредить, что ей придется изменить свой привычный режим выхода на работу к обеду. Я подозревал, что, если мы ей не скажем, она может продолжать ходить в офис месяцами и даже не заметит, что нас там нет.

Мы с Лори рано пообедали и весь обед провели в молчании. Она сильная женщина, но я видел, как она потрясена событиями. Я видел, что она собрала все свои силы и мужество, чтобы выстоять перед лицом сурового испытания, через которое ей предстояло пройти. Мы легли в постель в десять вечера, и я обнимал ее до тех пор, пока она не заснула. Должен признать, мне хотелось большего, чем просто обнимать ее, однако у меня было чувство, что попытка заниматься любовью с человеком в день, который он встретил в тюрьме по обвинению в убийстве путем обезглавливания, будет несколько нетактичной. Я заснул следом за Лори; сегодняшний день и в самом деле вымотал нас обоих.

На следующее утро в восемь часов мы еще спали, когда раздался звонок в дверь, и я, пошатываясь, спустился, чтобы открыть дверь. На пороге стояла Эдна.

Эдна, проснувшаяся, вставшая и явившаяся на работу в восемь утра! Нет, это определенно выше моего понимания.

– У нас много работы, Энди, – сказала она, затем проплыла мимо меня и вошла в дом.

На улице возле дома уже начинала собираться пресса; я бы сильно удивился, если бы они не явились. Именно этого я и добивался. Лори в любом случае не выйдет из дома, а в деле вроде этого общение с прессой является необходимой частью работы защитника. И иметь их под рукой гораздо удобнее.

Эдна немедленно принялась устраивать временный офис в моей берлоге. Она сделала перерыв только для того, чтобы зайти на кухню и сварить кофе. Эдна варит кофе! Жаль, что фотоаппарат у меня был наверху – я пропустил один из тех кадров, которые бывают только раз в жизни.

Моя секретарша пылала негодованием из-за того, что Лори попала в такую ситуацию. Она заставила меня поклясться, что мы сделаем все возможное и даже больше, чтобы оправдать ее, что я с легкостью пообещал. Лори спустилась вниз, надев длинные брюки, чтобы скрыть свой браслет на лодыжке. Эдна обрушилась на нее с объятиями, осыпая добрыми словами и повторяя свои заверения, что сделает все возможное. Я в самом деле был тронут ее реакцией и должен заметить, что Лори тоже была тронута.

Кевин появился через несколько минут и сообщил, что грузчики привезут все документы и оборудование к одиннадцати часам. Материалы следствия у него были с собой, и мы устроились, дабы начать разбираться с ними.

Лори вызвалась приготовить нам завтрак, и когда я упомянул, что в доме нет ничего подходящего для этих целей, она по привычке сказала, что сейчас сбегает в магазин. Прежде чем я успел ответить, до нее дошло, что такой возможности у нее теперь нет. Мелочь, конечно, однако это было отрезвляющее напоминание о ситуации.

В магазин отправилась Эдна, и я слышал, как она, выходя, громко поносила «журналигов, которые присосались как пиявки, пользуясь чужим горем». Я взял себе на заметку, что надо объяснить ей важность поддержания хороших отношений с прессой, но эта заметка была в самом конце моего списка того, о чем надо не забыть.

Судя по тому, что я извлек из утренних газет и некоторых выпусков теленовостей, пресса болела за нас. Главное, о чем упоминали журналисты, – это мои насмешки над Диланом, и хотя обычно это не стоит рассматривать как нечто существенное, в данном случае все было наоборот. Дилан в любом случае не уступит добровольно ни дюйма, и, думаю, если его все время бесить, он может допустить ошибку. И еще я думаю, что это может спровоцировать его на чрезмерную агрессивность, а это для обвинителя последнее дело.

Мы с Кевином принялись продираться сквозь материалы следствия, хотя это слишком

громко сказано. Папочка была тоненькая, и это подтверждало мою уверенность в том, что с Диланом постоянно придется сражаться за каждую унцию информации. Но, разумеется, мы просто не имеем права что-то упустить.

В основном дело против Лори, как было подчеркнуто в материалах следствия, базировалось на двух сильных основаниях. Первым было ее присутствие на том месте, которое теперь определялось как место преступления, – позади стадиона Хинчклифф. В глазах полиции это выглядело попыткой уничтожить улики. Понятно, что наиболее весомой из этих улик была одежда Лори со следами крови, и у меня не было никаких сомнений в том, что анализ ДНК покажет, что кровь на одежде и на ноже принадлежит Алексу Дорси. Вторая довольно опасная улика появилась в результате обыска в доме Лори. В ее гараже была обнаружена пустая канистра с остатками жидкости, напоминающей бензин, которая по результатам проверки оказалась той же самой смесью, которая использовалась для сожжения тела Дорси. Лори остолбенела, когда услышала это, и поклялась, что никогда в жизни не видела этой канистры.

Остаток информации в папке составляли показания свидетелей. Хотя дело едва началось, полиция уже достигла успехов в этом отношении. Оскар и его соседи показали, что Лори часто бывала там, по-видимому, следя за Оскаром. Был даже свидетель, который видел Лори на территории склада в день убийства.

Чего в материалах следствия явно недоставало, так это каких-либо упоминаний о жертве, – биографии и сведений о деятельности. На Дорси должно быть досье размером с Южную Дакоту, но, несмотря на наши запросы, в материалах следствия не было ничего. И узнать, почему от нас скрывали эту информацию, можно было, только получив ее.

– Кто будет блины?

Лори стояла в дверях, и запах, исходивший от приготовленного ею завтрака, наполнял комнату.

Если бы Национальная футбольная лига, оценивая талант игрока, проверяла его скорость в забеге не на сорок ярдов, а из моей гостиной в кухню, Кевин мог бы считаться профессионалом и будущей гордостью нации.

Эдна и я съели по одному блину, Лори одолела два, так что, если добавить к этому те, что съел Кевин, в общей сложности получится шестнадцать. Покончив с завтраком, мы вернулись в свой импровизированный штаб и составили график первоначальных действий. Кевин будет пробивать доступ к полицейским архивам на Дорси, и начнет он с повторения нашего запроса на добровольное предоставление этой информации. Мы ожидали, что Дилан вновь откажется это сделать, поэтому Кевин должен будет заранее подготовить комбинацию, которая убедит суд заставить Дилана уступить.

Другое поручение, которое я также взвалил на Кевина, – это найти детектива, который будет работать с нами в этом расследовании. Я боялся, что Лори будет расстроена, как будто она не оправдала ожиданий и ей подыскивают замену. И снова я промахнулся: она тут же принялась высказывать идеи, кого мы могли бы нанять.

Когда Кевин уехал, Лори отвела меня в спальню, чтобы Эдна не слышала нас. Закрыв за нами дверь, она сказала:

– Энди, нам надо обсудить денежный вопрос.

– А в чем дело? – спросил я.

– У меня есть двенадцать тысяч долларов в банке, – сказала она.

– И все? А у меня двадцать два миллиона.

– Энди, я всегда была независимой. Так я привыкла о себе думать. Но в настоящий момент у меня нет и намека на такие деньги, чтобы заплатить за свою защиту, и я не знаю, что мне делать.

– Тебе ничего не надо делать. Я сам за все заплачу, но для начала обсужу сам с собой свои почасовые гонорары.

– Это дело будет стоить целое состояние.

– Тогда нам повезло, потому что у меня как раз есть небольшое состояние, – сказал я. –

Послушай, мы вносим разные вещи в наши отношения, в нашу дружбу. Одна из тех вещей, которую вношу я, – это деньги. Они ведь никогда не значили много ни для одного из нас, но сейчас они нам понадобились – и, слава Богу, они есть. Даже если мы потратим все до последнего пенни, ничего страшного.

– Энди... – начала она, но я перебил ее.

– Я знаю, что ты чувствуешь, Лори, но каждая минута, которую мы проводим, думая о деньгах, – это минута, которую мы тратим впустую, не думая о том, что действительно важно. А действительно важно сейчас одно – выиграть дело.

– Значит, это еще одна несправедливость в наших отношениях, с которой мне придется смириться? – спросила она.

Я кивнул, и она обняла меня.

– Я люблю тебя, – сказала она.

– Я тебя тоже.

Как я уже упоминал, мы нечасто употребляем эти слова, чтобы они не обесценивались, однако иногда это бывает необходимо.

Я вернулся в гостиную, и к этому моменту Эдна успела договориться насчет телефонов. Телефонная компания должна приехать в течение часа и установить офисную линию, отдельную от моей домашней линии. Лори решила принимать личные звонки на свой мобильный, чтобы не мешать нашей работе. Эдна уже работала над чем-то еще, хотя я понятия не имел, над чем именно. Должно быть, прошлой ночью, пока Эдна спала, в ее тело вселилась душа трудоголика. Не желая прерывать трудовой порыв, в чем бы он ни заключался, я отправился на ленч, хотя еще не успел выковырять из зубов остатки блинов после завтрака.

Этот ленч я делил с особым агентом ФБР Робертом Гастингсом. Пит Стэнтон, который устроил мне эту встречу, сообщил, что друзья Гастингса называют его Робби, но поскольку я был адвокатом, мне следовало называть его «особый агент Гастингс». Пит знал его по нескольким делам, в которых их пути пересекались, и описывал его как дельного парня.

«Дельный парень» уже сидел за столиком, когда я приехал. Ладно, подумал я, по крайней мере он сидит. Сейчас он был примерно на фут выше, чем я, когда стоял. Я спросил Пита, как я узнаю Гастингса, и он сказал: «Консервативно одет и слегка лысый». По-видимому, Пит посчитал, что эти черты сильнее бросаются в глаза, чем рост около шести футов девяти дюймов и вес под триста фунтов.

Когда я пришел, Гастингс уже смотрел на часы. Ленч был назначен ровно в полдень, и, бросив быстрый взгляд на свои часы, я обнаружил, что уже одна минута первого.

Я подошел к столику и представился, затем сказал:

– Разве я опоздал?

– Да, опоздали, – сказал он.

– Мы ведь договаривались на двенадцать, верно? – уточнил я.

– Верно. – Он слегка наклонил свою огромную голову.

Я решил не продолжать тему опоздания и осторожно позволил ему направлять разговор. Оказалось, что это не его стихия.

После пяти минут молчания и мучительного неудобства он сказал:

– Пит говорил, что вы просто шило в заднице.

Я улыбнулся.

– Меня называли и хуже.

– Не сомневаюсь, – сказал он.

Затем Гастингс сказал, что хоть я, по словам Пита, немного неотесанный тип, но нет такого чека за ленч, который я был бы не в состоянии оплатить. И он выбрал этот довольно дорогой ресторан, чтобы проверить, не приврал ли Пит.

Он как раз принялся за еду – хватило бы, чтобы накормить футбольную команду, – когда меня внезапно осенило.

– Слушайте, а не вы ли, случайно, Непробиваемый Гастингс?

Оказалось, что да, он и есть тот самый Непробиваемый Гастингс, который два года играл за «Денвер бронкос», а свое прозвище получил потому, что его защиту никому не удавалось пробить. Неожданная травма колена оборвала весьма многообещающую карьеру.

Трансформация была мгновенной. Из тихого и замкнутого парня он превратился в любезного и общительного. К счастью, его рот имел такие размеры, что одновременно вести беседу и поглощать изрядные количества пищи для него не представляло трудностей. Он поведал мне немало историй из дней своей молодости, когда он играл за Денвер, и был впечатлен моими знаниями неизвестных публике подробностей и самой кухни футбола. Я всегда знал, что все эти мои воскресные дни перед телевизором окажутся полезными.

За десертом я наконец объяснил, зачем пригласил его на этот ленч.

– Мне необходимо знать все, что только можно, об Алексе Дорси. Я представляю в суде человека, обвиняемого в его убийстве.

Он кивнул: Пит, как я и ожидал, сказал ему, о чем пойдет речь.

– И почему вы решили обратиться именно ко мне? – спросил он.

– Мне известно, что ФБР вело расследование, каким-то образом касавшееся Дорси, и оно было прервано, по крайней мере, временно, когда за Дорси взялся Отдел внутренних расследований полиции. Эти сведения открыты для доступа.

Я немного грешил против истины: участие ФБР в расследовании, касающемся Дорси, никогда не было подтверждено официально. Знал об этом Гастингс или нет, но его это, похоже, не беспокоило.

– Я не занимаюсь этим делом, – сказал он. – Так что все, что я могу для вас сделать, – это назвать человека, который им занимается.

– Ну, это уже что-то, – сказал я.

– Его зовут Дарен Хоббс. Человек номер два в восточном округе, а скоро будет и номером первым.

– Спасибо, – сказал я. – Не могли бы вы устроить мне встречу с ним?

Гастингс пожал плечами.

– Могу сказать ему, что вы хотите с ним поговорить. Однако настаивать не буду. Он занятой человек.

– Понимаю, – сказал я. – Кстати, вы сказали: «занимается».

– Что?

– Вы сказали, что он занимается этим делом. А я думал, что федеральное расследование, касавшееся Дорси, давным-давно завершено. Вы просто неверно употребили слово?

Он пристально посмотрел на меня через стол, и я порадовался, что никогда не был нападающим на линии.

– Я большой специалист по подбору слов. Даже больше, чем по поглощению пищи.

Это было серьезное утверждение, потому что, учитывая сумму чека, который мне принесли, сам Уинстон Черчилль подбирал слова хуже, чем Гастингс ел.

По дороге домой я размышлял о странном характере этого дела. Обычно я исходил из того, что мой клиент несправедливо обвинен в преступлении, а настоящий преступник на свободе. В данном случае это также было чистой правдой, но главное было в том, что арест Лори произошел не просто в результате ошибки полиции. Трюк, проделанный Стайнзом, не оставлял никаких сомнений, что ее собирались подставить с самого начала. Очень похоже, что человек, который направил следствие по ложному пути, и убийца – одно лицо.

Мы с Кевином с немалой пользой устраиваем при необходимости мозговой штурм, выкладывая друг другу все идеи, даже самые невероятные. У него острый ум, и хотя ему лично тоже безразличен исход этого дела, однако он куда более невозмутим, нежели я. Один из таких штурмов у нас был сегодня днем, не помешал даже треск машинки: Эдна печатала что-то с остервенением маньяка.

Кевин отметил, что мой инстинкт не подвел меня насчет Стайнза, когда я отказался вести его дело. Стайнз приходил ко мне не за тем, чтобы нанять адвоката; он приходил,

чтобы слить мне информацию. Он был уверен, что моя вера в его виновность заставит меня защищать Гарсию в суде.

– Таким образом, под ложное подозрение попали два человека, – сказал я. – Сначала Гарсия, а теперь Лори. Но Гарсия с самого начала рассматривался как временный обвиняемый; на него не собирались вешать преступление. Он был нужен только для того, чтобы в дело вступил я.

Кевин покачал головой:

– Не думаю. Он был нужен для того, чтобы в дело вступила Лори. А она работала на тебя, поэтому и пришлось начинать с тебя.

Логично.

– Откуда следует, что Гарсию выбрали не наугад. Он подходил, потому что у Лори давно был зуб на него. И теперь Дилан воспользуется этим и заявит, что она убила Дорси и свалила вину на Гарсию, то есть устранила сразу двух врагов.

– Наш противник – чертовски умный сукин сын, – кивнул Кевин.

– К счастью, на нашей стороне Эдна – динамо-машина.

Через некоторое время Кевин собрался уходить, и нам совместными усилиями удалось убедить Эдну уехать с ним. Она поклялась вернуться завтра рано утром, и я сказал, что включу сигнализацию.

Мы с Лори опять пообедали в молчании; каждый со своей стороны делал все возможное, чтобы не говорить о деле, хотя оба знали, что думаем только о нем. У нас до сих пор не было обстоятельного разговора адвоката с клиентом, и я спросил, как она отнесется к тому, если мы проведем его сегодня вечером. Она согласилась, и мы устроились на диване в гостиной, включив для фона тихую музыку и открыв бутылку вина. Не самая плохая атмосфера для разговора с клиентом.

Я начал с того, что сказал, как важно отложить в сторону наши личные взаимоотношения на время работы над делом; так мы сможем быть наиболее объективными и результативными. Она должна быть готова к тому, что я буду относиться к ней, как к любому другому клиенту.

– Значит, нам не стоит спать вместе, – кивнула Лори.

– Еще как стоит! – сказал я. – Я в обязательном порядке сплю с каждым своим клиентом.

Разобравшись с этим, мы перешли непосредственно к делу. Лори знала, что необходимо быть абсолютно честной в разговоре со своим защитником, но знать чисто теоретически и столкнуться с этим самому – две разные вещи, поэтому мне пришлось напомнить ей об этом.

Лори сказала, что она знает об исчезновении и убийстве Дорси не больше, чем я. Приняв это как факт, я постарался сосредоточиться на ее отношениях с Оскаром Гарсией.

Она заново пересказала мне историю несовершеннолетней дочери своей подруги, которая стала покупать наркотики у Гарсии, а потом сбежала из дома. Я все это уже слышал, однако не перебивал ее. Лучше дать клиенту выговориться и не перебивать его как можно дольше – таким образом получаешь больше информации. Странно было думать о Лори, как о клиенте, но я начинал к этому привыкать.

– На днях ты кое-что сказала мне, – напомнил я. – Что-то насчет того, что ты знала, чем Оскар занимался в последнее время.

– Я периодически следила за ним, – кивнула она.

– Что именно ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что когда у меня было время, я следила за ним в надежде, что он допустит ошибку. Что-нибудь, за что его можно будет привлечь.

– Ты больше не полицейский, Лори.

– Нет, но я знакома с несколькими полицейскими. – Она заметила, что я этим несколько обеспокоен. – Энди, этот парень – преступник. Я имею право следить за ним.

– Ты заставляла его на месте преступления? – спросил я.

- Ничего такого, что я могла бы доказать.
- А как насчет личных контактов. Ты общалась с ним?
- Нет.

У меня было ощущение, что она говорит не все, хотя и понимает, что это не имеет никакого смысла. В оставшуюся часть разговора в основном она пыталась получить от меня информацию, а не наоборот. Она хотела знать, как продвигается дело, и, хотя еще ничего никуда не продвинулось, я заставил себя говорить оптимистично. Моя задача была в том, чтобы быть честным, а не вгонять ее в депрессию. Пока что это было не так-то просто.

* * *

На следующее утро к семи часам я уже встал и успел принять душ, и тут явилась Эдна. Я увидел ее в окно; она принесла булочки и кофе рано собравшейся прессе и раздавала их. Видимо, в моих инструкциях о том, как надо общаться с прессой, не было нужды; чудо-женщина научилась этому сама.

В девять утра мне позвонила судебный пристав и сообщила, что большое жюри предъявило обвинительный акт против Лори. Дилан работал быстро. Также она сообщила мне, что назначен судья, который будет вести дело, и в течение часа он ждет меня на встречу в своем кабинете. Я начал было протестовать против такой поспешности, когда она сказала, что судьей по этому делу будет Уолтер Хендерсон по прозвищу Топор.

Я перестал спорить. Топор мог точно так же дать мне десять минут на то, чтобы приехать на встречу, и выразить свое презрение, если я опоздаю. Это был деспотичный, отвратительный и легендарно трудный для всех юристов судья, хотя, уверен, Дилан боялся его не меньше, чем я. Топор вел дело Миллера, и я был доволен – читай: ошеломлен – компетентностью и честностью, которые он продемонстрировал, ведя это дело.

Когда я уезжал, Лори повторила свое требование, чтобы слушания назначили как можно скорее. Довольно распространенное желание для обвиняемых, особенно тех, кто обвинен ложно. Это так мучительно, так страшно и унижительно, что потребность покончить со всем как можно быстрее становится всепобеждающей.

Когда я явился в офис Топора, Дилан уже был там и вылизывал судье зад, восхищаясь тем, как здорово тот похудел благодаря новой диете. Юристы инстинктивно стараются вылизать Топору зад, и хотя он действительно усох в результате диеты, лезть не помогала. Топор не уважал юристов, готовых лизать ему зад. А еще он не уважал юристов обвинения, юристов защиты, выдающихся юристов, посредственных юристов и вообще юристов как таковых.

- Доброе утро, судья, – сказал я.
- Давайте обойдемся без светских разговоров, джентльмены. Нам предстоит вести дело.
- О, – сказал я, – а я-то испугался, что мы снова меняем адвоката на переправе.
- Нет, – ответил Дилан, – мы собираемся просто устранить одного конкретного адвоката на длительный срок.

Я рассмеялся.

– Дилан, я тебе сейчас рыло начищу.

Топор отругал нас обоих за непрофессиональное отношение к работе. Затем он достал календарь и официально открыл обсуждение даты начала суда.

- Я предлагаю четырнадцатое июля, ваша честь, – сказал Дилан.
- Ваша честь, для защиты это неприемлемо. Мы призываем удовлетворить наше право на скорое правосудие. Просим назначить суд на середину мая.

Для Дилана это был сюрприз, поскольку спешка никоим образом не могла быть мне выгодна; общеизвестно, что время всегда на стороне защиты. И еще: в деле Оскара меня устраивало 14 июля. Однако у Дилана не было выбора: мы использовали свое конституционное право.

Дилан считал, что разработка версии обвинения займет две недели, а я выразил сомнение в том, что нам вообще придется строить защиту, но если потребуется, недели хватит.

Топор сосредоточенно посмотрел в календарь, затем уставился на нас.

– Двадцать восьмого июля я ухожу в отпуск.

– И я надеюсь, ваша честь прекрасно его проведет, – кивнул я.

Дилан еще раз вернулся к вопросу о залоге, как я и ожидал. Я очень опасался, что Топор аннулирует залог и посадит Лори в тюрьму.

– Я бы не принял такое решение, как судья Тиммерман, – сказал Топор. – Это решение заставляет меня чувствовать себя неудобно.

– Потому что это неверное решение, – согласился Дилан. – И почти беспрецедентное в стране.

Спорить с Топором я не мог; все, что можно было тут сделать, – это предложить на его рассмотрение другую точку зрения.

– Я не собираюсь оправдывать решение судьи Тиммерман, хотя это определенно решение, которое меня устраивает. Однако необходимо учесть новые обстоятельства дела.

Он уставился на меня сквозь очки.

– А есть новые обстоятельства?

– Ее приказ выполняется, и никаких негативных последствий нет. Мисс Коллинз находится под домашним арестом, электронным наблюдением и охраной полиции. Общество в безопасности и будет оставаться в безопасности, и нет никакого риска побега. При всем моем уважении, сэр, отмена приказа судьи Тиммерман не принесет пользы никому, а только помешает мисс Коллинз содействовать своей собственной защите.

Дилан попытался поспорить, но Топор не слушал. Он обдумывал вопрос. У меня так стучало сердце, что я боялся оглушить Топора.

Наконец через две минуты, показавшиеся мне двумя месяцами, он кивнул.

– Если обстоятельства не изменятся, я склоняюсь к тому, чтобы приказ судьи Тиммерман продолжал исполняться. – Затем он повернулся ко мне. – Проследите, чтобы обстоятельства не изменились.

Топор отпустил нас, и, уходя, я не преминул адресовать Дилану снисходительную улыбку. Сейчас я был в выигрыше, хоть это и не продлится долго, и я хотел, чтобы Дилан знал: я наслаждаюсь этим.

Кевин, как договаривались, ждал меня на середине лестницы перед зданием суда. Он проводил меня в небольшое кафе, куда должен был прийти Маркус Кларк. Я просил Лори и Кевина составить каждого свой список детективов, которые могли бы присоединиться к нам в этом деле, и только имя Кларка наличествовало в обоих списках.

Пока мы ждали опаздывавшего Маркуса, Кевин рассказал, что в самом начале карьеры этого детектива представлял его интересы. Вскоре после того, как Маркус стал детективом, Кевин представлял его интересы: он разбил нос какому-то парню в потасовке в баре. Кевин выиграл дело, доказав, что обвиняемый не превысил пределов самообороны, и считал это дело одной из своих лучших побед. Он сказал, что я пойму почему, когда увижу Маркуса.

Минуту спустя Маркус подошел, и я действительно оценил виртуозность Кевина. Какая там самозащита! Трудно вообразить себе того ненормального, который решился бы напасть на этого тридцатилетнего афроамериканца атлетического сложения, ростом около пяти футов десяти дюймов и с абсолютно лысой головой, сверкающей не хуже посадочного огня на аэродроме.

При всем том у него была столь свирепая физиономия, что Майк Тайсон, пребывая в ярости, рядом с Маркусом выглядел бы как ласковый котенок.

Маркус пару раз кивнул, когда Кевин представлял нас; прошло несколько минут, затем он изрек:

– Ржаной тост.

– Да, сэр, – поспешила ответить официантка.

Могу предположить, что если бы в кафе вдруг не оказалось ржаного тоста, она вышла бы в поле, смолотила рожь, смолола муку и собственноручно испекла бы хлеб для тоста.

Я в общих чертах изложил Маркусу ситуацию, в которой оказалась Лори, и, когда я закончил, он сказал просто:

– Она хороший человек.

– Да, она очень хороший человек, – энергично закивал я в знак согласия.

– Я возьмусь за эту работу, – добавил он, раньше чем я успел это предложить. – Сотня в час плюс расходы.

– Отлично, – сказал я. – Но раз уж мы в одной команде, расскажите мне, как вы работаете.

Кажется, он не понял, что я имею в виду.

– Мой стиль? – спросил он.

– Именно, ваш стиль.

Маркус повернулся к Кевину.

– Он серьезно?

Кевин, который за всю встречу не сказал и двух слов, удивился, что к нему обратились на этот счет. Нам с Маркусом пришлось ждать, пока Кевин прожует полтора фунта гамбургера. Мне иногда кажется, что Кевин запасает еду за щеками, как хомяк, на случай, если вдруг проголодается.

– Думаю, да, – сказал Кевин, пожав плечами, – ошеломляющее утверждение, несомненно, достойное нашего ожидания.

Маркус тоже пожал плечами и вновь повернулся ко мне.

– Мой стиль прост: вы говорите мне, что вы хотите знать, а я это выясняю.

– Как?

Его взгляд стал чуть более угрожающим, и я счел за благо смягчить вопрос.

– Ну, я имею в виду – в общих чертах.

– Я задаю людям вопросы, – сказал он. – А люди на них отвечают. Со мной очень легко говорить.

Исчерпывающий ответ. Лично я предпочел бы подвергнуться допросу эсэс, нежели поговорить с Маркусом. Мне хотелось бы кое-что оговорить, но Кевин и Лори настоятельно рекомендовали его. Что ж, он в этих вещах разбирается не хуже меня, а она так даже лучше.

Мы с Кевином горячо поблагодарили Маркуса и, попрощавшись с ним, отправились ко мне домой. Навстречу нам из подъезда выскочила Эдна.

– Ты заметил, что Эдна в последние дни летает, как реактивная? – спросил я.

Но ответить он не успел: Эдна уже была у машины.

– Заходите, быстрее.

Она была встревожена.

– Что стряслось? – спросил я, едва поспевая за ней.

– Это вам Лори должна сказать.

Мы с Кевином перешли на бег и, открыв дверь, немедленно наткнулись на Лори. Она вцепилась в свой мобильный телефон и выглядела потрясенной.

– Мне только что позвонили, – сказала она нервно.

– Кто?

– Алекс Дорси.

Я взял себя в руки, и мы с Кевином отвели Лори в гостиную. Я инстинктивно чувствовал, что телефонный звонок обезглавленной жертвы убийства надо обсудить сдержанно и исключительно в рамках логики.

Лори объяснила, что она сняла трубку и сразу же узнала голос Дорси. Он сказал: «Здравствуй, Лори, это Алекс».

Она остолбенела настолько, что не смогла вымолвить ни слова в ответ, а Дорси продолжал: дескать, настал час возмездия за все, что она делала против него.

– Ты можешь точно вспомнить его слова? – спросил я.

Она покачала головой.

– Нет, точных формулировок я не помню – была слишком потрясена его звонком. Но они не слишком отличались от того, что вы слышали.

– И что ты ответила?

– Что у него ничего не получится, что кто-нибудь обязательно найдет его, и ему лучше бы сдаться добровольно.

– И что он сказал?

– «Ну, до встречи, новобранец» – вот все, что он сказал. И повесил трубку.

– Но ты уверена, что это был он? – спросил я.

Она кивнула.

– Абсолютно. Это был его голос. И он, как всегда, назвал меня «новобранец», потому что знал, как меня это раздражает. Энди, я ничего не понимаю. Они же сказали, что провели тест на ДНК. Кровь, без сомнения, принадлежала Дорси.

Следующий час мы провели, стараясь со всех сторон проанализировать, как мы должны к этому относиться. Свидетельство Лори в суде не будет иметь никакого практического значения. Заявление обвиняемой, никем не подтвержденное, будет воспринято как попытка оправдаться, причем попытка дурного толка. Незачем вообще заикаться об этом звонке; защита не должна обеспечивать обвинение какой бы то ни было информацией.

Однако донести этот факт до сведения властей было определено в наших интересах. Этот звонок ставит вопросы, которые должны быть всесторонне изучены. Например, нельзя ли отследить звонок? Возможно ли, чтобы результаты теста на ДНК были подтасованы? Чье тело было в действительности сожжено на складе? Где находится Дорси и как убедить полицию попытаться найти человека, которого они считают мертвым?

Кевин полагал, что мы должны немедленно позвонить Дилану, а также проинформировать судью о ходе расследования. Я был против: Дилан поднимет наше заявление на смех и никак не прореагирует на него. Для меня вопрос состоял в том, должны ли мы сделать этот звонок достоянием полиции или прессы. Если вдуматься, лейтенант Сабонис не давал мне повода для недоверия, так что я решил начать с полиции. Пресса пусть будет запасным вариантом, если Сабонис никак не прореагирует.

Самое важное из того, что мы узнали, – это то, что Дорси жив. А поскольку нам известно, что кто-то сфабриковал против Лори обвинение в убийстве Дорси, то теперь ясно, что это сделал сам Дорси. Надо полагать, он же послал Стайнза.

Однако этот звонок при всей его низости показывал чудовищную самоуверенность Дорси, а также глубину его ненависти к Лори. Разрушить ее жизнь ему было недостаточно, чтобы торжествовать; он хотел, чтобы она знала, что это именно он своими руками разрушил ее. Я позвонил Сабонису и попросил его встретиться со мной как можно скорее, дабы обсудить новую информацию по делу. Он был удивлен и немного смущен этой просьбой; по правилам, мне надлежало обращаться через Дилана.

– Эта информация слишком важна, чтобы положить ее под сукно, – сказал я. – Разумеется, вы можете обсуждать ее с кем угодно, когда получите, но мне важно, чтобы вы узнали все из первых рук.

Сабонис согласился, и я попросил его приехать к нам, поскольку Лори могла бы сразу же ответить на вопросы, которые могут у него возникнуть. Он обещал быть через двадцать минут.

Я стал готовить Лори, чтобы она правильно отвечала на его вопросы. Лори приходилось участвовать в допросах, но не в качестве обвиняемой, и я объяснил ей, что перед ответом на любой вопрос надо сделать паузу, дабы я успел вмешаться, если будет необходимо. Позволять клиенту отвечать на вопросы полиции неудобно для любого адвоката, однако в данном случае это было необходимо нам.

Сабонис приехал на пять минут раньше, чем обещал. Я поблагодарил его за приезд и проводил в гостиную, где Лори рассказала подробности злосчастного звонка. Он выслушал

все молча и с уважением, не произнеся ни слова, пока она не закончила.

– Я так понимаю, записать звонок на диктофон вы не успели? – спросил он.

– Нет, он звонил мне на мобильный, – покачала она головой.

– Кто знал ваш номер?

– Многие, в основном мои друзья. Но звонки на мой домашний номер записываются на автоответчик.

– Когда вы служили в полиции, у вас был тот же номер мобильного? Он может содержаться в вашем досье?

– Думаю, да, – кивнула она.

– Что вы думаете об этом, Ник? – спросил я.

Он помолчал с минуту, затем сказал:

– Я думаю, вы были правы, что не стали говорить это Дилану; он мог выставить вас из своего кабинета и рассмеяться вам в лицо. Я и сам отреагировал бы точно так же, будь на месте Лори другой подозреваемый.

– Итак, – спросил я, – вы отнесетесь к этому, как к достоверной информации и будете держать меня в курсе относительно того, что узнаете?

– Я отнесусь к этому как к информации, требующей проверки. Достоверна она или нет – это еще предстоит выяснить. Что же касается того, держать ли вас в курсе, то за это отвечает Дилан.

– Он нас на порог не пустит, – сказал я. – Мне придется идти к судье.

– Это не мои проблемы.

У меня было чувство, что он был бы рад, если бы я это сделал, – заодно решил бы часть его проблем от общения с Диланом.

Сабонис решил воспользоваться случаем и задать Лори несколько вопросов, относящихся к делу, но поскольку они не касались телефонного звонка, я не позволил ей отвечать. Он уехал, а Кевин отправился вносить поправки в материалы, собранные на Дорси Отделом внутренних расследований, дабы прибавить к ним нашу последнюю новость и скорректировать стратегию расследования.

Я собирался подумать над тем, какую работу поручить Маркусу, но теперь проблема решилась сама собой. Я позвонил ему и попросил направить усилия на выяснение всего, что только возможно, об Алексе Дорси.

– Я хочу, чтобы вы нашли его голову и выяснили, крепится ли к ней тело, – сказал я.

Он хрюкнул, но я думаю, это было согласное хрюканье. На том мы и попрощались.

Лори была в напряжении, но не от страха. Бездействие и чувство ненужности ее угнетали. И сейчас, когда стало известно, что Дорси жив и лично руководит этой пыткой, ее переполняло желание выйти из дома и самой взяться за поиски. Мне приходилось тратить все больше и больше времени, чтобы либо успокоить ее, либо уменьшить ее страхи.

Приятным сюрпризом был звонок от агента ФБР Синди Сподек. Она сообщила, что Хоббса я могу застать в его офисе в Манхэттене сегодня днем. Непробиваемый Гастингс сдержал слово и устроил мне эту встречу. Я боялся, что ждать придется несколько недель, и грех не воспользоваться удачей.

Движение в городе было не очень большим, и я приехал за полчаса до встречи, назначенной на 14.30. Я решил не ждать и зашел. Агент Сподек оказалась высокой привлекательной брюнеткой не старше тридцати пяти. Она довольно твердо сообщила мне, что у специального агента Хоббса сейчас встреча, и мы можем подождать в малом конференц-зале рядом с его кабинетом.

Оглядевшись, я пришел к выводу, что посетителей приводят сюда, чтобы потрясти их воображение: комната, в которой мы оказались, была алтарем специального агента Хоббса. Гастингс предупреждал меня, что Хоббс – своего рода звезда ФБР, и обстановка лишний раз подтверждала его слова. Похвальные грамоты, знаки отличия и вырезки из газет, в которых описывались героические деяния Хоббса, покрывали все стены. А там, где не было грамот, располагались памятные знаки, посвященные подвигам Хоббса во Вьетнаме. Глядя на все

эти свидетельства героических триумфов, можно было только удивляться, почему мы не выиграли ту войну.

– Потрясающая скромность, – сказал я.

– Он заслужил все это, – ответила агент Сподек.

Я решил повысить свой статус, чтобы не выглядеть никчемным в глазах красотки.

– Кстати, лично я спас золотистого ретривера от смерти в приюте для животных.

– Как это мило с вашей стороны, – сказала она без выражения, оставив меня в недоумении, что я не так сказал.

Может, тема требовала присутствия Тары рядом со мной, или, скажем, это работает только на открытом воздухе? Тут было над чем поразмыслить, но я просто кивнул и принялся оглядывать комнату.

Когда я держал в руках одну из вьетнамских фотографий, дверь открылась, и вошел Хоббс. Ему было лет пятьдесят, не слишком массивный, но энергичный и в хорошей форме – он был из тех людей, которые могут доминировать в любой компании. Хоббс увидел фотографию в моих руках.

– Это были опасные, но захватывающие времена, – сказал он. – Где вы служили тогда?

Я был на добрых пятнадцать лет младше, чем самые молодые из служивших во Вьетнаме, но упоминать об этом не стал.

– Нет, я не служил тогда, – сказал я, щелкнув пальцами, что должно было означать мое сожаление по поводу этого факта. – Мне не повезло.

– Это было не так уж весело, можете мне поверить.

Фраза была достаточно банальна и не произвела на меня впечатления в отличие от рукопожатия. Помните, как Супермен сжал кусок угля и тот под давлением превратился в алмаз?

– Дарен Хоббс, – улыбнулся он. – Приятно познакомиться.

Не дожидаясь, пока к руке вернется чувствительность, я ответил:

– Энди Карпентер. Спасибо, что согласились встретиться со мной так скоро.

– Никаких проблем. – Он посмотрел на часы. – Хотя у меня и не прорва времени. Гастингс сказал, что это важно.

– Это действительно важно. Я представляю в суде женщину, обвиненную в убийстве Алекса Дорси.

Хоббс посмотрел через мою голову на агента Сподек, словно вдруг впервые обнаружил, что она здесь находится.

– Мы разберемся, Сподек, – сказал он, отпуская ее.

Когда агент Сподек скрылась за дверью, Хоббс продолжил разговор так, словно ее здесь никогда и не было.

– Дорси всегда был кандидатом на убийство.

Я кивнул.

– Но моя клиентка не совершала этого убийства. – Я решил не делиться с ним тем фактом, что Дорси все еще жив и звонит по телефону. Это не имело никакого отношения к тому, что я собирался выяснить.

Он улыбнулся.

– Еще один невиновный клиент... Так чего же вы хотите от меня?

– Вы ведь занимались делами, касавшимися в том числе и Дорси, пару лет назад, когда Отделу внутренних расследований почти удалось прищучить его. Я знаю, что вы или по крайней мере ФБР тогда вмешались.

– Вам это известно? – Он улыбнулся, по-видимому, удивляясь.

– А вы утверждаете, что дело было не так?

Он, кажется, это и собирался сказать, но потом почему-то решил уступить.

– Да нет, черт возьми, именно так и было. Надеюсь, это останется между нами.

– Объектом вашего внимания был Дорси?

– Да что вы. Мы ловили рыбку покрупнее.

– И кто это был?

– Кто это был – не ваше дело. Следующий вопрос?

– Ваше расследование все еще продолжается?

Он грустно улыбнулся.

– Нет, а жаль. Эта кутерьма с Дорси погубила все дело – слишком многое было предано огласке.

Непробиваемый Гастингс обмолвился, что следствие все еще продолжалось, однако Хоббс отрицал этот факт. Возможно ли, что Хоббс не доверяет Энди Карпентеру, адвокату?

Я продолжал задавать вопросы, а он продолжал улыбаться и отвечать, нагружая меня совершенно бесполезной информацией. У него могло быть то, что мне нужно, но я уже понял, что ничего не дожусь от него. А может, действительно у него ничего не было.

Я ушел примерно через полчаса – Хоббс пожелал мне удачи и предложил обращаться, если мне когда-либо понадобится его помощь. Если мне еще когда-нибудь понадобится съездить на абсолютно бесполезную встречу и потратить впустую немного времени, я непременно позвоню ему.

Вернувшись домой, я узнал от Кевина, что Дилан передал некоторую информацию из досье Дорси, правда, не касающуюся ни тех улик, что собрала на него Лори, ни материалов Отдела внутренних расследований.

Но сначала мы отдали должное обеду, который приготовила Лори. Чтобы не томиться от вынужденного безделья, она с головой окунулась в кулинарию. Сегодня был салат с крабовым мясом, потом *фусилли аматрициана*, на десерт она испекла шоколадно-ореховые пирожные. Это было так вкусно, что я не отставал от Кевина. Если мы не покончим как можно быстрее с домашним арестом Лори, она нас раскормит до безобразия.

После обеда мы с Кевином перекатились в гостиную и приступили к изучению материалов из досье Дорси. В основном это была биография, изложенная в хронологическом порядке, и, надо заметить, биография весьма положительная. Дорси вырос в Огайо и получил степень бакалавра истории в Университете Огайо. Затем вступил добровольцем в армию и довольно долго прослужил во Вьетнаме. (Вероятно, повидал немало боев и заслужил несколько наград.) Вернувшись домой, Дорси переехал в Паттерсон, где записался в полицейскую академию. Его восхождение по служебной лестнице проходило быстро и не было отмечено никакими яркими событиями.

В досье не попал ряд мелких деталей биографии Дорси – так, пустячки вроде его связи с организованной преступностью, интерес к нему со стороны Отдела внутренних расследований, повлекший служебный выговор. Ни слова не было сказано о его исчезновении и реальной или сфальсифицированной смерти. Кевин должен будет завтра запросить доступ к этой информации, от которой во многом зависят наши шансы на победу.

Зазвонил телефон, и Лори сняла трубку. Я слышал ее реплики типа «Как твои дела?» и «Со мной все в порядке». Примерно через полминуты такого разговора Лори отняла трубку от уха и сказала: «Это Николь». Мы с Николь развелись несколько месяцев назад и после развода не общались.

Судьба способна на удивительные штуки. Моя бывшая жена, чей отец благодаря мне был обвинен в множественном убийстве, общается с моей нынешней возлюбленной, которой предъявлено обвинение в убийстве путем обезглавливания.

– Здравствуй, Николь, – начал я самым светским тоном.

– Здравствуй, Энди. Как дела?

Этот изысканный разговор продолжался около минуты, и ей пришлось перейти к цели звонка. Наконец Николь сообщила, что ей надо поговорить со мной лично, и она надеется, что завтра утром я смогу подъехать.

Я не хотел встречаться с ней, у меня не было ни времени, ни желания, да и смысла никакого в этом не было. Ни за что, твердо решил я. Завтра в десять утра, сказал я. Позавтракаем где-нибудь поблизости от ее дома, расставил я все точки над «i».

По виду Николь не скажешь, каково ей было в последний год. Тяжелое ранение – в нее попала пуля, предназначенная мне. Ее отец, сенатор Соединенных Штатов, был обвинен в множественном убийстве. Наконец, она прошла через процедуру развода. И это при том, что ранее с ней не случилось ничего неприятнее случая, когда ей не достались билеты в первый класс на самолет в Париж.

Выглядела она роскошно, прекрасный загар – может, ее отец отбывал наказание в государственной тюрьме Оаху и она постоянно там бывала.

Николь слегка приобняла меня, приветствуя, и мы направились к нашему столику. Слава Богу, она, кажется, поняла, что весь лимит незначущей болтовни мы исчерпали вчера вечером, потому что сразу перешла к делу.

– У отца обнаружили рак, – сказала она.

– Мне очень жаль, – ответил я.

Она кивнула.

– Спасибо, но вот он чуть ли не рад. Думаю, он предпочел бы тяжелый сердечный приступ – это быстрее.

Сидеть в тюрьме для Филиппа такой позор, что он предпочел бы смерть, вот что сообщила Николь. За рамками разговора остался тот факт, что в тюрьме он оказался благодаря мне. Так что сохранить после развода дружеские отношения мы и не пытались.

Николь спрашивала меня об иске Уилли Миллера против Виктора Маркхэма и ее отца. После смерти отца половина суммы, которую выиграет Уилли, будет выплачена из ее наследства. Какой бы эта сумма ни оказалась.

– Я просто в панике, Энди. Боюсь потерять все.

– Николь, – сказал я, – давай не будем трогать эту тему.

Так уж все сложилось в этом деле, что обсуждать что-либо с Николь было бы и неэтично и бессмысленно, – адвокат не может учитывать интересы бывшей жены в ущерб своему клиенту.

– Я и так уже много потеряла.

Филипп богат, и очень богат – настолько, что даже самый щедрый вердикт присяжных по делу Уилли, какой только можно себе представить, оставит ей не менее двухсот миллионов долларов. Я не стал напоминать ей об этом, Николь прекрасно разбиралась в делах. Но паника была сильнее рассудка.

Ее мольба поставила меня перед необычной этической дилеммой. Речь не шла о том, чтобы отстаивать интересы Уилли с меньшим упорством. Но после нашего разговора у меня появилось тактическое преимущество. Знать, что противник так напуган, – значит знать, сколько из него можно выжать. Могу ли я забыть об этом? Должен ли отказаться от использования этого преимущества в суде?

– Николь, ты затрудняешь наши переговоры.

– Переговоры? – обиделась она. – Вот как ты на это смотришь. После стольких лет, Энди, мы всего лишь ведем переговоры?

– Николь, обратись ко мне через своего адвоката. И мой тебе совет, скажи ему то, что сказала мне. Он должен располагать этой информацией.

Она отрицательно покачала головой.

– Энди...

Но я перебил ее:

– Мне очень жаль, но разговор окончен. Одному из нас пора уходить. Ты предпочтешь, чтобы ушел я или ты?

Она больше не произнесла ни слова, просто поднялась и вышла. Я подождал пять минут, а затем последовал ее примеру.

То, что мой клиент пребывает в моем доме, упрощало многие проблемы, я все больше убеждался в этом. Обычно по дороге домой стараешься выбросить работу из головы и

переключиться на домашние дела. Тут же такой конфликт рабочих и домашних интересов не возникал – Лори и была моей личной жизнью.

По дороге домой у меня была возможность сосредоточиться на деле. Вообще мой логический подход (а я отношусь к каждому делу как к соревнованию по разгадыванию головоломок, с выстраиванием стратегии, и в первую очередь с поиском внутренней логики) соответствует этому случаю лучше, чем какому-либо другому. Я всегда рассматриваю каждую деталь, каждый кусочек мозаики, как будто она создана в соответствии с планом (в данном случае и впрямь имелся тщательно продуманный план). В моем представлении не может быть места для совпадения или случайности. Каждый факт, вне зависимости от того, насколько косвенным и незначительным он кажется на первый взгляд, должен быть уложен в общую мозаику дела и всесторонне изучен. Разумеется, после анализа многое на самом деле оказывается случайностью и (или) незначительной информацией, которой можно было пренебречь, но это в любом случае помогает мне как следует обмозговать дело.

Например, первым подозреваемым, которого нашла полиция, был Гарсия. Я согласен с Кевином, это была просто пешка, которую пустили в ход, чтобы Лори выглядела виновной, а чтобы впутать меня в его защиту и Лори – в расследование, был послан Стайнз. Но чтобы это сработало, должны были быть улики и против Гарсии. Если бы у него было надежное алиби, скажем, вечеринка или ресторан с кучей друзей в предположительное время смерти Дорси, ему бы не предъявили это обвинение, а я бы не вызвался его защищать. Дорси должен был точно знать, где будет Гарсия: нельзя было полагаться на волю случая.

Поскольку во время убийства Гарсия расплачивался с людьми Петроне, мне следовало предположить, что Петроне или его приспешники тоже участники заговора. Гарсия сказал, что обычно к нему приезжали и он расплачивался на месте, но в тот вечер он был вызван к ним. Я уверен, не всплыви эта запись из супермаркета, нашелся бы еще какой-нибудь факт, снимающий подозрения с Гарсии, чтобы не осталось других подозреваемых, кроме Лори.

Из этого следует логический вывод, что Дорси и Петроне – или люди, работающие на Петроне, – действовали вместе. Но зачем? Какую выгоду преследовал Дорси – очевидно. Ему удалось благополучно скрыться и в то же время отомстить Лори. Но что с этого имел Петроне? Были ли у него причины ненавидеть Лори? Какова могла быть его выгода от успешного исчезновения Дорси?

Каждое дело – это ряд вопросов и ответов. В начале дела вопросов гораздо больше, а ответы попадают очень редко. Но по мере того, как дело движется, ответы находят, а вопросов становится все меньше. В конце концов, я сложу все кусочки мозаики и выиграю игру. И главным призом мне будет то, что Лори не придется провести остаток жизни в тюрьме.

Доехав до дома, я обнаружил, что контингент расквартированной возле него прессы существенно расширился. Появились как минимум еще две машины телеаппаратуры, и они мешали мне въехать на мое место парковки. Я продолжал попытки, пока они не отогнали машины. Если бы я сдался и оставил машину на улице, мое место захватили бы до конца судебного разбирательства.

Стоило мне выйти из машины, как репортеры налетели, словно рой пчел, и принялись хором спрашивать: правда ли, что Лори утверждает, будто Дорси на самом деле жив и звонил ей на мобильный телефон? Я отказался что-либо комментировать и с некоторым трудом пробился сквозь эту орду к дому.

В гостиной Лори, Кевин и Эдна смотрели телевизор. Немногие дневные выпуски новостей упражнялись в островах по поводу заявления Лори о том, что она говорила с Дорси. Несмотря на всю серьезность ситуации, насмешки уже начались. Заметив, что результаты теста на ДНК подтвердили, что обугленное и обезглавленное тело принадлежало Дорси, один паяц-телеведущий изобразил обиду и сказал: «А я думал, что мы единственные „говорящие головы“ в штате».

Лори была в ярости из-за того, что ее выставляли посмешищем. В самом деле, в результате утечки информации – подозреваю, что это работа Дилана, – Лори выглядела в

глазах общественности так: а) ненормальной; б) виновной; в) смешной и г) все это одновременно. А поскольку общественность – это те самые люди, из которых набирают присяжных, такое положение вряд ли можно было назвать удачным.

Я мог пойти к Топору и подать жалобу, при его неприязни к журналистам он может проявить сочувствие к нашему положению. Однако стереть из памяти общественности то, что люди уже узнали, не под силу даже Топору, все, что он мог, – это запретить впредь публичное обсуждение нашего дела. Но я до сих пор считал, что битва массмедиа сулит нам больше пользы, чем вреда.

Так что, не уповав на помощь судьи, я взялся за дело сам и провел пресс-конференцию на ступенях своего дома. Да, Лори заявила, что Дорси жив. Мы не пытались извлечь из этого какую-либо выгоду, просто обратились в полицию и попросили провести необходимое расследование. Но полиция предпочла не делать свою работу, а растрезвонить все прессе.

– Окружная прокуратура ищет своей выгоды, а не правды, – резюмировал я.

Закончив свое импровизированное выступление, я предложил задавать вопросы. Первый вопрос задала мне журналистка из «Ньюарк старледжер»:

– Если предположить, что вашей клиентке действительно позвонили...

– Ей позвонили, – перебил я. – Она, да будет вам известно, правдивый и честный человек. Вам также должно быть уже известно, что для нас не было и нет никакой выгоды в обнародовании этой информации. Никакого шанса, что полиция или обвинение поверят в это при отсутствии других независимых доказательств. Мы ждали, что они проведут расследование, дабы найти эти доказательства, а не устроят фарс в прессе только для того, чтобы моя клиентка выглядела душой.

Я ответил примерно на пять вопросов, и в каждом моем ответе непременно содержались завуалированные нападки на обвинение. Я надеялся, что вечерние новости смягчат удар по нашей позиции, и, сделав все возможное в этом направлении, вернулся в дом.

Пару часов спустя мы собрались перед телевизором и обнаружили, что мое сегодняшнее выступление у парадного подъезда немного запоздало. На Лори продолжали нападать и подсмеиваться над ней, и хотя в новостях фигурировали мои протесты, всерьез их никто не воспринимал.

Теперь мы с Лори ложились спать довольно рано. Вероятно, ей казалось, что в ее положении спать гораздо менее обидно и менее болезненно, чем бодрствовать. Когда мы бодрствовали, нам не хотелось говорить только о деле, но, кроме него, не было абсолютно ничего, на чем удалось бы сосредоточиться. Поэтому мы ложились в постель, а потом, не в силах заснуть, я вставал в полночь или немного позже и принимался выстраивать стратегию и просчитывать свои следующие шаги.

Сегодня все было немного иначе. Сегодня мы занимались любовью впервые с тех пор, как начался весь этот кошмар. Идея принадлежала Лори, и это была самая безумная и страстная ночь из всех, какие я когда-либо проводил с женщиной. Это было отчаянно и безудержно, как на палубе «Титаника». Восхитительно. А после я впервые за последнее время уснул крепким сном и проспал всю ночь.

* * *

Главное, чем я занимался, работая над каждым делом, – задавал вопросы. Я спрашивал всех и обо всем. Вопросы (прямые, наводящие, уточняющие или даже риторические) были нацелены на обнаружение новых фактов, которые можно будет использовать в суде. Я собирал все эти ответы, всю информацию, какую только мог, а затем просеивал через сито своей логики. Иногда это помогало мне вычислить правду, иногда, что тоже полезно, вызывало новые вопросы.

Но сейчас ситуация была хуже некуда – я даже не мог добраться до тех, кому надо было задавать вопросы. Мне не попасть к Петроне, не найти Стайнза, а что касается ФБР, то

агент Хоббс улыбается мне и не говорит ничего.

Раз крупная рыба не ловится, я решил заняться мелкой рыбешкой – поехать в квартал, где живет Оскар Гарсия, и порасспрашивать людей, которые утверждали, что Лори бывала в тех местах. Разумеется, я не собирался ставить эти факты под сомнение – Лори признавала, что действительно бывала там, следя за Гарсией. Просто мне нужны были детали – вдруг всплывут какие-то полезные для нас подробности.

Ранним утром телефонный звонок изменил мои планы. Звонила женщина.

– Мистер Карпентер, – сказала она, – понимаю, что вы заняты, но я видела вас по телевизору вчера вечером, и мне хотелось бы поговорить с вами о моем муже.

– А кто ваш муж? – спросил я.

– Алекс Дорси.

Она дала мне адрес и объяснила, как проехать к ее дому, обмолвившись, что живет там всего около месяца и не уверена, что объяснила все правильно. Ее объяснения были абсолютно точными, и я доехал за пятнадцать минут. Мог бы и быстрее, но Кевин так припарковал свою машину, что мне пришлось сперва отгонять ее, чтобы выехать самому. Мне было неясно, чего хочет жена Дорси, но совершенно не хотелось, чтобы пресса или Дилан узнали об этом звонке.

Селия Дорси жила в небольшом квартале садовых домиков. Она смотрела из окна, когда я выходил из машины, и открыла мне дверь, прежде чем я успел позвонить.

– Спасибо, что приехали, мистер Карпентер. Проходите, пожалуйста.

Я вошел в домик, состоявший всего из одной комнаты, чуть больше телефонной будки. Каждый квадратный дюйм полезного пространства был забит мебелью, фотографиями и безделушками. Хотя, по ее словам, она очутилась здесь совсем недавно, жилище выглядело обжитым, давно освоенным.

Хозяйка оказалась маленькой, тихой и замкнутой женщиной. Я никогда не был близко знаком с Алексом Дорси, но вообразить его рядом с ней не мог. Он был энергичным и заполнял собой все пространство. Если их сложить и поделить пополам, то, наверное, получится нормальный человек. Так что по зрелом размышлении я пришел к выводу, что они должны были неплохо уживаться.

Она предложила мне кофе, и я почувствовал, что отказ ее огорчит.

– Вы, конечно, недоумеваете, зачем я просила вас приехать, – сказала она, когда мы, наконец, расположились на диване с чашками кофе на блюдцах.

– Вы сказали, что хотите поговорить о вашем муже.

Она невесело засмеялась.

– Я даже не уверена, что он все еще мой муж.

– Что вы имеете в виду?

– Я подала на развод около трех месяцев назад. Окончательные документы пришли как раз вчера, но я не знаю, можно ли развестись с мертвым супругом. Разумеется, теперь факт его смерти находится под сомнением, но это еще больше усложняет ситуацию.

Она заплакала тихонько, словно боялась смутить меня, и дала выход своим чувствам. Я просто подождал немного, пока она успокоится. Ждать пришлось всего несколько секунд, затем она продолжила:

– Я знаю, что полиция не верит вашей клиентке, но я верю. Мой муж жив.

– Почему вы так считаете? – спросил я.

– Ну, во-первых, я просто не могу вообразить его мертвым. – Она улыбнулась. – Но вы, вероятно, надеетесь услышать нечто более существенное.

– Это так.

– Я слышала, как он говорил о фальсификации своей смерти.

Ура! Есть! Наконец-то найден нужный факт.

– Когда?

– Два года назад, когда им занялся Отдел внутренних расследований.

– А с кем он это обсуждал? – спросил я.

– Я точно не знаю. Вы должны понять: последние пять лет нашего брака, а возможно, и гораздо дольше, мой муж не посвящал меня ни в какие свои дела. В какой-то степени я была рада этому – чувствовала, что среди его дел есть вещи, которые мне не хотелось бы узнать. Однако был один мужчина, с которым он очень часто общался, и делать это старался втайне. Но я кое-что подслушала, невольно, конечно, в том числе и разговор с этим мужчиной о подготовке фальсификации.

– А откуда вы знаете, что это был мужчина?

– Сейчас, когда вы спросили, я уже не уверена. Но он всегда называл этого человека «лейтенантом», и хотя женщина-полицейский, конечно, тоже может продвигаться по службе до этого звания или даже выше, мне почему-то всегда казалось, что это мужчина.

Судя по тому, что я знал о Дорси и о департаменте, ее предположение скорее всего было верным.

– Вы не помните, что именно он говорил?

– Точно вспомнить не могу, но что-то вроде: «Если они не отвяжутся от меня, мне придется испариться». А потом он засмеялся и сказал: «Они похоронят мой гроб, но меня в нем не будет».

– И вы никогда не спрашивали его об этом?

Она покачала головой.

– Нет, но это была одна из тех вещей, которые заставили меня задуматься о перспективах моего брака. В конце концов я поняла то, что следовало понять намного раньше: уже много лет назад я ничего не значу в его жизни. Так что пора уйти.

– Но вы не ушли.

– Нет. А когда я подала на развод, он уже забрал все наши деньги.

– И куда их девал?

– Я бы сама хотела это знать, – улыбнулась она еще более печально. – Но если вы проследите путь денег, найдете Алекса. Деньги – одна из тех вещей, которые им движут.

– А что еще им движет? – спросил я.

– Власть и месть. Если ему удастся властвовать над теми, кого он ненавидит и кому хочет отомстить, это для него триумф. Подозреваю, именно это сейчас и испытывает на себе ваша клиентка.

– Могу ли я задать вам вопрос, что движет *вами*?

– Что вы имеете в виду? – смутилась она.

– Почему вы позвонили мне?

Она помолчала с минутой, раздумывая над этим.

– В течение многих лет я дарила Алексу любовь и понимание, но видно было, что это не имеет для него никакого значения. Он уничтожал людей, а я стояла рядом и наблюдала, а потом сама стала одной из тех, кого он уничтожает. Мне стало стыдно за себя. Если я могу быть вам полезна хоть чем-нибудь, я сделаю все возможное.

В ее голосе была удивительная жесткость и решимость. Это была тактичная, деликатная и ранимая женщина, но я бы без колебаний пошел с ней в разведку, если бы началась война.

Селия снабдила меня всеми финансовыми документами, какие только смогла найти, чтобы я мог взять след и проследить путь денег Дорси. Это было дело как раз для величайшего знатока финансовых ходов и выходов – Сэма Уиллиса.

Сэм удивился, когда я приехал в офис, и выразил сочувствие по поводу Лори. Он решил, что я заехал узнать, как идут дела с кузенком Фредом. Они довольно неплохо спелись, и я скоро стану даже еще богаче, чем сейчас. Что ж, недурно.

– Мне нужна твоя помощь, – сказал я. – Надо найти одного человека. Или, по крайней мере, его деньги.

Он немедленно меня понял и выказал готовность работать.

– Кого?

– Алекса Дорси, – сказал я.
– Убитого полицейского? Вернее, якобы убитого?
– Именно его. – Я вручил Сэму финансовые документы, которые дала мне Селия, и он несколько минут просматривал их.

Выражение его лица было таким же, как у хирурга-ортопеда, который изучает результаты компьютерной томографии мозга, апеллируя к своему многолетнему опыту, дабы разобраться в том, что для меня является китайской грамотой.

– И этот тип был полицейским? – спросил он.

– Да, – кивнул я.

– Это довольно мудреная фигня.

Он позвал Барри Лейтера из другого кабинета, и они оба принялись напряженно изучать документы. Примерно каждые двадцать секунд Барри восклицал: «Ого!» или «Ни хрена себе!»

Я был рад, что внес свежую струю и доставил им обоим столько удовольствия, но все же не выдержал.

– Если известно, что он забрал свои деньги, вы сможете обнаружить, куда они направились? – спросил я.

– В значительной степени, – сказал Сэм. – Мы можем рассказать тебе о них довольно много, но, боюсь, точно определить город не удастся.

– Почему?

Он пожал плечами.

– Городов полно, однако всякий город одинаков – там кино и магазины, запах пива и бензина. И, смотря в лицо прохожим, я понимаю: похоже, мне давно пора вернуться, пора вернуться домой.

Да, видимо, я в крайне отчаянном положении, раз торчу здесь и готов положить на человека, страдающего маниакальным пристрастием к разговору словами из песен. Ладно, попытаюсь просто не обращать на это внимания.

– Сколько времени тебе понадобится, чтобы вычислить его? – спросил я.

– А я вообще не собираюсь этим заниматься. Я в отпуске с завтрашнего дня. Барри обо всем позаботится.

– Ты справишься с этим? – повернулся я к Барри.

– Конечно, мистер Карпентер, – улыбнулся он. – Без проблем. Начну искать сегодня же ночью, с моего домашнего компьютера. Думаю, к завтрашнему дню закончу.

Видя, что я сомневаюсь, Сэм заверил, что для Барри это действительно не составит никакого труда. К тому же он позвонит, дабы удостовериться, что все идет гладко.

– Куда же ты едешь? – спросил я.

– В Пуэрто-Рико улетаю. Немного поиграю... позагораю...

– На самолете ты улетаешь? Когда вернешься, не представляешь? – не мог я удержаться.

Сэм засиял и промурлыкал:

– Ну что же, детка, до свиданья, я ненавижу расставанья...

* * *

Снова наблюдать, как Пит Стэнтон набивает свою пасть дорогушей жратвой за мой счет, было выше моих сил, и я предложил встретиться в «Тако Белл».⁴ Пит назвал меня скупердям и сукиным сыном, но у него была генетическая предрасположенность к поеданию кукурузных лепешек, начиненных поджаренными бобами, а я вдобавок пообещал

⁴ Сеть закусок быстрого обслуживания; специализируется на блюдах мексиканской кухни. Насчитывает более тысячи ресторанов по всей Америке. На эмблеме изображен колокольчик.

самый большой стакан пепси, так что он, в конце концов, согласился.

Мы встретились в шесть вечера, и к 18.02 я закончил излагать ему новости о развитии дела. Он сказал, что Сабонис всерьез воспринял сообщение Лори о телефонном звонке и что расследование о местонахождении Дорси, а также и о возможной ошибке в идентификации личности сожженного продолжается.

– Сколько лейтенантов служит в департаменте? – спросил я.

– А что, ты решил сделать карьеру в полиции? Тогда тебе придется начать со звания пониже.

– Ну же, Пит, сколько их?

Он подумал с минуту.

– Включая меня... шесть.

– Два года назад, когда было расследование по делу Дорси, это были те же самые лейтенанты?

Он задумался, на этот раз надолго.

– Ну, тогда Дорси сам был лейтенантом. А что до остальных... Почти тот же состав. Нет, думаю, тогда их было пять. Макрейнольдс точно был произведен в лейтенанты немного позже. А теперь, может, скажешь мне, зачем тебе это?

Я кивнул.

– Я получил информацию, что Дорси работал в паре с другим лейтенантом. И они занимались не защитой граждан и восстановлением справедливости. Есть идеи, кто мог быть этот второй?

– Нет, – ответил он чуть поспешно, словно отводя от себя подозрение. – Я был не в его команде.

– А как насчет Сабониса? – спросил я.

Он решительно замотал головой.

– Ник? Нет, это совершенно невозможно. Ник же святее папы римского. Гораздо больше шансов, что это мог быть я.

Получив нужную мне информацию, я перевел разговор на другую тему.

– Тело Дорси идентифицировали на основе анализа ДНК. Откуда у полиции были его образцы?

– Что ты имеешь в виду? – спросил он.

– Ну, у меня в аптечке нет пузырьков с образцами ДНК. Откуда у них образец ДНК Дорси?

– Каждый полицейский сдает анализ крови при вступлении в полицию, – сказал он.

– Где хранятся эти образцы? – спросил я.

Пит пожал плечами.

– Понятия не имею. Может, в пункте первой помощи при полицейском участке, а может, в лаборатории.

– Мог ли кто-то – например, полицейский – взять оттуда образец?

– Ты имеешь в виду, не мог ли Дорси изъять его, прежде чем исчезнуть, и заменить свою кровь чьей-то еще? Не вижу препятствий. Особенно если он хранился в пункте первой помощи. Там нет никакой секретности.

– А ты смог бы выяснить, где находится эта кровь?

– Я верю, что каждый рождается в этом благословенном мире для какой-то высшей цели, – сказал он. – Моя высшая цель состоит в том, чтобы выполнить любое задание, которое ты мне дашь.

– И тебе предстоит чертова прорва работы, приятель.

Я добрался до дома около восьми – на полчаса позже, чем обещал Лори. Она приготовила обед, и мое опоздание, вероятно, добавило ей хлопот, но из-за таких мелочей она не расстраивалась. Однако ее чувство ненужности, неудовлетворенности тем, что она не может помочь в собственной защите, все возрастало и вылилось в замкнутость. Я понимал

это, но поделаться ничего не мог.

Фактически мы переживали роковую комедию положений. Может, когда-нибудь я доберусь до Голливуда и продам эту историю какой-нибудь телекомпании: «Это история о двух людях, которые решили съехаться и жить вместе, и они начали действовать друг другу на нервы. Но она не могла просто взять и уехать – понимаете, у нее на ноге был этот чертов браслет...»

А еще я заметил, насколько Лори сдружилась с Тарой. Тара все время крутилась возле нее, грациозно принимая ласку, а Лори, казалось, успокаивалась, когда трепала псину по загривку. Трудно такое вообразить, но Тара, похоже, привязалась к ней сильнее, чем ко мне. Менее рассудительный человек на моем месте почувствовал бы укол ревности, но ведь сам-то я наверняка предпочел бы, чтобы меня гладила рука Лори, а не моя собственная. А Тара, что же, глупее меня?

У нас с Лори появилась традиция – после обеда мы садились на диван в гостиной, и я пересказывал ей все новости сегодняшнего дня. Частенько она и без меня все знала, потому что офис был здесь, дома. Но сегодня это были настоящие новости – я рассказал ей о Селии Дорси и спросил, не подскажет ли ее опыт, кто бы мог быть тот лейтенант, с которым Алекс состоял в сговоре. Нет, она, как и Пит, не имела ни малейшего представления.

Мы закончили говорить об этом около десяти и поднялись наверх, в спальню. Я уже засыпал, когда зазвонил телефон, и я снял трубку. Послышался неуверенный голос Барри Лейтера.

– Мистер Карпентер? Это Барри... помните, из офиса Сэма? Извините, что беспокою вас так поздно, но я кое-что нашел, и я просчитал...

– Ты проследил путь этих денег? – перебил я.

– Частично, а потом вроде как наткнулся на закрытый шлагбаум. Я хотел поговорить с вами, прежде чем пойду дальше.

– О чем?

– Эти ребята знали, что делали – они действительно профессионалы. Я подумал... ну, похоже, они ждали, что кто-то пойдет по их следам и попытается отследить путь этих денег.

Эта новость не была такой уж неожиданной: раз мы узнали, что Дорси жив, то нетрудно было предвидеть и способ, каким мы попытаемся до него добраться.

– Как ты узнал об этом?

– Поверьте мне, я знаю, что говорю, – настаивал Барри. – Но дело не в этом. Они явно готовились проследить за тем, кто будет отслеживать их деньги. Вот из-за чего я звоню.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Я имею в виду, что они следили за мной, пока я следил за ними. И теперь они знают, что это делал я.

Вот теперь я был весь внимание, и беспокойство мое нарастало.

– Ты назвал им свое имя или адрес?

Он засмеялся.

– Мистер Карпентер, не обижайтесь, но на дворе двадцать первый век. Они могут выяснить и то, и другое простым нажатием кнопки.

Просто удивительно, как быстро беспокойство может перерасти в панику.

– Где ты живешь?

– Врилэнд авеню, дом 3/83.

– О'кей, Барри, запири как следует все двери и выключи свет. Я уже выезжаю. Не впускай никого, пока не удовлетворишься, что это я.

– А в чем дело? Что происходит?

– Просто сделай то, что я сказал. – Я повесил трубку и принялся одеваться.

Лори уже заснула, и я разбудил ее. По тому, как звучал мой голос, она поняла: что-то случилось.

– Что происходит? – спросила она.

– Позвони Питу Стэнтону и скажи, что на дом № 3/83 по Врилэнд авеню совершено

вооруженное нападение.

– Это правда?

– Нет, если я успею раньше.

Я вылетел за дверь и побежал к своей машине. Когда я напуган, я могу бежать очень быстро, и сейчас, кажется, побил все личные рекорды.

Барри жил на другом конце города. Днем путь туда занял бы у меня около двадцати минут, но транспорта почти не было, и я не останавливался даже на красный свет, поэтому добрался за пятнадцать. Однако мне показалось, что я еду целую вечность.

К моей радости, полиция сработала быстрее меня и была уже там, когда я подъехал. Рядом с домом № 3/83 стояло чуть ли не шесть полицейских машин с включенными огнями. Я увидел, что Пит стоит прямо напротив дома Барри, и остановил машину прямо на подъездной дорожке. Он, конечно, будет орать на меня, но это гораздо лучше, чем наоборот.

Я выскочил из машины и подбежал к Питу.

– Спасибо, что приехали, – сказал я.

Он кивнул.

– Жаль, что мы не приехали на пару минут раньше. Ты знал жертву?

Я почувствовал себя так, будто кто-то поднял дом Барри с земли и обрушил мне его на голову. Удар буквально бросил меня на колени.

– Не говори так, Пит. Не говори, что есть жертва. Пожалуйста...

– Мне очень жаль, Энди... парень, который жил в этом доме. Всего одна пуля, выстрел в голову.

– О нет... нет... – Мне казалось, что я никогда не смогу себе этого простить.

– Мы обнаружили убийцу, Энди. Он на кухне, на полу.

Я пошел по направлению к дому. Пит проорал полицейским, чтобы они позволили мне пройти, и сам последовал за мной. Казалось, путь до входной двери занял у меня не меньше часа, хотя лужайка возле дома Барри была малюсенькая.

Наконец мы добрались до кухни. Здесь повсюду была кровь, по-видимому, принадлежавшая убийце, чье изрешеченное пулями тело распростерлось на полу рядом с барной стойкой.

– Ты его знаешь? – спросил Пит.

Труп лежал на животе, и голова его была повернута лицом в противоположную сторону, так что мне пришлось обогнуть барную стойку, чтобы разглядеть его.

Странно, как мало я удивился, увидев мертвое лицо Джеффри Стайнза.

Пит сказал то, что и так было ясно, – надо было проехать с ними, дабы прояснить детали инцидента. Он усадил меня в полицейскую машину, попросив кого-то из офицеров отогнать мою в участок. Я попросил его сообщить о случившемся Лори, и больше никто из нас за всю дорогу не произнес ни слова.

Голова гудела, заполненная единственной мыслью: это я виноват в смерти Барри Лейтера. Это так же верно, как если бы я сам нажал на спусковой крючок. Я вывалил на него, двадцатитрехлетнего, подающего надежды парня свои проблемы, и он заплатил за это высокую цену.

Мы добрались до участка и заняли комнату для допросов, чтобы Пит мог записать то, что я скажу. Я рассказал ему все, начиная с того момента, когда Стайнз пришел ко мне в офис. Его брови поползли вверх, когда он услышал, что это и был Стайнз – человек, которого он пытался найти по моему распоряжению. Закончив, я задал Питу пару вопросов.

– Стайнз был изрешечен пулями. Он сопротивлялся при аресте?

Пит покачал головой.

– Он покончил с собой. – Увидев мое недоумение, он объяснил: – Мы взяли его с поличным. Шесть полицейских, все с оружием, направленным на него. Мы предлагали ему сдаться, и он видел, что нас много, но все же поднял пистолет, то есть заставил застрелить себя. Он должен был понимать, что умрет, но, очевидно, для него это было лучше, чем позволить нам упечь его за решетку.

– Почему ты так уверен? – спросил я.

– Я видел его глаза, – сказал он. – В них не было страха. Они уже были мертвы.

Было почти два часа ночи, когда я покинул полицейский участок, заверив Пита, что со мной все нормально и я могу вести машину. Он пообещал, что будет держать меня в курсе, если что-то узнает о Стайнзе, и сказал, что, возможно, в ближайший день-два мне придется ответить на несколько дополнительных вопросов Сабониса. Кроме того, он собирался разыскать Сэма и рассказать ему о случившемся, а также спросить, где семья Барри.

Когда я вернулся домой, Лори не спала – ждала меня. Она знала о том, что случилось, в пересказе Пита. Мое оцепенение начало спадать, и тупая боль обернулась взрывом чувств. Лори хотела задать мне тысячу вопросов, но она ни о чем не спрашивала. Она просто обнимала меня, а Тара тыкалась носом мне в колени, и так до самого утра.

Лучше мне от этого не стало, но и хуже тоже. Куда уж хуже-то?

* * *

Маркус Кларк до полусмерти напугал Эдну, когда на следующее утро пришел со своим первым еженедельным отчетом. Я уверил ее, что он на нашей стороне, но, кажется, она так и не смогла поверить, что человек с таким свирепым видом может быть хорошим парнем.

Но в гостиную спустилась Лори, и преображение Маркуса свершилось моментально. Они тепло обнялись, он поинтересовался ее здоровьем, ее моральным самочувствием, спросил, не нужно ли ей чего-нибудь и т. п., и Эдна нехотя признала его членом команды, хотя по временам бросала на него опасливые взгляды, словно хотела убедиться, что Маркус не передумает и не набросится на нас.

Маркус не добился никаких результатов, что, по его мнению, само по себе было результатом. Он не нашел следов Дорси, а поскольку он был твердо уверен, что способен найти кого угодно, то свою неудачу рассматривал как верный знак того, что Дорси мертв.

– Я говорила с ним, – напомнила Лори.

– Или с кем-то, кто пытался подражать его голосу, – ответил Маркус.

– Это был он, – настаивала она.

Они крутили со всех сторон этот неразрешимый вопрос до тех пор, пока Маркус наконец не согласился, что Дорси, возможно, действительно жив, но не без существенной помощи сил, достаточно могущественных, чтобы полностью укрыть его. Мы все согласились, что только человек вроде Доминика Петроне обладает такой силой, однако Маркус был уверен, что Петроне не позволил бы Дорси сделать пресловутый телефонный звонок. Это был поступок человека, руководимого в высшей степени личными мотивами, а Петроне ничего не станет делать из личных побуждений – как говорят киллеры, ничего личного, это просто бизнес.

Позвонила судебный пристав, чтобы сообщить, что Топор просмотрел досье Дорси и назначил встречу завтра утром в его кабинете, дабы обсудить наши намерения по использованию этой информации в суде. Топор любил утрясать такие моменты без официальных слушаний, и я был всецело за. Хорошо, что он не назначил встречу на сегодняшнее утро, потому что у меня уже была назначена договоренность встретиться с Уилли Миллером и адвокатом противоположной стороны, на чье имущество мы претендовали.

Уилли невольно продемонстрировал, как он относится к своему грядущему богатству, – он попросил меня заехать за ним в местное представительство фирмы «Мерседес». Когда я прибыл, он стоял возле дверей офиса.

– Что ж ты не зашел внутрь? Я думал, ты присматриваешься к машинам, пинаешь резину... – сказал я, когда он сел в машину.

– Они решили, что я фигней страдаю, – отмахнулся Уилли. – Думают, что я не могу позволить себе купить одну из этих развалюх. Корчат из себя хрен знает что.

– А сколько денег у тебя на счету? – спросил я.

– Да нет у меня ни хрена, никакого счета, – сказал он, а затем широко улыбнулся, – но скоро будет.

Остаток пути до офиса адвоката нашего оппонента мы говорили о Лори. Как всякий, кто знал Лори, Уилли беспокоился о ней, а уж кто, как не он, знал, сколь несправедливой может быть система правосудия.

Юридическая контора «Бертрам, Смит и Кейтс» – уважаемая фирма, занимающаяся гражданскими делами, – располагалась в Тинеке.⁵ Пару раз мне случалось говорить со Стивеном Кейтсом, адвокатом, представляющим ответчиков по иску Уилли, и он, по сути, все еще не мог определиться со своей позицией, по крайней мере, до сегодняшней встречи.

Кейтс сердечно приветствовал нас, усадил за стол в конференц-зале, на котором красовалось огромное блюдо с фруктами, предложил чего-нибудь выпить, а затем перешел прямо к делу.

– Я знаю, вы находились в близких отношениях с дочерью одного из моих клиентов, – сказал он, имея в виду Николь.

– Находился, – кивнул я.

– Мне очень жаль, что вы оказались в такой неоднозначной ситуации. Разумеется, я не знал об этом до сих пор.

– Ничего страшного, – сказал я.

Затем он ударился в многословный рассказ о положении своих клиентов и о том, что они хотят как можно скорее разрешить этот злосчастный конфликт или, по крайней мере, данную его часть. Они осознают то негативное влияние, которое оказали их действия на жизнь Уилли, и они выработали формулу, по которой, как они надеются, будет определено финансовое выражение компенсации. Он был так занят объяснением сути этой формулы, что забыл назвать сумму.

Через двадцать минут, показавшихся нам двумя часами, Кейтс наконец закончил и спросил:

– Есть ли у вас какие-то вопросы?

Уилли, который за время объяснений сжевал три апельсина, два яблока, банан и гроздь винограда, не стал терять времени.

– Сколько? – спросил он.

Кейтс, казалось, был поражен прямоотой Уилли, но решил ответить столь же прямо:

– Мы остановились на сумме четыре миллиона триста семьдесят тысяч долларов, которая будет выплачена в рассрочку в течение семи лет.

Уилли чуть не выплюнул три виноградины, таким абсурдным было предложение.

– Может, вы и остановились в этом районе, – сказал он. – Но мы – нет. Нам нужен район попрестижнее.

Под «нами» Уилли понимал себя и меня, хотя я намеревался предоставить ему возможность вести переговоры в качестве главы делегации. У него превосходно получалось, а мои мысли были заняты смертью Барри Лейтера, в которой я винил себя.

Но Кейтс повернулся ко мне, вероятно, надеясь на менее сильный напор, чем демонстрировал Уилли.

– Какова же ваша позиция?

Я посмотрел на Уилли, он кивнул, в сущности, передавая мне слово.

– Одиннадцать миллионов семьсот тысяч, с выплатой в течение пяти минут.

Он и глазом не моргнул.

– Могу я узнать, как вы пришли к этой цифре?

– Нутром почуяли, – сказал я. – Мы считаем эту сумму довольно скромной, а раз так, то обсуждению она не подлежит. Я уверен, что мы можем добиться гораздо большего на суде.

⁵ Тинек – городок в штате Нью-Джерси.

– Понятно. Я передам это своим клиентам.

Я сказал ему, что нас это вполне устраивает, и мы с Уилли, который напоследок сграбастал последний апельсин, откланялись.

Уилли спросил, не смогу ли я подбросить его к дому его подружки, которая жила в довольно неблагоустроенном квартале нижнего Паттерсона. Паттерсон – город, в котором проживает больше ста тысяч жителей, и он может сравниться с любым другим городом, по степени загрязненности, например. Однако когда кто-нибудь говорит «город», он обычно имеет в виду Нью-Йорк.

Мы были примерно в десяти кварталах от места назначения, когда едва не сбили собаку без поводка, бежавшую по улице. Псина была похожа на помесь Лабрадора, тощая, облезлая и измученная жизнью на улице.

Нас обоих потрясла едва не случившаяся авария.

– Черт, как близко – едва пронесло, – сказал он.

– Бедный пес, – сказал я. – Его поймают и отвезут в приют для бездомных животных.

– И что потом?

– И потом убьют.

– Что?! – возопил Уилли дурным голосом. – Останови машину!

Я едва успел затормозить, как Уилли выскочил из машины и побежал по проезжей части вслед за собакой, взывая:

– Сюда, песик!

Собака проявила незаурядный интеллект, припустив от вопящего Уилли так, что я остановил машину и попытался отрезать псине путь. Я выскочил из машины и начал гнать собаку на Уилли, но пес снова оказался умнее нас обоих и свернул в боковую аллею.

Погоня продолжалась, и следующие двадцать минут мы с Уилли провели, бегая туда-сюда по улицам и заворачивая в переулки, преследуя несчастную собаку. Мы испробовали несколько хитрых маневров, чтобы отрезать псу путь к отступлению, но ему всякий раз удавалось обвести нас вокруг пальца.

Тренировки с Винсом Сандерсом не успели подготовить меня к столь тяжелым нагрузкам. Я хватал ртом воздух, у меня кололо в боку, но Уилли держался так, будто всего лишь вышел прогуляться в парке.

Через несколько минут я потерял из виду и Уилли, и пса и решил, что дальше им придется справляться своими силами. Для очистки совести я поштался туда-сюда по переулкам в надежде обнаружить одного из них, хотя первым делом мне хотелось бы наткнуться на кислородную подушку.

И вот в конце одного из переулков напротив грязного гаража я увидел Уилли. Он сидел прямо на асфальте, прислонившись спиной к стене, обнимал пса коленями и осторожно гладил его по голове. Пес довольно урчал, устроив голову на колене Уилли. Они выглядели так умиротворенно, что для полноты картины не хватало только пруда и удочки.

Когда я наконец смог снова дышать и двигаться, мы вернулись в машину, теперь уже втроем. Уилли забрался на переднее сиденье, снова устроил пса между своими коленями и заявил, что теперь это его пес и зовут его Бакс – по вполне понятной причине. Я проверил и убедился, что на шее пса нет ни ошейника, ни бирки, а значит, шанс, что где-нибудь поблизости рыщет хозяин, разыскивающий свою драгоценную животину, равнялся нулю.

Уилли пообещал, что развесит в округе объявления с фотографией собаки, но я не уверен, что он сдержит слово. Хотя какая разница? Пес нашел заботливого хозяина – в этом мире есть гораздо более неприятные вещи, которые могут случиться с собакой.

Я вернулся домой и, к своему удивлению, обнаружил там Пита Стэнтона, который ждал меня, чтобы сообщить мне последние новости из расследования по делу Стайнза. Он мог бы сделать это и по телефону, но, вероятно, захотел повидать Лори и морально поддержать ее.

Информация о Стайнзе была ошеломляющей в своей краткости.

– До сих пор мы считали, что Стайнза не существует, – сказал Пит.

– О чем это ты? – спросил я.

Пит рассказал, что полиция разослала повсюду отпечатки пальцев Стайнза – по военным, федеральным и местным участкам, но ничего не обнаружилось. Его фотография была разослана по всем полицейским учреждениям страны с требованием срочной проверки – и опять ничего.

– Как такое возможно? – спросил я.

– Я не думаю, что это возможно, – сказал Пит. – Парень вроде него не мог нигде не засветиться – он должен был служить, обращаться с просьбой на право ношения оружия... нечто в этом роде. Если на него нигде нет никаких данных, значит, эти данные были стерты.

– Кем?

Пит пожал плечами.

– Кем-то, кто имел к ним доступ. Какого черта ты меня спрашиваешь? Мы, конечно, до сих пор ищем, но не думаю, что найдем что-нибудь.

Пит уехал, и остаток вечера я провел, готовясь к завтрашней встрече в кабинете Топора, на которой должен был обсуждаться наш запрос всей информации об Алексе Дорси. Мы не могли позволить себе получить отказ.

Утро было солнечным и ярким, однако в кабинете судьи было темно и мрачно, как всегда. И снова Дилан приехал туда раньше нас с Кевином, что начинало меня раздражать. Судья не должен говорить с одной стороной в отсутствие другой. Я мог бы просветить Топора на этот счет – или промолчать, или остаться в живых, и предпочел последнее.

Впрочем, тут же выяснилось, что их встреча с глазу на глаз инициирована Топором.

– Мистер Кэмпбелл решил не препятствовать вам, – объявил мне судья.

– Хорошо, – сказал я.

– Вы получите досье к концу рабочего дня.

– Хорошо, – сказал я.

– Это все, джентльмены.

– Хорошо, – сказал я.

Так что Дилан не произнес ни слова, а я произнес только одно, приятное, целых три раза. Через несколько секунд мы с Кевином вновь оказались в машине.

– За каким чертом надо было нас звать? – возмутился Кевин.

– Видимо, перед тем, как мы пришли, Топор вынес ему строгое предупреждение, – предположил я.

– И Дилан так просто сдался? – недоверчиво буркнул Кевин.

– Тебе Топор, похоже, никогда не делал предупреждений. Если он действительно надавил, Дилан бы и первенца своего на заклятие отдал.

Я позвонил Эдне, и она сказала, что получено важное сообщение от Маркуса. Он просил меня о встрече и назвал адрес где-то в трущобах. Кевин согласился поехать со мной, и через двадцать минут мы добрались до места, оказавшегося заброшенным многоквартирным домом. Рядом был заброшенный кинотеатр, а через улицу ютились несколько заброшенных магазинов.

Мы вышли из машины и принялись озираться по сторонам. Через несколько минут послышался голос:

– Сюда, вверх.

Маркус смотрел на нас сверху, выглядывая из окна, одного из немногих неразбитых.

– Поднимайтесь, – сказал он. – Шестой этаж.

Я застонал, потому что лифт в этом здании наверняка не работал, а у меня ноги все еще были как ватные после вчерашних гонок за собакой. Но деваться было некуда, и мы с Кевином потопали к зданию, а потом совершили поистине альпинистское восхождение по лестнице.

Когда мы добрались до шестого этажа, я обнаружил, что не ошибся насчет лифта. Он действительно не работал, в чем нетрудно было убедиться: в пустой шахте лифта висел человек. Он висел на плечевых ремнях безопасности, выпучив от страха устремленные на

Маркуса глаза. Тот стоял поблизости, поигрывая огромным ножом, готовый перерезать ремни и отправить несчастного в последний полет с шестого этажа навстречу гибели.

Я потерял дар речи, но Маркус был спокоен и невозмутим, словно мы встречались в бассейне, чтобы выпить по бокалу «Пина-колады». Как воспитанный человек, он представил нас друг другу:

– Энди Карпентер, Кевин Рэндалл, это Задница. Задница, это мистер Карпентер и мистер Рэндалл.

Вот почему, сообразил я, он позволил запихать себя в шахту. С таким именем трудно развить в себе чувство собственного достоинства.

Маркус сообщил, что висящий человек хочет кое-чем поделиться с нами. Похоже было, Кевина сейчас удар хватит – он явно не ожидал стать участником подобной сцены. Да и я чувствовал себя несколько некомфортно. Поэтому я уговорил Маркуса поставить несчастного на твердую землю. Маркус нехотя согласился, после того как тот пообещал говорить стоя так же честно и без утайки, как если бы продолжал висеть.

Покинув шахту лифта, парень немного успокоился, и я узнал, что у него есть и другое имя – Митч. По-видимому, Митч был мелким жуликом, приторговывал информацией и был сущим мешком дерьма. Маркус мог быть очень убедительным, и он уговорил Митча поделиться с нами некоторой информацией бесплатно. Ремни безопасности и шахта были дополнительным аргументом в переговорах.

Митчу удалось пролить немного света на царство темных делишек Дорси, однако это было немного не то, что мы искали. Дорси, как и предполагалось, принимал весьма активное участие в криминальной деятельности семьи Петроне. Однако, если верить Митчу, он был всего лишь распорядителем общака, хоть и крупным; настоящая власть и покровительство Петроне принадлежали тем, на кого работал Дорси. Митч ничего не знал о том, кто бы это мог быть, но точно знал, что главная функция самого Дорси состояла в сборе денег и передаче основной их массы наверх.

Это вполне совпадало с тем, что Селия сказала о другом лейтенанте, с которым был связан Дорси. Был ли этот лейтенант выше Дорси в организации Петроне или просто работал с ним на одной ступени, ясно одно: кто-то в департаменте очень хотел, чтобы Лори было предъявлено это обвинение.

Мы отпустили Митча с искренней признательностью и предупредили, чтобы он держал ухо востро и докладывал Маркусу, если еще что-то узнает. Он поклялся, что именно так и будет поступать, однако мне почему-то казалось, что Митч предпочтет не оставаться в том же полушарии, что и Маркус.

Топор Хендерсон был из тех судей, чьи приказы всегда выполняются, а Дилан не выказывал готовности стать тем юристом, который нарушит эту традицию. Когда мы с Кевином добрались до дома, остаток досье Дорси был уже переслан нам, и мы немедленно приступили к его изучению.

Самый интересный период в биографии Дорси начинался с обвинений, выдвинутых против него Лори. Они были здесь приведены. К досье прилагался рапорт Отдела внутренних расследований. Он был не столь обширен, как доклад Комиссии Уоррена,⁶ но подтверждал обвинения Лори и основывал на них дальнейшее расследование.

Дорси вел дела с Домиником Петроне в различных областях нелегальной деятельности, преимущественно в криминальном ростовщичестве, проституции и наркоторговле. Его роль в этих делах, по существу, сводилась к тому, чтобы ограждать эти сферы от посягательства

⁶ Официальное название – Комиссия по составлению отчета об убийстве Дж. Ф. Кеннеди. Создана по указу президента Л. Джонсона через неделю после убийства в Далласе, работала с 29 ноября 1963 по 24 сентября 1964. Председателем комиссии был назначен Э. Уоррен. Результатом работы комиссии стал доклад, обнародованный 24 сентября 1964, в котором был сделан вывод о том, что убийство президента Дж. Кеннеди было делом рук убийцы-одиночки Л. Освальда.

полиции. Иногда его участие было даже более активным и непосредственным, однако ясно, что его ценность для Петроне состояла в службе в полиции.

ФБР фактически вмешалось, чтобы сохранить за Дорси его должность, два года назад, и конкретным вмешавшимся лицом был специальный агент Дарен Хоббс. Невероятно, но Хоббс дал полиции не больше информации, чем мне, – он просто сказал, что идет важное расследование ФБР, которое будет сорвано, если сейчас всплывет дело Дорси. Хоббс сказал, что эта операция не имеет никакого отношения к Дорси, она направлена на «элементы организованной преступности». Власти Паттерсона вряд ли гордились тем, что покорились федеральному вмешательству. Этот факт скорее всего и был той причиной, почему нам так долго отказывали в доступе к этой информации.

В обмен на неправдоподобно мягкое наказание в виде выговора Дорси пообещал воздержаться от незаконной деятельности в будущем. Были несомненные доказательства того, что он сдержал свое обещание, но на очень непродолжительное время. Примерно полгода назад Отделу внутренних расследований стало известно, что Дорси снова занялся нелегальным бизнесом, и обвинения вновь подтвердились.

Хоббс был проинформирован о ситуации прежде, чем были предприняты какие-либо действия, но на этот раз ни он, ни кто-либо еще из ФБР не вмешался. Дорси вот-вот должны были арестовать, когда он исчез, а неделю спустя было обнаружено тело, которое, как утверждалось, принадлежало Дорси.

Было досадно получить информацию, которой мы так добивались, и обнаружить, что в ней нет ничего полезного. Она не открывала новых направлений для расследования и не давала никаких новых фактов, на основе которых можно было бы выработать стратегию поведения в суде.

Следующим гвоздем в наш юридический гроб был звонок Ника Сабониса. Он сообщил мне, что не обнаружено никаких признаков того, что Дорси может быть до сих пор жив. Дело пока остается открытым, однако, по мнению его коллег, Дорси мертв. Он допускал, что Лори не лгала, рассказывая о телефонном звонке, просто ее ввели в заблуждение с помощью фальшивки, дабы оказать давление на подсудимую.

Я был готов закипеть от досады.

– Ничего, если я задам тебе вопрос, Ник? Как получилось, что ты стал следователем по делу Дорси?

Он помолчал с минуту, пытаясь обнаружить скрытый смысл вопроса.

– А что? Ты думаешь, что я – тот самый таинственный лейтенант, с которым работал Дорси?

– Ну, с кем-то же он работал, – сказал я. – Пока я не готов исключить ничьего участия.

– Будь осторожнее – подумай, кого обвиняешь, – сказал он, и тон его был еще более угрожающим, чем слова.

– Ты не собираешься ответить на мой вопрос, Ник?

– Я сам попросил, чтобы мне дали это дело.

– Почему?

– Я не любил Дорси, и мне не нравились его делишки. Но убийства полицейских нравятся мне еще меньше.

* * *

Время – наш главный враг. Оно нагло, бескомпромиссно и оскорбительно ведет себя всегда назло нам. Это моя теория, в верности которой я не сомневаюсь. Это одна из тех мудрых теорий, до которых я дошел своим умом в одной из таких же хреновых ситуаций, лежа в постели без сна в три часа ночи.

Неделя подготовки к суду, назначенному на сегодняшнее утро, хорошо иллюстрирует мою мысль. Для Лори время тянулось мучительно медленно. Для нас с Кевином сегодняшний день приближался, как товарняк, несущийся на всех парах. Каждую минуту

каждого дня мы делали все возможное, чтобы подготовиться, просчитать стратегию защиты, в которой сможем быть уверены, – и пока что даже близко к этому не подошли.

Я вырубился около четырех утра и проснулся в семь – кровь буквально кипела от адреналина, сердце готово было выпрыгнуть и поскакать в суд впереди меня. Лори, кажется, была скорее возбуждена, чем нервничала. Перспектива наконец-то выйти из дома оказалась столь радостной, что на время пересилила нормальный человеческий страх, который она должна была испытать и, несомненно, еще испытает. Но это ничего – в данный момент я боялся так, что хватало на нас обоих.

Судебный пристав прибыл в девять, дабы сопроводить Лори в суд, и она впервые прошла сквозь толпу журналистов, собравшихся вокруг дома. В основном вопросы, которыми ее закидывали, относились к тому, как она чувствует себя перед началом суда. Кто-то спрашивал о наших личных отношениях – в последние несколько дней пресса пережевывала эту тему. Высказывались предположения, что Лори разрушила мой брак, а также завуалированные нападки по поводу того, что смешивать частную жизнь с профессиональными обязанностями недопустимо.

Я отвечал на вопросы открыто и прямо, признавая, что люблю и давно любил Лори и что наши отношения начались после моего развода, но до того, как Лори стала моей клиенткой. И что Лори было нелегко и неловко согласиться на мою защиту, особенно когда сложилось так, что другого выбора у нее не оставалось.

Возле суда журналистов было гораздо больше, чем возле дома, но нас провели через служебный вход. Едва мы заняли свои места за столом защиты, Топор начал заседание – как всегда, с формальностей, предшествующих любой судебной процедуре.

За столом защиты рядом со мной сидели Кевин и Лори. Напротив, через проход, располагался Дилан с двумя другими обвинителями. Он был одет в свой лучший выходной костюм – я даже удивился, что у него нет цветка в петлице. Дилан создавал вокруг себя атмосферу самоуверенности, которую я мечтал стереть с его лица.

Как я и ожидал, зал был битком набит любопытными, которые, если верить судебному приставу, выиграли желанные места в лотерею – и такая лотерея будет проводиться каждый день. Сегодняшние посетители, которые вроде бы должны были считать себя счастливыми, что попали сюда, уже начинали изрядно скучать из-за рутинной процедуры подбора присяжных.

Я проконсультировал двух присяжных советников по тактике, но, в конце концов, решил заняться всем сам. Одна из тех немногих вещей, в которых должны убедиться присяжные, – это несоответствие внешности и манеры поведения Лори с жестокостью убийства. Присяжные советники считали, что женщинам-присяжным будет очень трудно поверить, что Лори могла совершить подобное, но я не мог с ними согласиться. Я намеревался прислушиваться к тому, что говорит мне внутреннее чутье, хотя было бы здорово, если бы мои внутренности наконец перестало крутить – иначе мне никак не услышать это самое нутро.

Подбор присяжных считается самым важным этапом судебного разбирательства, процессом, в течение которого дело может быть выиграно или проиграно до того, как будет вызван первый свидетель. Это считается прописной истиной, однако на практике подбор едва ли играет такую важную роль.

Опытные юристы достаточно искушены в этой процедуре, и маловероятно, что одной из сторон удастся добиться решающего преимущества. Это как в футболе. Тактика игры, все эти крестики-нолики, жизненно важна для успеха команды, но современный тренерский состав настолько мудр и опытен, что обычно решающее преимущество команды развивается в совсем других областях.

Дилан при каждом удобном случае открыто называл Лори безжалостным бывшим полицейским, тогда как моей задачей было заставить всех видеть в ней нежный цветок. На самом деле она была и тем, и другим, что делало нашу маленькую игру более острой.

Лори терпеть не может, когда я называю суд игрой, однако я вижу это именно так – и

так и должен его видеть, чтобы показать все, на что способен. Это игра в том смысле, что здесь есть стратегия и удача, ажиотаж и хладнокровие, взлеты и падения и, конечно, победители и проигравшие. Игру игрой делают вовсе не ставки – ты играешь, чтобы выиграть, а потом уж подсчитываешь барыши, и не важно, насколько тяжелее стал твой кошелек.

Чтобы моя работа была эффективной, я должен обезличить дело для себя, смотреть на него только с позиции стратегии и тактики. В данном случае для меня здесь крылась большая опасность, другая же опасность состояла в том, что обвинение, по-видимому, было построено непробиваемо. Попытка отойти и посмотреть на дело как на игру для меня была сопряжена с постоянной внутренней борьбой – я не мог забыть о конкретных людях и о том, как безумно высоки ставки.

Я боялся, что не смогу вести дело достаточно хорошо, чтобы победить, но чтобы провести его хорошо, мне нельзя бояться.

Топор был в хорошей форме. Я всегда подозревал, что он не расстанется с «измерителем сердитости». Чем более значимым было то или иное обстоятельство, чем более напряженным был момент, тем больше он сердился и угрожал. Сегодня его «сердитометр» стоял примерно на отметке 7 по десятибалльной шкале, и это означало, что он, несомненно, может наорать на юриста трехэтажным благим матом, но стирать в порошок и испепелять на месте вряд ли станет. Это был знак, что он считает наше дело важным. И в этом он был прав.

Примерно через час Топор повернулся ко мне.

– Защита готова?

– Да, ваша честь, – солгал я, и мы с разбега окунулись в дело «Нью-Джерси против Лори Коллинз».

Сотня кандидатов в присяжные была приведена в зал суда, и Топор прочел им стандартную лекцию о важности их работы для общества. Он поблагодарил их за то, что они хорошие граждане, но он знал не хуже меня, что все эти люди здесь потому, что в отличие от большинства других хороших граждан не смогли придумать, как отвязаться от столь почетных обязанностей.

Присяжные получили опросники для заполнения, в которых содержались многие из тех вопросов, которые будут задавать им юристы. Эта процедура была придумана для того, чтобы сократить время и силы юристов, необходимые на данный процесс, потому что записанные ответы нередко помогают отсеять непригодных без траты времени на интервьюирование.

Процесс отбора двенадцати основных и четырех дополнительных присяжных, которые решат судьбу Лори, занял два с половиной дня. Семь мужчин, три афроамериканца, один латиноамериканец. Среди них не было специалиста по хирургии мозга, однако должен признать, что для присяжных у них был интеллект выше среднего и бесспорная широта взглядов. И это важно, потому что им придется понять и прочувствовать защиту, если, конечно, до нее дойдет дело.

Последний член группы присяжных принес клятву в три часа дня, и Дилан обратился к Топору с просьбой отложить официальное открытие слушаний на завтрашнее утро. Это меня устраивало – у меня появлялось дополнительное время на подготовку. Я попросил Кевина и Маркуса приехать ко мне к шести часам, чтобы мы могли еще раз определиться, что мы имеем и что нам необходимо.

Лори приготовила обед, а затем устроилась с нами в гостиной. Маркус был крайне недоволен собой – он чувствовал, что никогда еще не делал так мало для продвижения расследования, хотя для него это было самое важное дело, над которым он когда-либо работал. Личность Стайнза, его настоящее имя и его причастность к убийству до сих пор оставались тайной, так же как и местонахождение Дорси.

Я был разочарован, что Дорси больше не пытался контактировать с Лори. Я надеялся, что он не сможет удержаться от дальнейших звонков, чтобы еще сильнее ранить ее. Мы даже установили на ее мобильный телефон специальную систему записи, чтобы накрыть его. Но

увы, не повезло.

Маркусу удалось составить список пропавших людей, которые могли быть истинными обладателями обезглавленного тела, найденного на складе. После исключения не подходящих по росту, весу и времени исчезновения осталось семь возможных кандидатов. К сожалению, все возможные проверки по всем возможным источникам не обнаружили никакой связи между этими кандидатами и Дорси.

Маркус уехал около девяти часов, и мы с Кевином перешли к работе над моим вступительным словом. Я не люблю писать вступительное слово заранее – даже обстоятельные пометки обычно ограничивают мою естественность и результативность. Поэтому мы вкратце обсудили самое главное, то, на чем нужно сделать упор, и затем я отпустил Кевина домой.

Мы с Лори легли примерно в одиннадцать и, прежде чем уснуть, разговаривали час или около того. Она реально смотрела на вещи – понимала, насколько трудна ситуация. Если мое напряжение почти зашкаливало, то ей, несомненно, было гораздо хуже. Я-то хоть в некоторой степени мог контролировать события нескольких предстоящих недель, ей же оставалось лишь наблюдать, а затем принять последствия этих событий, каковы бы они ни были. Даже Тара, кажется, была в ажиотаже – лаяла в окно на каждый шум с улицы, что для нее нехарактерно.

Когда Лори и Тара заснули, я отдался горю и чувству вины в гибели Барри Лейтера. До конца жизни буду винить себя в его смерти – и до конца жизни это обвинение будет справедливым.

Ночь была невероятно долгой.

Мы старательно избегали вмешательства телевидения в дело, и это утро не было исключением. Для Лори было очень и очень тягостно видеть, что ее в открытую называют убийцей, и те немногие, кто был на ее стороне, служили слабым утешением.

Сегодня, однако, ей предстояло выслушать вступительное слово Дилана, а это было куда хуже всего того, что она могла услышать по телевизору. Ей придется слушать, когда он будет говорить присяжным, что она обезглавила Алекса Дорси и сожгла его тело, и она услышит, как он просит присяжных посадить ее в тюрьму до конца ее дней. Я еще раз повторил ей то, что она и без меня знала: надо набраться терпения и никак не реагировать на все, что бы она ни услышала.

Возле здания суда сегодня было даже больше неразберихи, чем обычно, а в самом зале суда напряжение значительно возросло. И все это из-за того, что сегодня должны были прозвучать вступительные речи прокурора и адвоката. Обвинение должно было представить картину преступления, в деталях объяснить присяжным, во что именно те должны поверить. Присяжные клянутся, что не будут принимать никаких допущений и будут утверждать только то, во что смогут поверить, а в данном случае это было не так уж много.

Прежде чем вызвать присяжных, Топор спросил, нет ли каких-либо заявлений, которые мы хотим сделать в последнюю минуту. Мы включили мое имя в список свидетелей, поскольку я был единственным, кто мог засвидетельствовать, что встречался со Стайнзом. Дилан попытался призвать Топора к порядку и добиться, чтобы мне запретили свидетельствовать, поскольку Стайнз к делу не относится. Он проповедовал, что правила юридической этики запрещают адвокату выступать свидетелем, и нельзя допускать создания прецедента, а то всякий адвокат захочет выступать свидетелем.

Я встал и возразил, что Стайнз имеет самое прямое отношение к делу, потому что он явился фактически единственной причиной, по которой Лори оказалась за стадионом Хинчклифф. Топор решил отложить решение этого вопроса до тех пор, пока не будет изложена версия защиты, и пригласил присяжных.

– Обвинение, просим начинать, – открыл слушания судья.

– Леди и джентльмены, – начал Дилан, взяв такой тон, будто он сожалеет, что мы все вынуждены были здесь собраться. – В течение ближайших недель вам предстоит заслушать

разные точки зрения относительно инцидента, из-за которого мы собрались здесь сегодня. Однако позвольте мне для начала прояснить один факт.

Он прошествовал к столу защиты и остановился в нескольких футах от Лори, указывая на нее.

– Вот, это подсудимая. Именно ее действия вам предстоит судить. Сейчас вам это, вероятно, кажется очевидным, но вскоре вы увидите, что ошибались. Потому что мистер Карпентер намерен выставить в качестве подсудимого Алекса Дорси. Да, это так – он собирается объявить жертву преступником и преступника – жертвой. И я призываю вас не поддаваться на эти фокусы, на которые мистер Карпентер такой мастер, что Гудини умер бы от зависти. Вы увидите, как он заставит жертву восстать из мертвых, вы будете поражены, когда он превратит убитого человека в конспиратора, способного изобретать фантастические интриги, и вам останется только покачать головой, когда в следующем трюке он превратит жестокую убийцу в несчастную, невинно оклеветанную женщину. Это будет поразительно, это будет забавно, но, как и в любом иллюзионе, это будет обман. Потому что, к счастью, вам будут представлены факты, которые даже такой волшебник, как мистер Карпентер, не сможет заставить исчезнуть, и эти факты, каждый в отдельности, приведут вас к заключению, что Лори Коллинз жестоко убила Алекса Дорси, лейтенанта полиции департамента Паттерсон.

Он снова указал на Лори.

– Она не выглядит убийцей, верно? Вы наверняка иначе представляете себе человека, способного обезглавить жертву и сжечь ее тело. Сама мысль об этом не укладывается в голове. Но я выступал обвинителем во многих ужасных преступлениях, дамы и господа, и позвольте мне заверить вас: преступники бывают совершенно разные. Я видел матерей, которые убивали своих детей, я видел школьников, которые убивали своих учителей, и никто из них нисколько не был похож на убийцу. Лори Коллинз была офицером полиции, но ей пришлось уйти в отставку после конфликта с Алексом Дорси. Она затаила ненависть к нему, так же, как и к другому человеку – Оскару Гарсии. И тогда в ее голове созрел план – убить лейтенанта Дорси и обвинить мистера Гарсию в этом убийстве. Двух зайцев одним выстрелом. И это почти сработало. – Он покачал головой одновременно для пущего эффекта и для того, чтобы продемонстрировать, насколько он сам поражен дерзостью преступления Лори, и повторил: – Это почти сработало.

Затем Дилан перешел к сути своей версии, описав преступление и то, как обвинение теоретически представляет себе способ совершения преступления.

– И сегодня я говорю вам: мы не должны утверждать ничего недоказанного. Ничего. К тому моменту, когда судья Хендерсон отправит вас в комнату для размышлений, вам не составит никакого труда понять, что мы доказали без каких-либо обоснованных сомнений: Лори Коллинз совершила одно из самых ужасных преступлений, которые когда-либо знала наша страна. И я абсолютно уверен, что вы свершите над ней правосудие.

Знак глазами, который подал мне Кевин, сказал мне, что он согласен с моей оценкой: Дилан действительно сделал сильное заявление. Оно было четким, сжатым, убедительным и полностью сосредоточило на себе внимание присяжных. И, несомненно, Дилану удалось добиться преимущества в создании презумпции виновности.

Существует миф, что Конституция гарантирует каждому презумпцию невиновности. В реальной жизни это полный абсурд. Присяжные обычно считают, что подсудимый скорее всего виновен, иначе он просто не попал бы на скамью подсудимых.

Это ведет к следующему мифу, который состоит в том, что обвинение несет всю тяжесть доказательства вины, тогда как защита не несет никакого бремени. На самом деле это бремя целиком и полностью лежит на защите, которая, начиная с первого открытого заявления, должна неустанно атаковать эту презумпцию вины и втемняшивать в головы присяжных, что подзащитный может – вдруг, о чудо из чудес! – быть невиновным. И если защите это не удастся, то обвиняемый будет есть баланду из жестяной миски в течение многих лет.

Топор спросил, хочу ли я сказать свое вступительное слово сейчас или предпочту подождать до конца оглашения версии обвинения. Вопрос был риторический. В этот момент присяжные поняли, что для Дилана это будет не прогулка в парке.

– Леди и джентльмены, присяжные, – начал я. – Не правда ли, это была чертовски сильная речь? Да, мистер Кэмпбелл может загнать словцо.

Я адресовал Дилану прямой взгляд.

– Раз уж я такой шулер, давайте еще раз вспомним слова мистера Кэмпбелла, если вы позволите. Я хочу убедиться, что цитирую его точно, а то вдруг перепутаю что-нибудь.

Я вернулся к столу защиты, и Кевин вручил мне лист бумаги.

– Здесь написано... вот что мистер Кэмпбелл говорит об этом деле, – сказал я, начиная читать. – «Ваша честь, штат Нью-Джерси намерен доказать, что 13 мая сего года в Паттерсоне, штат Нью-Джерси, подсудимый совершил преднамеренное убийство с особой жестокостью; жертва убийства – мистер Алекс Дорси, лейтенант полиции департамента Паттерсона».

Я вернул бумагу Кевину и повернулся к присяжным.

– Это немного короче, чем его сегодняшнее выступление, но резюме довольно точное, вы согласны? Подсудимый убил Алекса Дорси. Все очень просто.

Я подошел к столу защиты и указал на Лори.

– Но вот какая проблема – он сказал это не о моей подзащитной, он сказал это о другом человеке, которого зовут Оскар Гарсия, и тогда мистер Кэмпбелл утверждал, что Оскар Гарсия, несомненно, виновен в убийстве Алекса Дорси. Теперь он говорит, что Оскар Гарсия невиновен и что Лори Коллинз виновна в том же самом преступлении и столь же несомненно. Так что здесь присутствует загадка: сколько людей, не работающих вместе, могут быть названы несомненно виновными в одном и том же преступлении, прежде чем сомнения все-таки возникнут?

Я посмотрел на Дилана и покачал головой, словно бы огорченный его промахами.

– Согласно нашей правовой системе, прокурор должен быть убежден в виновности подсудимого, прежде чем бросаться такими обвинениями. И мистер Кэмпбелл был убежден в виновности Оскара Гарсии. Тогда он был совершенно не прав, но сейчас он просит вас поверить в то, что на сей раз угадал. И он хочет, чтобы вы отправили человека в тюрьму до конца дней, основываясь на его догадке. Да, я сказал, что в тот раз он ошибался, и был прав именно я. И теперь я утверждаю, что он снова ошибается, и в этом, как вы скоро убедитесь, я опять-таки прав. Но когда штат Нью-Джерси выносит обвинение в убийстве, тем более недоказанное, оно должно быть основано на очень серьезных уликах. Поэтому давайте посмотрим, в чем мистер Кэмпбелл пытается вас убедить. Он заявляет, что миссис Коллинз затаила ненависть к мистеру Дорси на долгих два года, и за это время ни разу не пыталась нанести ему физический ущерб. Затем полиции стало известно, что она была права относительно его незаконной деятельности, и мистеру Дорси пришлось удариться в бег. И вот тогда-то, если верить мистеру Кэмпбеллу, мисс Коллинз и решила действовать. Она обнаружила местонахождение мистера Дорси, в то время как вся полиция Паттерсона оказалась не в состоянии это сделать, а затем зверски убила его, хотя могла полностью оправдаться и отомстить ему, просто доставив его в любой полицейский участок. Иными словами, когда он был свободен и вне подозрений, она не преследовала его. Но когда ее победа была очевидна, когда единственная дорога мистера Дорси вела на скамью подсудимых – именно в этот момент она решила рискнуть своей жизнью и убить его. Это не очень-то логично выглядит, верно?

Я еще немного покрутил эту тему, превознося заслуги Лори как государственного служащего и ее необыкновенный характер как человека. Мы с Кевином поспорили, следует ли упоминать во вступительном слове нашу уверенность в том, что Дорси жив. Он возражал, и я колебался, но в тот момент решил открыть карты.

– Не так давно я говорил вам об обоснованных сомнениях. Я говорил, что вскоре вы будете по колено в обоснованных сомнениях, вы не сможете не усомниться в том, что

миссис Коллинз убила Алекса Дорси. Но я все-таки сделаю еще один шаг. Вскоре у вас появятся обоснованные сомнения в том, что Алекс Дорси вообще был убит. Потому что, леди и джентльмены, вполне возможно, что предполагаемая жертва убийства жива и смеется над всеми нами.

* * *

На суде каждая минута – решающая. Я старался не тратить времени ни на что, не связанное напрямую с нашей защитой. Это требовало самодисциплины, которой я никогда не мог похвастаться, но оказалось, что я могу мобилизоваться, когда это необходимо.

Больше всего приходилось заниматься чтением. Я читал и перечитывал каждый клочок бумаги, которым мы располагали, каким бы незначительным он ни казался. Иногда я с третьего или четвертого раза понимал подлинную значимость какой-либо мелочи.

Я каталогизировал материалы в соответствии с их темой, а затем постоянно тасовал папки и выборочно перечитывал в любую свободную минуту. Сегодня я взял папку, озаглавленную «Свидетели на завтра», которую Кевин будет ежедневно обновлять в течение всего процесса, и сел в гостиной читать. Еще я принес с собой папку, посвященную Стайнзу, потому что уже некоторое время ее не перелистывал.

Завтра Дилан будет вызывать основных свидетелей, никто из которых не станет прямо обвинять Лори, однако будет готовить почву, чтобы показания следующих свидетелей звучали как обвинения. Я проглядел материалы следствия, имеющие отношение к их показаниям, и вчерне набросал план перекрестного допроса. Серьезного ущерба я им, конечно, не нанесу, однако очень важно, чтобы мои вопросы заставили присяжных задуматься и перестать считать версию обвинения единственно верной.

Папка Стайнза была тоненькой и наводила тоску. В ней содержались все полицейские рапорты касательно убийства Барри Лейтера и результаты бесплодных попыток установить реальную личность Стайнза. Я почувствовал вдруг хорошо знакомый укол отчаяния из-за того, что настоящие преступники, пославшие Стайнза убить Барри, скорее всего, никогда не будут обнаружены.

Отдельные рапорты, написанные полицейскими офицерами относительно событий той ночи в доме Барри, в основном повторяли то, что мне уже говорил Пит Стэнтон. Стайнз, в сущности, действительно совершил самоубийство, подняв пистолет в окружении полицейских, готовых стрелять. Проблема заключалась в том, что никто, включая меня, не мог объяснить, почему он так поступил.

Протокол вскрытия тела Стайнза был интересен, но совершенно ничего не прояснял. В него всадили одиннадцать пуль, шесть из которых поразили жизненно важные органы. Описание патологоанатома свидетельствовало, что Стайнз был в великолепной физической форме, у него почти не было жира. Однако в то же время он писал, что тело Стайнза было «изношено сверх нормы для его предполагаемого биологического возраста». У него были значительные повреждения коленей, локтей и плеч и необычно высокое количество старых рубцов и шрамов. Он не был похож на человека, который провел большую часть жизни за письменным столом. Патологоанатом отмечал, что у Стайнза имелась татуировка на правой руке, и это было практически единственное неповрежденное место в его организме.

Я заканчивал просматривать содержимое папки, когда вошла Лори в компании предательницы Тары.

– Как наши дела? – спросила Лори.

С того дня, как начался весь этот кошмар, она задавала этот вопрос не меньше сотни раз в день, и мое сердце непроизвольно сжималось, когда я слышал его. Она хотела, чтобы я сказал ей, что только что нашел нечто, какую-нибудь важную деталь, которая приведет нас к быстрой, окончательной и блестящей победе.

– Работаю, – сказал я без особого энтузиазма и постарался не слышать звука, с которым упало ее сердце. – Это долгий процесс.

– Я знаю, Энди. Я знаю, что это долгий процесс, – сказала она, немного выдавая свое нетерпение. – Ты мне тысячу раз говорил, что он долгий, и я хорошо это запомнила. Это долгий процесс.

Я мог рассердиться, начать спорить, и бог весть к чему бы это привело. Вместо этого я обнял ее за плечи и крепко прижал к себе.

– По крайней мере, две вещи я могу сказать точно. Первое: никакой это не процесс. Никогда им не был и не будет. Первое, что говорят на юридическом факультете – если вам нужен процесс, идите на экономический.

Она улыбнулась, и я заметил, что ее ярость тает.

– Ты сказал, что знаешь точно две вещи. Какая же вторая?

– Что мы намерены выиграть. Я бы солгал тебе, если бы сказал, что точно знаю как, но мы обязательно выиграем дело.

Она начала формулировать вопрос, затем передумала и положила голову мне на плечо. Я знал, что она не может до конца поверить в то, что я говорю, но надеялся, что еще поверит. Это долгий процесс.

Первым свидетелем Дилана оказался четырнадцатилетний мальчишка, один из тех детей, кто увидел дым, идущий со склада в ту ночь, и позвонил в пожарное отделение. Дилан задавал ему вопросы двадцать минут, хотя мог уложиться в две, и поскольку мальчик даже тела не видел, я не стал беспокоиться и задавать ему вопросы.

Следующим был вызван полицейский-новичок, Рики Спенсер, который был первым, кто догадался, что горит человеческое тело.

– Вы немедленно осознали, что это было тело? – спросил Дилан.

– Ну, было темно, и я не был точно уверен. Я не видел головы... лица... – Казалось, воспоминание до сих пор шокировало его, как шокировало бы любого человека. – Когда я осветил его фонариком, у меня не осталось никаких сомнений в том, что это такое.

– Кроме того факта, что там было тело, не заметили ли вы еще чего-нибудь необычного?

Спенсер кивнул.

– Заметил. Огонь был сосредоточен вокруг тела, и еще там была почти пустая канистра примерно в десяти футах. Это, несомненно, был поджог, единственной целью которого было уничтожить тело.

– А не знаете ли вы случайно, что показали последующие тесты? Соответствовала ли та смесь, что содержалась в канистре, той, которая стала причиной возгорания?

– Да. Я видел отчеты.

Я мог высказать протест на основании того, что показания даны с чужих слов, но факты были подлинными, и Дилан мог вызвать для их подтверждения другого, более осведомленного свидетеля.

Я встал, чтобы задать свои вопросы.

– Офицер Спенсер, та ночь на складе, вероятно, была для вас глубокой травмой.

Он нерешительно кивнул. Дилан предупредил его, что следует опасаться злого адвоката, однако я казался достаточно безобидным.

– Да. Я никогда раньше... – Он запнулся. – Да.

– Вы сказали «я никогда раньше». Вы имели в виду, что никогда прежде вам не приходилось видеть ничего подобного?

Я угадал. Он робко кивнул.

– Но вы не думали, что ваши воспоминания могут быть неточными, не так ли? – спросил я.

– Нет, сэр. Я все помню очень четко.

– Хорошо, – кивнул я. – Но прежде чем вы поняли, что это горит человеческое тело, у вас были какие-нибудь предположения, что бы это могло быть?

Он задумался.

– Ну, я подумал, что это может быть матрац. Или, может, старый диван. Сейчас это звучит довольно глупо, но... – Он замолчал, не договорив.

– Ничего. Я уверен, что все понимают вас. – Я посмотрел на присяжных. Они явно присоединялись ко мне и сочувствовали тому, через что пришлось пройти этому молодому человеку. – Ну что ж, – продолжал я, – вы сказали, что это было похоже на матрац или диван... значит, горевший предмет казался довольно большим?

– Да. Это был крупный мужчина.

– Верно. Так, а канистра с бензином... она лежала возле тачки?

– Я не видел там никакой тачки, – сказал он.

– В самом деле? Ну, тогда там, конечно, была каталка?

– Нет, и каталки не было.

Я изобразил крайнее удивление.

– А как насчет какой-нибудь тележки или повозки?

– Нет, ничего такого там не было.

– Позвольте-ка, я, кажется, чего-то не понимаю. Мистер Кэмпбелл в своем вступительном слове сказал, что убийство было совершено позади стадиона Хинчклифф, а затем тело перевезли на склад. Если это правда, то не хотите ли вы сказать, что кто-то отнес его на склад?

– Да, может быть.

– Какое расстояние было между телом и ближайшей дверью?

– Около сорока футов, – сказал он.

Я продолжал загонять его в угол.

– Значит, убийца был достаточно силен, чтобы протащить мертвое тело размером со старый диван больше чем сорок футов? – Я зашагал по направлению к Лори, дабы показать всю абсурдность утверждения, что человек ее габаритов мог сделать такое.

– Я думаю, у убийцы была какая-нибудь повозка и он забрал ее, когда уходил. Или она забрала.

– Тогда почему *он* оставил там канистру? – спросил я.

Дилан запротестовал, что свидетель не может знать внутренней мотивации убийцы, и Топор принял протест.

– Видели ли вы какие-либо следы колес или какие-либо другие следы, оставленные не человеческими ногами?

– Нет, но об этом вам лучше спросить следователя.

Я улыбнулся, зная, что таких следов возле склада обнаружено не было.

– Я так и сделаю, можете быть уверены.

Дилан задал еще пару вопросов, пытаясь исправить ущерб, который я мог нанести его версии.

– Офицер Спенсер, известно ли вам, из какого материала сделаны полы в том конкретном складе?

– Думаю, они цементные.

– Значит, вы не думаете, что тележка могла оставить следы?

– Думаю, не могла. Нет.

Дилан отпустил его, и когда Топор отложил слушание до завтра, я направился домой, собираясь заняться тем, что уже превратилось в ежевечернюю рутину. Мы с Кевином и Лори пообедали, обсуждая события дня в суде. Маркус должен был присоединиться к нам, когда ему будет что добавить, – надеюсь, это скоро случится. После обеда мы перебрались в гостиную, где обсудили свои планы и стратегию, а потом Кевин и Лори ушли, оставив меня наедине с моим чтением и подготовкой к допросу завтрашних свидетелей. Это было повторение давно пройденного, однако опыт показывает, что мне это полезно.

Было одиннадцать часов, и я сидел на диване, окруженный своими бумагами, когда в комнату вошла Тара. Она подошла и встала в паре футов от меня, словно ждала, что я позову ее.

– Ты пришла только потому, что Лори уже спит, – сказал я.

В ответ она запрыгнула на диван и улеглась дюймах в шести от меня.

– Мне нужны обе руки, чтобы разбирать материалы, так что извини, никак не могу тебя погладить, – сказал я.

Она наклонила голову, словно была озадачена тем, что я говорю. Здесь надо заметить, что наклон головы у Тары самый изящный, какой мне только доводилось видеть. Если бы «наклон головы» считался олимпийским видом спорта в восьмидесятые годы, даже судья из Восточной Германии дал бы ей десять очков.

Затем Тара придвинулась ко мне вплотную и устроилась, положив голову мне на бедро. Это была явная попытка напроситься на ласку, и я видел это за километр.

– Неплохая попытка, – сказал я. – Но ты меня не убедила.

Она лизнула мою руку, и в конце концов я сдался и провел следующий час, читая и глядя ее, пока мы оба не заснули.

С Кевином мы встретились в здании суда в девять утра и снова принялись обсуждать, как лучше повести себя с Ником Сабонисом, первым свидетелем, который связывает Лори с преступлением. Очень важно заставить присяжных сомневаться в его словах.

Первый вопрос Дилана относился к событиям ночи убийства, когда Ник был вызван на склад, и к действиям, которые он предпринял. Действия были стандартные и выполнены были хорошо – тут ничего не скажешь, но к Лори все это не имело никакого отношения.

Затем Дилан перешел к сути, и вопрос его относился к тому дню, когда Лори по моему заданию отправилась искать улики, которые, по словам Стайнза, он оставил позади стадиона Хинчклифф.

– Она находилась там всего несколько секунд, прежде чем направилась прямо к одежде и ножу, – сказал Ник.

– И вам показалось, что она знала, где находится то и другое? – спросил Дилан.

– Да, – кивнул Ник, – мне именно так и показалось.

– Вы определили, кому принадлежала одежда?

– Это была одежда обвиняемой, мисс Коллинз.

Я мог оспорить этот пункт, но у обвинения были данные анализа ткани и квитанции о продаже, и в данном случае протест привел бы к поражению. Нечего было пытаться доказать, что одежда не принадлежала Лори, тем более что она ей принадлежала.

– А пятна крови? Была ли это кровь подзащитной?

– Нет, анализ ДНК показывает, что кровь на одежде подзащитной принадлежала Алексу Дорси.

Дилан задал вопрос о канистре с горючей смесью, найденной в гараже Лори, а затем перешел ко второй части уравнения – Оскару Гарсии, заставив Ника сказать о ненависти, которую Лори питала к Оскару. Позже он дополнит это показаниями других свидетелей, чтобы подтвердить, что Лори испытывала ненависть, и упомянуть о том, что она была замечена возле дома Оскара.

Дилан, кажется, удивился, что я больше не протестовал, хотя добрая половина сказанного была основана на слухах. Кевин тоже был удивлен. Однако я чувствовал, что все это информация, которую присяжные и так сочтут правдой. А я не хотел, чтобы казалось, будто я пытаюсь скрыть правду, особенно потому, что я не мог этого сделать.

Наконец Дилан закончил задавать вопросы Сабонису и переадресовал его мне.

Я всегда считал, что суд не начался, пока не начались перекрестные допросы.

– Лейтенант Сабонис, вы знали Алекса Дорси довольно хорошо, не так ли?

– Мы работали вместе.

– Это был бы хороший ответ, если бы вопрос звучал так: «Как вы с Алексом Дорси работали?» Тогда вы ответили бы: «Мы работали вместе», и мы могли бы продолжать. Проблема в том, что вопрос звучал иначе, и я надеюсь, эта проблема не будет повторяться. – Я сделал паузу. – Я не слишком быстро говорю?

Дилан высказал протест против моего тона, однако Сабонис пропустил выпад мимо ушей. Он был опытным свидетелем и не собирался позволять мне втянуть его в ссору.

– Да, я знал его довольно хорошо, – сказал он.

– И когда той ночью вы увидели тело, вы были расстроены, что человек, с которым вы вместе работали и которого так хорошо знали, погиб?

– Я еще не знал, что это он. Он был обезглавлен, а тело серьезно пострадало от огня.

Я кивнул.

– Значит, его невозможно было опознать из-за состояния тела?

– Я не смог. Потребовался анализ ДНК. – По самодовольному тону Сабониса было видно, что он рад, что ему удалось вставить слово насчет ДНК. Он, вне всяких сомнений, думал, что это сделает мои дальнейшие вопросы по поводу тела беспредметными.

– Да, – сказал я, – мы дойдем и до этого. Значит, если бы не были проведены последующие научные изыскания, вы до сих пор не знали бы, кто был тот несчастный?

– У него на пальце было особое кольцо, которое я заметил в море. Я видел это кольцо раньше на пальце Алекса.

– То есть вы хотите сказать, что смогли опознать обезглавленное тело по кольцу на пальце, я правильно вас понимаю?

– Я хочу сказать, что кольцо указывало на то, что это с большой вероятностью тело Алекса Дорси.

Я взял кольцо, которое Дилан представил в качестве улики, и вручил его Нику.

– Вы узнаете это кольцо? Это то же самое кольцо, которое было на его пальце в ту ночь?

– Да, – кивнул он, – думаю, это оно.

– Не могли бы вы примерить его?

Ник надел кольцо на палец и посмотрел на меня, будто ждал, о чем я еще его попрошу.

– Алекс, мы так беспокоились о тебе, – сказал я, вздохнув с притворным облегчением. – Нам сказали, что ты погиб.

Топор сделал мне предупреждение даже раньше, чем Дилан успел возразить.

– Прошу прощения, ваша честь, – сказал я, затем вновь повернулся к Сабонису. – *Вы и есть* Алекс Дорси, не так ли? – спросил я.

Дилан подпрыгнул.

– Протестую, ваша честь! Это несерьезно. Защите известно, кем является свидетель.

– Принимается, – сказал Топор, глядя на меня так, что я, кажется, задымился. – Будьте осторожны, мистер Карпентер.

Неустрашенный, по крайней мере, не до конца уstraшенный, я попытался снова.

– Указывает ли кольцо на то, что вы с большой вероятностью Алекс Дорси, раз оно надето на ваш палец?

Дилан снова запротестовал, но на сей раз Топор отклонил протест.

– Нет, не указывает.

– Однако то же самое кольцо, будучи надетым на палец обезглавленной жертвы, которую невозможно было опознать, каким-то образом навело вас на мысль, что жертва скорее всего Алекс Дорси? Я вас правильно понял?

– Это не единственное доказательство, на которое мы опирались. Вы можете обратиться к результатам анализа ДНК.

Теперь была моя очередь злиться.

– Вы уже второй раз упоминаете ДНК, как будто мистер Кэмпбелл вас об этом специально попросил. Он вам что, леденец обещал, если вы сделаете то, что он скажет?

Я заметил вспышку гнева в глазах Сабониса и понял, что не зря задал этот вопрос, хотя Топор немедленно принял протест Дилана.

Я сменил темп и обрушил на него поток вопросов.

– Вы лично проводили анализ ДНК, лейтенант?

– Нет.

– Вы являетесь экспертом по ДНК?
– Нет.
– Вы бы опознали молекулу ДНК, если бы она вошла в этот зал, села за стол обвинения и пропела: «Ну-ка, что я за молекулярная цепочка?»

Дилан снова запротестовал, и я сменил тему. Я люблю перепрыгивать с темы на тему, чтобы свидетель не успевал сосредоточиться.

– Вы сказали, что мисс Коллинз недолюбливала Оскара Гарсию, что она ненавидела его. Известна ли вам причина этой ненависти?

– Мне говорили, причина в том, что Гарсия посадил на наркотики дочь подруги мисс Коллинз.

– Когда это было?

– Точно не знаю. Думаю, около двух лет назад.

– Мистер Гарсия когда-нибудь подавал жалобу, что мисс Коллинз нападала на него? Пыталась его убить?

– Нет.

– Значит, она вынашивала свою чудовищную ненависть в течение двух лет и за все это время ни разу не обезглавила его? И ни разу не сожгла?

– Нет.

Я усилил напор.

– В течение этих двух лет Оскар Гарсия находился под какой-либо защитой? Может быть, к нему был приставлен отряд полиции, дабы исключить возможность того, что мисс Коллинз доберется до него?

– Он не находился под защитой полиции.

– Не знаете ли вы, имеет ли мисс Коллинз лицензию на ношение оружия?

– Имеет, – кивнул он.

Я быстро переменил атаку.

– Как вы оказались за стадионом Хинчклифф, когда туда приехала мисс Коллинз?

– Мы получили информацию, связывающую ее с убийством Дорси. Мы организовали наблюдение, и она привела нас к стадиону, – сказал он.

Я повел себя так, будто был удивлен его ответом, хотя на самом деле не был.

– От кого исходила эта информация?

– Это был анонимный телефонный звонок.

Я кивнул.

– Ранее вы утверждали, что получили от анонимного информатора сведения, связывающие Оскара Гарсию с убийством Дорси. Это что, какой-то волшебный анонимный информатор, который указывает на того, на кого вам удобно?

Дилан запротестовал, и Топор принял протест – кажется, это начинало входить в систему. Я переформулировал вопрос.

– Правильно ли я понимаю, что все ваши усилия по расследованию этого дела сводились к тому, что вы сидели перед телефоном и ждали анонимного телефонного звонка?

– В анонимных звонках нет ничего необычного. Люди часто многое знают, но не хотят, чтобы их личности были известны.

– И иногда информация бывает верной, а иногда – ложной?

– Да.

– Лейтенант Сабонис, просил ли я вас поднять досье на мисс Коллинз до того, как сегодня вас вызвали свидетелем?

– Да, просили.

– Спасибо. Не могли бы вы рассказать присяжным, как часто детектив Коллинз была замечена в каких-либо превышениях служебного положения?

– В ее досье нет указаний на это.

– Были ли случаи, что она находилась под следствием, но не была признана виновной?

– Нет.

– Было ли в ее досье что-нибудь, что каким-либо образом указывало на ее способность совершить такую жестокость, как это убийство?

Сабонис окинул меня невозмутимым взглядом. Он был в ярости и мог наговорить чего-нибудь, но не стал.

– Нет, не было.

На этом я поставил точку, и Дилан попытался затереть те дыры, которые я пробил в его версии. Затем был перерыв на ленч. И Лори, и Кевин, и я – все мы были рады показаниям Сабониса. Нам удалось заронить весьма серьезные сомнения в той области, где и без того автоматически должны были возникнуть сомнения – мог ли человек вроде Лори совершить столь жуткое преступление.

Мы с Кевином быстро подготовились к следующему свидетелю Дилана. Это была начальник полицейской лаборатории, Филлис Дэниелс, которая должна была свидетельствовать по поводу результатов теста на ДНК. Она была нашим ключом к тому, чтобы поставить под сомнение надежность теста на ДНК, и, думаю, у нас были основания надеяться на удачу. Маркус при некоторой неофициальной поддержке Пита Стэнтонa обнаружил некоторую полезную для нас информацию, касающуюся лабораторной практики.

Двадцать лет назад Филлис Дэниелс была техником в полицейской лаборатории, не слишком хорошо образованным, однако именно она предвидела, что зарождавшаяся тогда наука о ДНК принесет огромные плоды в полицейских расследованиях. Она успешно обзавелась всем необходимым, чтобы стать экспертом, и таким образом сделала быструю карьеру – по крайней мере, настолько быструю, насколько это возможно для ученого в полицейском департаменте Паттерсона.

Мне уже приходилось сталкиваться с Филлис в некоторых предыдущих делах. Она могла быть довольно занудной и обожала демонстрировать свой профессионализм, но ее знания и честность в самом деле подкупали. В руках Дилана она была выдающимся свидетелем, который не оставит ни у кого никаких сомнений в том, что ДНК из сожженного тела абсолютно идентична ДНК, обнаруженной в крови, которую Дорси сдавал в полицейской лаборатории. Дача свидетельских показаний проходила без всяких неожиданностей, и у меня не было никаких намерений бросать вызов.

– Мисс Дэниелс, вы утверждаете, что образец крови лейтенанта Дорси находился в 21-м кабинете полицейской лаборатории. Как охраняется этот кабинет?

– Там всегда сидит человек за конторкой на входе в кабинет. Двадцать четыре часа в сутки.

– Этот человек вооружен?

– Нет, это штатская работа. Но всякий входящий обязан расписаться.

– Ответьте, если знаете: кабинет, где хранятся улики, охраняется так же?

– Нет, – сказала она. – Хранилище улик охраняется вооруженным офицером.

– Как по-вашему, вооруженный офицер – более эффективная охрана, нежели штатский наблюдатель?

– Да, думаю, да.

– Кто имеет право входить в 21-й кабинет, расписавшись?

– Офицеры полиции, которым требуется доступ к материалам, хранящимся в этом кабинете.

– Спасибо, – сказал я. – И еще одно: вы утверждаете, что ДНК в крови, помеченной как кровь лейтенанта Дорси, соответствует образцу крови в данном деле. Я правильно понимаю?

– Да.

– Позвольте сделать предположение. А что, если образец крови в лаборатории был заменен или неверно помечен, а на самом деле кровь не принадлежала лейтенанту Дорси? Тогда и тело, обнаруженное на складе, не могло ему принадлежать. Верно?

– Это совершенно верно. Однако я своими глазами видела пробирку, когда делала тест.

Я продемонстрировал лист записей из лаборатории и попросил ее прочесть отдельную его часть. Из этих записей явствовало, что Алекс Дорси дважды посещал лабораторию в

течение трех недель перед своим исчезновением.

– Нет ничего необычного в том, что он заходил туда, – сказала она. – Офицеры постоянно туда заходят.

– Если он заходил туда для того, чтобы подменить образец крови на другой, который специально для этих целей принес с собой, – мог он это сделать?

– Полагаю, это возможно, – нехотя ответила она.

– То есть вы считаете такое предположение *обоснованным*! – спросил я.

Это было слово, отягощенное особым смыслом: если мне удастся доказать, что существуют обоснованные сомнения в принадлежности крови Алексу Дорси, значит, мы на правильном пути. Как Дилан может доказать, что Лори убила Дорси, если он даже не может избежать обоснованных сомнений в том, что Дорси вообще мертв?

– Я не могу дать вам точный ответ. – Это было самое большее, что она могла допустить.

– А что, если бы вы услышали свидетельство жены лейтенанта Дорси, которая показала, что ее муж планировал фальсификацию своей смерти? Было бы в таком случае обоснованным подозрение, что он мог заменить образец крови?

– Предполагаю, что оно было бы обоснованным.

– Благодарю. И еще раз, чтобы расставить точки над «i»: если кровь была подменена, если это не была кровь Дорси, тогда это означает, что тело тоже не Дорси? Я правильно понимаю? – повторил я ради эффекта.

– Да.

Я отпустил ее с кафедры, едва сдерживая желание заорать: «Наша взяла!» У нас был на удивление продуктивный день, и свидетельство тому было отпечатано на лице Дилана.

Выйдя из зала суда, я остановился на достаточно длительное время, чтобы дать мини-пресс-конференцию, во время которой позволил себе немного злорадства. Вопросы сами по себе свидетельствовали о том, насколько удачным этот день был для нас: репортеры хотели знать, допускаю ли я, что Топор снимет обвинения, когда прокурор закончит излагать свою версию. Я этого не допускал, но не мог же я в самом деле мешать распространению такого слуха.

Мы, как обычно, заседали в гостиной вечером, и я сделал все возможное, чтобы немного умерить всеобщий энтузиазм. Лори и Кевин умом вполне понимали, что сегодня мы выиграли битву, однако до окончательной победы в этой войне еще далеко, и провозгласить ее могут только присяжные. И все же мы так привыкли к неприятным новостям, что нынешнее радостное возбуждение было вполне объяснимо.

За обедом Лори произнесла тост за своих замечательных адвокатов, и поскольку не поддерживать тост – плохая примета, я присоединился. Я вставил свой тост – за Барри Лейтера, в некотором смысле для отрезвления. Кевина я еще никогда не видел таким счастливым, и мне пришлось потратить некоторое время, чтобы немного успокоить их обоих, дабы мы могли приступить к планированию работы с завтрашними свидетелями.

Я почти успел подготовиться к завтрашнему дню, когда нарисовался Уилли Миллер. Он объяснил, что собирался позвонить мне и выяснить, не поступало ли встречное предложение по его делу (оно не поступало), но когда услышал по радио сегодняшние хорошие новости о нашем деле, решил зайти. И с ним был Бакс, чудо-пес.

Бакс ходил за Уилли повсюду, и Уилли уверился, что Бакс – самая умная и замечательная собака за всю историю мира. Поскольку общеизвестен факт, что самой умной и замечательной собакой за всю историю мира является Тара, я точно знал, что его претензии чрезмерны, но позволил ему оставаться в блаженном неведении. Тем более, что Бакс был действительно довольно милым псом и, кажется, понравился Таре.

К сожалению, Уилли тоже подхватил вирус всеобщего энтузиазма. Не имея никакого понятия о происходящем, он, однако, убежденно заявил Лори, что до ее оправдания остались считанные дни. Таким образом, он свел на нет все мои усилия заставить команду

успокоиться и мыслить по существу. И Лори уже собиралась принести праздничные шляпы, когда я наконец убедил Уилли взять Бакса и Тару и выйти во двор поиграть с ними, чтобы мы могли снова углубиться в работу.

Уилли повиновался, взял пару теннисных мячей и летающую тарелку и повел собак на свежий воздух. Мы с Кевином попытались углубиться в бумаги, но через несколько минут я заметил, что Лори смотрит в окно и неодобрительно качает головой.

– Посмотрите только, что они делают с моими овощами.

Я вздохнул и подошел к окну. В дальнем конце двора Бакс яростно копался в огороде Лори. Не думаю, чтобы это было так уж важно.

– Похоже, нам снова придется покупать базилик в супермаркете, как все в городе, – сказал я.

– Да ты что, Энди?! Я же столько сил вложила в этот сад! – расстроилась Лори.

Я разозлился, что пришлось прерваться, но делать было нечего – надо спасать овощи и старания Лори. Я сказал Кевину, что сейчас вернусь, и устремился во двор.

Когда я вышел из дома, Уилли направился ко мне, и его физиономия была непривычно мрачной. Он вел Бакса на поводке, и я заметил, что у пса весь нос в земле от копания.

– Энди, – сказал Уилли, – тебе бы лучше дотопать дотуда...

Я почувствовал – считай, испугался, – что с Тарой что-то случилось. Но Уилли повернулся и побежал обратно к огороду – Тара стояла там, и с ней все было в порядке.

Уилли махнул рукой в ту сторону, где рылся Бакс, и я понял, из-за чего он так расстроился. Там было зарыто нечто – нечто хорошо сохранившееся, заботливо завернутое в блестящий пластик.

Это была голова Алекса Дорси.

* * *

За всю свою жизнь я не видел ничего более омерзительного, чем эта отрезанная голова в пластиковом мешке. Мне хватило одного взгляда, но до конца жизни зрелище врезалось в мою память. Я повернулся и направился обратно к дому, попросив Уилли остаться в саду и никого туда не пускать. Я вошел в дом и рассказал Лори и Кевину, что увидел, и потом мы просто сели и сидели молча, ожидая, когда появится Пит.

В течение пяти минут у меня во дворе собрался целый полицейский конгресс. Здесь был Пит, а также Ник Сабонис и почти все полицейские департамента, вне зависимости от звания. Заодно и Дилан заявился и вел себя так, будто он тут главный. Взгляд его был мрачен и серьезен – так он пытался скрыть свое ликование по поводу поворота событий.

Я рассказал Нику, что произошло, честно отрицая всякую осведомленность насчет того, как голова попала в огород. Я вспомнил, что Тара несколько ночей назад лаяла на кого-то в направлении огорода – возможно, именно тогда голова и была зарыта. Мне, конечно, не поверили и даже не попытались допросить Лори, прекрасно понимая, что я этого не допущу.

Полицейские эксперты провели около моего дома еще около двух часов, а детективы отправились опрашивать моих соседей. Голову уже увезли на машине «скорой помощи», хотя, боюсь, пытаться спасти ее было уже поздно. Не знаю, как насчет наших продвинутых медиков, но я бы и за миллион долларов не согласился делать ей искусственное дыхание.

Перед тем как уехать, Ник сказал, что патологоанатом исследует отрезанную голову сегодня же вечером, и Кевин отправился в морг, чтобы сразу же получить результаты вскрытия. Когда все разъехались, мы с Лори поднялись наверх, но не ложились, ожидая его звонка.

Кевин позвонил меньше чем через час.

– У нас проблемы, – сказал он. – В официальном заключении говорится, что голова отделена от тела, сожженного на складе, и это, естественно, означает, что время смерти

совпадает. Кроме того, там сказано, что удар был нанесен со спины – возможно, убийца ударил сзади.

Это была вся информация, которую он раздобыл, и у меня почти не было вопросов. Мы оба прекрасно понимали, что дело висит на волоске. До сих пор все наши усилия были сосредоточены на том, чтобы обосновать возможность фальсификации смерти Дорси, поставить под сомнение тот факт, что тело, найденное на складе, принадлежит ему. Мы сделали на это ставку, успели завоевать доверие присяжных, а теперь это доверие рухнет и скорее всего никогда не восстановится.

Заявление Лори о том, что Дорси звонил ей, как теперь выяснилось, задолго после своей смерти, еще больше усложняло ситуацию. Присяжные сделают логический вывод, что она лгала, и, следовательно, будут сомневаться во всем, что бы она ни сказала. И что бы ни сказал ее адвокат.

Это полный провал.

Я рассказал Лори, что мы выяснили, и она восприняла новости спокойно, почти смиренно. Она была достаточно умна, чтобы понимать, что это значит для нашего дела и что Дилан будет делать с этим открытием.

И только когда мы легли в постель, она призналась, о чем думает.

– Энди, почему ты не спросишь меня – может быть, я и правда его убила?

– Лори... – начал я, но она перебила меня:

– Ты говоришь, что в этом деле все указывает на то, что меня подставили. Но ведь еще логичнее все указывает на то, что я действительно сделала это.

– Лори, это бессмысленный разговор. Нам нужно сосредоточиться на том, что по-настоящему важно. Я знаю, что ты его не убивала.

– Откуда? – Ее глаза сверлили меня, как пара лазерных лучей.

Я вздохнул – но что мои вздохи против лазерных лучей?

– Энди, – настаивала она, – откуда ты знаешь, что я невиновна?

– Просто знаю, и все.

Она покачала головой.

– Этого мало, – сказала она. – Мне нужно услышать факты – факты, которые заставляют тебя верить в мою невиновность.

Я не хотел отмахиваться от нее, а значит, придется поговорить об этом.

– Ладно. Ты посылала Стайнза, чтобы нанять меня?

Я продолжал, прежде чем она успела ответить, – вопросы следовали один за другим, благо рядом не было прокурора, чтобы протестовать.

– Ты посылала сама себя искать свою же собственную одежду, измазанную кровью? Ты просила меня представлять Гарсию в суде? Это ты убила Барри Лейтера? Факты, черт возьми, на твоей стороне, Лори. Просто я единственный, кому они известны.

Она помолчала с минуту, потом сказала:

– Спасибо тебе. У нас все получится.

Она поцеловала меня, отодвинулась и вскоре заснула. Ох уж эти женщины...

Мне в те дни не удавалось засыпать так легко, как обычно, а уж в эту ночь тем более. Вместо того, чтобы считать овец, я считал улики и так и этак подгонял новую информацию под свою теорию, гласящую, что «ничто не случайно».

Мне никак не удавалось понять, зачем нужно отрубать жертве голову, а затем тратить силы на сожжение тела. Однако в свете сегодняшних событий можно было допустить, что смысл этих действий состоял как раз в том, чтобы вызвать у нас сомнения в принадлежности тела Дорси.

Конечно, просто отрезать голову было мало – нашлись бы другие особые приметы на теле, по которым можно было опознать Дорси – например, шрамы, бородавки или какая-нибудь особая татуировка...

Я подпрыгнул на постели, вскочил и побежал в офис, где принялся лихорадочно копаться в папках, пока не нашел материалы, относящиеся к Стайнзу. Я нашел то, что

искал, – протокол вскрытия. И, что гораздо важнее, фотоотчет о вскрытии.

Патологоанатом упоминал, что на теле Стайнза была обнаружена татуировка, и я принялся искать, нет ли ее на фотографиях. Ну разумеется, она была там, где и указывал протокол – сверху на правом предплечье. Однако даже сквозь увеличительное стекло я не мог разглядеть деталей, такой маленькой она была.

В свое время, в решающий момент дела Уилли Миллера, мне пришлось звонить Винсу Сандерсу, чтобы воспользоваться хитрыми приборами в офисе его газеты и увеличить фотографию, на которой я затем смог разглядеть номерной знак автомобиля. Тогда Винс весь исстрадался, как ему это неудобно, и это было в шесть часов вечера. Сейчас два часа ночи. И я собирался звонить ему, зная, что если бы был способ убийства по телефону, он бы меня убил.

Я позвонил Винсу домой, и через три гудка он снял трубку.

– Какого черта тебе надо, Энди? – возопил он.

– А как ты догадался, что это я? – сказал я, хотя понимал, что у него, должно быть, стоит определитель номера.

– Следующий вопрос, – великодушно ответил он.

– Ты не мог бы встретиться со мной в офисе твоей газеты? Я знаю, что уже поздно, но мне очень нужна твоя помощь.

– Не так она тебе нужна сейчас, как будет нужна, если я с тобой встречусь, – зарычал он.

Я выложил свой единственный козырь:

– Винс, это может сыграть решающую роль в защите Лори.

– Даю тебе двадцать минут, – смягчился он. – Поезжай на Маркет-стрит.

– Зачем?

– Когда доедешь до угла Маркет и Мэдисон – поймешь, – сказал он и повесил трубку.

Я быстро оделся, оставил Лори записку на случай, если она проснется и будет меня искать, и направился в офис Винса. Чтобы не приходить беззащитным, я остановился возле «Данкин донатс»⁷ на углу Маркет и Мэдисон. А поскольку встреча должна была продлиться всего двадцать минут, купил шесть пончиков с джемом и шесть глазированных.

Тот факт, что Винс согласился встретиться со мной в такой час, красноречиво свидетельствовал о личности Лори. Винс Сандерс, Пит Стэнтон, Кевин Рэндалл, Маркус Кларк, Энди Карпентер... все мы знали, что за человек Лори и чего она достойна. И если мы хоть чего-то стоим, то, клянусь, она и дня не проведет в тюрьме.

Винс запихал пончик целиком в рот, взял фотографию и понес ее в комнату, набитую огромными машинами и людьми, обслуживающими всю эту технику. Всего за несколько минут работа была завершена, он вынес мне увеличенную фотографию и выложил передо мной на стол.

Теперь татуировка Стайнза была по меньшей мере втрое крупнее, чем на первоначальной фотографии. Я не знал, что надеюсь там увидеть – может быть, имя или еще что-нибудь, что может стать ключом к разгадке тайны его личности. Разглядеть изображение было все равно трудно, но, кажется, моим надеждам не суждено было оправдаться.

– И что это за чертовщина? – спросил я.

Винс с отвращением покачал головой.

– Ты что, один из этих хиппующих хитрожопых умеренных либералов, пораженцев, дерьмовых ублюдков-пацифистов?

– Почти, – кивнул я.

– Это перекрещенные стрелки. Твой пацан – десантник из войск особого назначения.

⁷ Сеть закусочных быстрого обслуживания, в которой продаются фирменные пончики (более 50 видов) и кофе.

Зеленый берет.⁸

Коли так, это может быть полезно.

– Это точно?

Винс фыркнул и указал на свое правое колено.

– Еще бы не уверен. Если бы это проклятое колено не шутило со мной шулки, я бы бил коммунистов бок о бок с твоим дружком.

Я указал на его другое колено.

– А мне казалось, что у тебя левое колено шалит.

Он кивнул без тени смущения.

– Это часть их шалостей.

Я поблагодарил Винса, и когда уже уходил, он меня потряс своим великодушием, предложив пончик с джемом. Таковы толстяки: чем толще, тем добрее.

Добравшись домой, я перехватил три часа сна и поднялся в шесть утра, чтобы позвонить Кевину и сообщить, что мы должны найти способ пробить Стайнза, или как там его настоящее имя, через данные по десантным войскам.

– Без проблем, – ответил он. – Я позвоню своему шуруину.

Оказалось, что шурин Кевина – подполковник Франклин Прентис, чье подразделение расквартировано на военно-морской базе Форт Джексон, Южная Калифорния. Не то чтобы Кевин часто имел с ним дело, но случилось так, что он оказал ему некоторые услуги в сфере законности, за которые подполковник Прентис был бы рад отплатить. Это была улыбка фортуны – первая за все время, что мы работали над этим делом.

Мы договорились, что Кевин потратит день на раскрутку этого следа, и мне, неумехе, придется в одиночку выступать в суде. А если удастся отложить слушания на день, то это будет еще одна большая удача.

Дилан, воодушевленный событиями вчерашнего вечера, настроен был воинственно. Прежде чем вошли присяжные, он сообщил Топору о новых находках и попросил разрешения пересмотреть как общий список свидетелей, так и порядок их вызова. Он хотел, чтобы присяжные сразу узнали о провале защиты. Я возражал, но Топор не внял моим молитвам и выбралил меня.

В качестве первого свидетеля Дилан вызвал полицейского, который вчера был у меня дома, чтобы тот описал имевшие место события. Присяжные, кажется, не были очень уж удивлены, и это свидетельствовало о том, что они пренебрегали многократными увещеваниями Топора избегать средств массовой информации в течение слушаний. Обнаружение головы Дорси на территории моей частной собственности было главной новостью сегодняшнего утра.

Следующим свидетелем в списке Дилана был мой сосед Рон Шелби, который неохотно подтвердил, что видел, как Лори копается в огороде. Когда настала моя очередь задавать вопросы, я вынудил его признать, что он видел только, как она сажает там семена, а не головы. Затем я спросил:

– Не помните ли вы, когда в последний раз видели, что моя подзащитная вскапывала огород?

Он ненадолго задумался.

– Точно не припомню. Может, пару месяцев назад. Трудно вспомнить. Ну, то есть тогда мне это не казалось чем-то необычным.

– Это было днем? – спросил я.

– Да, разумеется. И еще я в будни работаю, так что это был выходной. – Он явно

⁸ Зеленые береты – войска особого назначения; десантно-диверсионные войска. Подразделения для специальных операций в составе сухопутных войск. Основные функции: проведение контрпартизанских операций (в частности в странах Латинской Америки) и обучение военнослужащих дружественных армий приемам проведения специальных операций.

старался быть полезным.

– Мисс Коллинз действовала скрытно? Как будто пытались что-то спрятать?

Он покачал головой.

– Нет, она помахала мне рукой, а потом мы немного поболтали.

– Не заметили ли вы каких-либо странностей в ее поведении? Может быть, вы почувствовали, что что-то не так?

Шелби понял, к чему я клоню.

– Нет, сэр. Она была очень милой. Она вообще очень хороший человек.

Дилан запротестовал, но Топор отклонил протест. Я закончил предположением:

– Мистер Шелби, если бы вы пытались спрятать нечто важное, вы стали бы делать это посреди бела дня в выходной, когда все соседи смотрят на вас?

Шелби сказал, что, конечно, никогда бы так не поступил, и я отпустил его. Я добился некоторого успеха, но Дилана, кажется, это совершенно не беспокоило – главным образом потому, что его следующим свидетелем был патологоанатом, доктор Тайлер Лэнсинг.

Доктор Лэнсинг был уже в возрасте и вскоре должен был выйти в отставку, которая завершила бы его вполне удачную карьеру. Он, без сомнения, провел в судах больше времени, чем я, и если в природе существовало такое чудо, как действительно невозмутимый свидетель, то он был именно таким.

Дилан попросил его представить свое заключение относительно времени смерти и того факта, что отрезанная голова и сожженное тело принадлежали одному и тому же лицу. Лэнсинг также упомянул и то, что убийца ударил сзади, а это означало, что Лори могла убить Дорси без предварительной борьбы, что в глазах присяжных выглядело довольно правдоподобно.

Любой присутствующий в суде при наличии головного мозга в рабочем состоянии знал, что показания Лэнсинга точны и достоверны, и присяжные, без сомнения, осудили бы любого, кто попытался бы заставить их поверить в обратное. И слава Богу, потому что у меня хватало ума не пытаться.

– Мистер Лэнсинг, – начал я, – вы утверждаете, что голова, извлеченная из земли прошлым вечером, была отделена от туловища приблизительно три месяца назад?

– Именно так, – кивнул он.

– Возможно ли было определить по лицу, что голова принадлежала Алексу Дорси?

– Да, возможно.

– Почему же разложение практически не затронуло лицо?

– Голова была герметично упакована в пластик, – сказал он.

– Она была завернута в пластиковый мешок?

– Нет, герметизация была проведена более тщательно. Это был толстый пластик, скрепленный и запаиванный на кромках.

– Следовательно, целью этой герметизации было сохранение от разложения? Консервация головы?

Дилан выразил протест:

– Ваша честь, свидетель не может знать, каковы были мотивы убийцы.

– Принимается, – сказал Топор.

Я предпринял новую попытку:

– Известно ли вам, для чего еще может быть использован пластик, кроме как во избежание разложения?

Он пожал плечами.

– Он также предохраняет от загрязнения.

– И в результате голова сохранилась настолько, что лицо поддается опознанию?

– Да. Разумеется.

– Позвольте мне резюмировать ваши слова и скажите, прав ли я. Убийца обезглавил и сжег тело, в результате чего его опознание представляло определенные трудности. Затем убийца запаковал голову в герметичный пластиковый пакет, таким образом сохраняя ее от

разложения, чтобы обеспечить опознание. Я правильно понимаю?

– Да.

– И после этого тело было оставлено в таком месте, которое не имело очевидной связи с подзащитной, но голова была помещена в такое место, которое было напрямую связано с ней?

Дилан запротестовал, заявив, что это выходит за рамки судебно-медицинской экспертизы. Топор принял протест, но я уже сказал то, что хотел. И, несмотря на протест, я вогнал последний гвоздь:

– Доктор Лэнсинг, насколько хорошо вы знали мисс Коллинз, когда она служила в полиции?

– Я бы сказал, довольно хорошо.

– Она казалась вам хорошим полицейским? Неглупым человеком?

Он кивнул.

– В том, что касалось нашей совместной работы, да.

– Если допустить, что она обладает нормальным здравым смыслом и хорошим знанием методов полицейского расследования, не считаете ли вы, что версия обвинения ошибочна, поскольку действовать в соответствии с ней мог только человек глупый и склонный к самоистреблению?

– Протестую, ваша честь! – заявил Дилан, но Топор перебил:

– Свидетель может отвечать.

– Да, так может показаться. Но, с другой стороны, хотя это и не входит в мою компетенцию, я могу сказать, что есть люди, которые совершают преступления, желая при этом быть пойманными и понести наказание.

– Хорошо, – сказал я. – Мы пришли к одному и тому же выводу.

– В самом деле? – удивился он.

– Да. Мы пришли к выводу, что кто бы ни совершил это преступление, он хотел, чтобы Лори Коллинз была схвачена и наказана.

* * *

В распоряжении подполковников всегда достаточно рабочей силы, которую можно использовать в случае необходимости. Поэтому шурина Кевина, подполковнику Прентису, удалось перезвонить нам и сообщить информацию всего через шесть часов после того, как мы ее запросили.

Кевин рассказал, что поскольку все записи о личности Стайнза были таинственным образом стерты, то наш доблестный подполковник поручил своим подчиненным сравнить его лицо с лицами всех, когда-либо служивших во Вьетнаме в войсках особого назначения. И сходство было обнаружено – под именем Стайнза скрывался Роджер Кэхилл, сержант 307-й дивизии подразделения Дельта. Он прослужил во Вьетнаме три года, проявив себя героем и заслужив три боевые награды.

Кевин попросил шурина поднять военное досье Алекса Дорси, но, к сожалению, Дорси и Кэхилл служили в разных подразделениях. На первый взгляд в досье Стайнза-Кэхилла не было никаких указаний на связь с Дорси, но мы поручили Маркусу прояснить этот вопрос. В общем, подводя итог, можно сказать, что у нас была новая информация, но пока недостаточная, чтобы это могло нам как-то помочь.

Я позвонил Дарену Хоббсу, особому агенту ФБР, на котором застопорились мои прежние попытки получить информацию о расследовании ФБР, касавшемся Дорси. Мне сказали, что он сейчас на встрече; пришлось удовольствоваться беседой с агентом Синди Сподек, подчиненной Хоббса, которая при нашей прошлой встрече успешно сопротивлялась моему очарованию.

На сей раз она была столь же индифферентна, но я и не пытался любезничать. Мне было наплевать, как она ко мне относится, мне нужна была информация. Я поведал ей то,

что стало известно о Кэхилле, и сказал о своем желании получить доступ к материалам расследования ФБР, чтобы узнать, проходил ли он там, не важно, как Кэхилл или как Стайнз.

К моему удивлению, она, кажется, заинтересовалась моими словами и задала несколько уточняющих вопросов. Но в конце концов сказала:

– Вы ведь понимаете, что я не могу санкционировать разглашение конфиденциальной информации Бюро. Это будет зависеть от особого агента Хоббса.

Это было как раз то, чего я ждал.

– Когда же я смогу поговорить с ним?

– Я передам ему вашу просьбу до конца дня.

Я оставил ей номер телефона и сказал, что буду ждать его звонка.

– Кто-то из нас перезвонит вам, – добавила она. – Но я должна вам сказать: советую продолжать расследование любыми другими путями, если они есть. Это не того рода информация, которой особый агент Хоббс готов поделиться.

Я снова попросил, чтобы он перезвонил мне, и она пообещала сделать все возможное. Она, казалось, сочувствовала мне, но вполне понимала наклонности человека, на которого работала. Я предполагал, что она права, и сомневался, что он мне перезвонит.

И всего через десять минут убедился в том, что снова ошибся. Зазвонил телефон, и на том конце провода был Хоббс собственной персоной.

– Энди? Это Дарен Хоббс. Что там насчет информации, которая вам нужна? – Его голос звучал дружелюбно, но слышно было, что он торопится. Однако раздражение успел подавить за считанные секунды.

– Да, это правда, мне нужна информация, – сказал я. – В мозаике появился новый кусочек. Парень по имени Кэхилл.

– Никогда не слышал о нем, – слишком быстро сказал он.

– Это не единственное его имя. Мне нужно знать, не фигурировал ли он в вашем расследовании деятельности Петроне и Дорси.

– Это закрытая информация, я вам уже говорил.

Этот мужик действовал мне на нервы, но злость не поможет мне справиться с ним.

– Да, вы говорили. Я надеялся, что вы передумаете.

Он коротко рассмеялся над абсурдностью моей надежды.

– Это невозможно.

Ну ладно, хватит ходить вокруг да около.

– Будем надеяться, что у судьи на этот счет иная точка зрения.

В мгновение ока его голос раскалился градусов до пятидесяти.

– Я не знаю, что вам известно обо мне, Карпентер, но если вообще что-либо известно, тогда вы должны знать, что мне невозможно угрожать.

– Я защищаю свою клиентку, – напомнил я, не скрывая сквозящего в голосе раздражения.

– Молодец.

Короткие гудки.

В течение тридцати секунд после того, как он повесил трубку, моя ярость переключилась с надутого сукина сына Хоббса на идиота Карпентера, адвоката-вредителя. Я только что окончательно испортил отношения с единственным человеком, у которого могла быть информация, способная спасти Лори.

Молодец, Энди. Отличная работа.

Я позвонил Кевину и дал ему задание подготовить для Топора ходатайство о принуждении Хоббса к раскрытию материалов расследования ФБР. Кевин был рад такому поручению: ходатайства такого рода – его сильная сторона, плюс это избавит его от необходимости явиться в суд завтра утром. Смотреть, как я второй день подряд играю в юридический аналог «Обмани дурака», увертываясь от сокрушительных ударов свидетелей Дилана.

Вообще-то «Обмани дурака» – не самая точная аналогия.

Мохаммед Али, используя этот прием в схватке с Форменом, поступал так намеренно. Я – нет.

У Али была стратегия. У меня – нет.

Али был окружен болельщиками, которые скандировали: «Убей его, Али! Убей его!» Я был окружен прессой – журналистами, пишущими передовицы, ведущими теленовостей, и все они, в сущности, кричали: «Карпендер, ты придурок! Карпендер, ты недоумок! Ты полный идиот!», что в переводе означает: «Карпендер, ты придурок! Ты полный идиот!»

Первым убийственным свидетелем Дилана в тот день был сосед Оскара Гарсии, который признал, что неоднократно видел Лори возле жилища Оскара. Я заметил, что находиться возле квартиры человека – вовсе не преступление, но даже это замечание легло в копилку Дилана.

Следующим был вызван бывший напарник Лори в полиции, детектив Стэн Нотон. Он, кажется, хотел бы оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда, и изредка бросал взгляды на Лори, извиняясь глазами за то, что произносили его губы.

Нотон подробно изложил историю о том, как Оскар снабжал наркотиками дочь подруги Лори и как Лори намеревалась прищучить Оскара за это. Это обеспечивало Мотив, с большой буквы, по крайней мере в отношении желания навесить на Оскара ложное обвинение в убийстве Дорси.

Поскольку Нотон явно симпатизировал защите, моя работа заключалась лишь в том, чтобы на перекрестном допросе подвести его к тому, к чему он и сам хотел. Я так и сделал, попросив его рассказать об образцовой службе Лори и высказать мнение о том, что она уравновешенный и порядочный человек, который не выносит насилия и никогда в жизни и близко не стоял к жестокости, присущей отдельным полицейским.

Тут объявился Кевин с ходатайством в руках, и я сказал Топору, что мы должны сделать важное заявление перед судом. Мы подали ходатайство, обеспечив Дилана копией, и Топор назначил прения на завтра, на девять утра.

Мы с Кевином собирались посидеть подольше, вырабатывая стратегию поведения на завтрашних прениях. Нам необходимо убедить Топора, что Кэхилл-Стайнз прямо относится к нашему делу и, вполне возможно, именно он, а не Лори, виновен в убийстве Дорси. В то же время мы должны заставить его поверить, что существует по меньшей мере обоснованное предположение, что материалы ФБР содержат информацию, которая способна оправдать Лори.

Я приехал домой раньше Кевина, и Эдна вручила мне всю почту, которая скопилась за последние три дня. В основном это были просьбы сделать пожертвование, и я ощутил легкий укол совести из-за того, что пренебрегал своими филантропическими деяниями все это время.

Пришло также письмо от Стивена Кейтса, моего противника в деле по гражданскому иску Уилли Миллера. Конверт оказался на удивление толстым, и когда я его открыл, то понял почему. В конверте было письмо на одной страничке, прикрепленное к длинному правовому документу. В письме сообщалось, что они согласны на наши требования и что, когда Уилли подпишет приложенное соглашение об уплате, они перешлют чек на сумму 11 миллионов 700 тысяч долларов.

Я был ужасно рад за Уилли, но настолько занят текущим судом, что сначала испытал раздражение оттого, что меня отвлекают от работы. Но все же если я немедленно не сообщу Уилли, это будет свинство по отношению к нему. Поэтому я попросил Эдну позвонить ему и пригласить его приехать.

Уилли приехал так быстро, что я подумал: уж не ждал ли он звонка Эдны прямо на лужайке перед моим домом? С ним как всегда был Бакс, который, по-видимому, предвкушал перспективу раскопок еще одной головы.

– Что новенького? – спросил Уилли.

– Мы получили официальный отклик от наших ответчиков.

– Да ты чё? – взволнованно воскликнул он. – У тебя пиво есть?
– Ты хочешь выпить, прежде чем услышишь ответ?
– Да нет, просто все хорошие новости в моей жизни я обязательно получал с бутылкой пива в руке. Каждый раз.

– Правда? – спросил я. – А как насчет того раза, когда присяжные объявили тебя невиновным и ты покинул камеру смертников?

Об этом случае он как-то забыл.

– Ладно, забудь о пиве. Что они сказали?

Я показал ему соглашение.

– Если ты подпишешь эту бумагу, тебе выдадут чек больше чем на одиннадцать миллионов долларов.

Уилли безмолвно пилился на меня секунд двадцать, потом до него дошло, он схватил Бакса на руки, посмотрел псу в глаза и заорал:

– Я ж говорил! Не, ну я ж тебе говорил!

А потом он заплакал. Не то чтобы разрыдался, но носом шмыгал вовсю, и слезы явно капали. Бакс, кажется, расстроился гораздо меньше, без сомнения, понимая, что скитания по улицам и отбросы на обед навсегда остались в прошлом, а впереди его ждут только пирожные от лучших кондитеров.

Уилли вновь повернулся ко мне, по-видимому, желая объяснить свою реакцию.

– Это все равно не возместит мне того, через что я прошел, понимаешь? Но это чертовски здорово.

Когда-то давно я говорил Уилли, что буду заниматься его делом за десять процентов, что гораздо ниже стандартных расценок. Но даже при этом на одном его деле я заработал больше, чем за всю свою юридическую карьеру.

Я засмеялся, осознав это, и повернулся к Кевину.

– Ты-то хоть понимаешь, что мы только что заработали больше миллиона комиссионных?

– В каком смысле «мы»?

– Ты в доле, получаешь половину, – сказал я.

– Энди, ты платишь мне сто пятьдесят долларов в час, – сказал неизменно честный Кевин.

Я энергично помотал головой.

– Не в этом деле. За это дело ты получаешь полмиллиона. Можешь купить те сушильные автоматы и стиральные машины тройной загрузки, на которые ты положил глаз, – я повернулся к Эдне, – а вы получаете две сотни.

– Долларов? – спросила она.

– Тысяч, – ответил я.

Тут в гостиную вошла Лори, и я отдал ей остаток суммы, дабы она могла оплатить услуги адвокатов. Через несколько минут мы все хохотали, не помня себя – краткая, но долгожданная передышка от все нарастающего давления, которое мы испытывали все эти месяцы.

Эдна позвонила кузену Фреду, назначив встречу для Уилли и для себя, чтобы распорядиться неожиданным богатством. Мы с Кевином вернулись к планированию стратегии на завтрашнее слушание. Учитывая наши шансы, мне, возможно, стоило сэкономить на Кевине и предложить полмиллиона Топору.

В суде мы встретились с Дареном Хоббсом, Синди Сподек и Эдвардом Петерсоном, федеральным адвокатом, представляющим интересы ФБР в суде. Хоббс игнорировал меня – он был, разумеется, все еще зол за угрозу сделать то, что я как раз и сделал – вызвать его в суд. Сподек тоже не замечала меня, без сомнения, беря пример со своего шефа.

Топор вызвал меня первым, напомнив, что я должен быть краток, поскольку он уже прочел наше ходатайство. Я пересказал все, что мне было известно о связях Дорси с

организованной преступностью и о расследованиях Отдела внутренних расследований и ФБР. Затем я рассказал о Кэхилле-Стайнзе, начиная с его визита ко мне в офис, «признания» в убийстве и сообщения об окровавленной одежде в кустах за стадионом и заканчивая убийством Барри Лейтера.

Думаю, мой рассказ был достаточно интригующим, если не сказать блестящим, но имел крайне отдаленное отношение к материалам ФБР. Было трудно скрыть правду: мы понятия не имеем, что в этих материалах, и наше желание ознакомиться с ними – не что иное, как хватание за соломинку.

И Дилан не заставил себя долго ждать, обнаружив это.

– Ваша честь, это просто попытка найти дополнительные улики, – сказал он. – Адвокат защиты излагает непроверенные данные, чтобы помочь своей клиентке. Даже если суд и поверит в их правдоподобие, чего я категорически не рекомендую, связь рассматриваемого дела с расследованием ФБР – не более чем предположение.

Затем Топор повернулся к Петерсону, государственному юристу, который представил позицию особого агента Хоббса по этому вопросу, а именно сказал, что в материалах следствия, касающихся Дорси, нет ничего, что может быть полезно любой из сторон в данном деле, а также что в них нет никаких упоминаний о Кэхилле-Стайнзе. Петерсон сделал особый акцент на том, что Хоббс – военный офицер, имеющий множество наград как за боевые заслуги, так и за службу в ФБР. И если верить Петерсону, нет никаких причин не верить ему на слово.

Но и на этом Петерсон не остановился.

– Детали этого расследования имеют некоторое касательство к государственной власти, – сказал он. – Эти незначительные новые данные никоим образом не могут повлиять на ход дела, однако их обнаружение может повлечь за собой множество новых судебных разбирательств. Материалы, о которых идет речь, по своей специфике должны храниться в тайне – многие из тех, кто сотрудничает с ФБР, делают это только на условиях полной секретности. Если их доверие будет подорвано, это полностью затормозит все дальнейшие расследования.

Но Топор, благослови Бог его душу, был непреклонен.

– Мы не говорим о публикации материалов следствия в «Нью-Йорк таймс», – отрезал он. – Мы говорим о том, что я просмотрю эти материалы в своем кабинете, без посторонних, и решу, имеют они отношение к данному делу или нет.

– При всем моем уважении, ваша честь, – возразил Петерсон, – агент Хоббс настаивает на том, что материалы не имеют ценности для дела.

– И он, возможно, прав. Однако он герой войны, а не судья. И это довольно хорошо уравнивает ситуацию, поскольку я как раз судья, но не герой войны. Я надеюсь, материалы у вас с собой?

– Как вы и распорядились, ваша честь, – кивнул Петерсон.

– Хорошо. Дайте их мне, я их изучу.

Петерсону оставалось лишь покорно кивнуть, а Хоббсу – встать и выйти. Сподек последовала за ним. Мы победили, но имела ли наша победа какой-то смысл, будет зависеть от того, что Топор обнаружит в материалах следствия.

* * *

Дилану оставалось лишь два-три последних штриха для завершения своей части дела. Для этих целей он пригласил нескольких второстепенных свидетелей, которые не сообщали никакой спорной информации и были вызваны лишь для подтверждения мелких фактов и тем самым для поддержки версии обвинения.

Первым свидетелем такого рода была оператор службы 911, которая приняла анонимный звонок, предупреждавший полицию о виновности Оскара Гарсии – информацию, ложность которой была доказана.

Запись разговора была прокручена в суде, хотя я, разумеется, и до того неоднократно ее слышал. Это был женский голос, до некоторой степени искаженный с помощью компьютера или другой электронной техники. Согласно теории Дилана, звонила Лори, и он подкреплял свою версию указанием на то, что звонившая называла Оскара злоумышленником. По мнению Дилана, это был термин, который с большой вероятностью использовал бы полицейский или бывший полицейский.

Я предоставил экспертное заключение, в котором говорилось, что современные возможности компьютеров дошли до таких высот, что изначальный голос звонившего мог быть женским, мужским или вообще утиным кряканьем. Поэтому нет никакого смысла задавать вопросы свидетелю обвинения – и отпустил ее с кафедры без перекрестного допроса.

Следующим был полицейский, который нашел пистолет Дорси в доме Гарсии во время обыска. Поскольку Оскар был оправдан и поскольку Лори была замечена возле его дома, этот факт подкреплял теорию, что она якобы подбросила ему пистолет, дабы против бедняги Оскара были неопровержимые улики.

И снова мне было нечего делать с этим свидетелем, кроме как заставить его подтвердить, что отпечатки пальцев Лори не были найдены в квартире Оскара. Я был уверен, что присяжные сочтут Лори, бывшего офицера полиции, достаточно сообразительной, чтобы не оставить никаких отпечатков, потому и не старался.

Триумфальный парад свидетелей продолжал Рафаэль Гомес, полицейский, который обнаружил в гараже Лори канистру с горючей смесью и подтвердил, что состав смеси тот же самый, что использовался для сожжения тела Дорси. И хотя это, несомненно, была правда, его показания хотя бы не дали мне проиграть всухую.

– Офицер Гомес, скажите, были ли найдены на канистре какие-либо отпечатки пальцев?

– Нет, сэр. Она была начисто вытерта.

– Да неужели? Значит, вы считаете мою подзащитную настолько глупой, чтобы оставить такую весомую улику в собственном гараже, но достаточно умной, чтобы вытереть с нее отпечатки пальцев?

– Ну...

Он колебался, и я поднажал:

– Может быть, она считала, что полиции не удастся определить, кому принадлежит этот гараж?

Он немного подумал и родил гениальный ответ:

– Может быть, она не вытирала канистру. Может, она была в перчатках, чтобы бензин не пролился ей на руки.

– Разве попадание бензина на кожу опасно? – спросил я.

– Нет, но некоторые люди...

Я перебил, и Дилан не стал протестовать, хотя мог.

– Где вы нашли перчатки?

– Мы не нашли никаких перчаток.

– Но вы же сказали, что полностью обыскали все помещения, – напомнил я.

– Верно, обыскали, но перчаток там не было. Может быть, она выбросила их, чтобы мы их не нашли.

– Выбросила перчатки и при этом оставила в гараже канистру?

– Я не знаю, почему она могла так поступить, – неуверенно ответил он.

– Вы бы поступили так же? – настаивал я.

– Я бы не стал никого убивать.

– В этом вы с мисс Коллинз очень похожи, – сказал я. – Больше нет вопросов.

С офицером Гомесом я проделал то же самое, что и со многими другими свидетелями Дилана, ни больше, ни меньше. Я показал, что Лори, совершив убийство, не могла сделать то, что ей приписывал Дилан, потому что это было абсолютно нелогично. Беда в том, что

присяжные вряд ли ожидали логики от убийцы, который обезглавил и сжег свою жертву. В сущности, я утверждал: «Она не могла быть убийцей, потому что человек, так ловко подставивший давнего врага, просто не мог оставить в своем гараже одну улику и самостоятельно привести полицию к другой. Это, по меньшей мере, странно». Но в данном случае странное вполне соответствовало преступлению и могло быть воспринято скорее как признак вины, а не как оправдание.

Последним свидетелем Дилана был капитан Рон Фрэнкс, отставной полицейский Паттерсона и, возможно, самый близкий друг Дилана среди полицейских. Несмотря на то, что Фрэнке ушел в отставку почти за два года до того, как Отдел внутренних расследований провел следствие, инициированное Лори, Дилан вызвал его не случайно. Он хотел представить жертву с хорошей стороны.

Это было не лишено смысла. Мы поносили Дорси, как только могли, и Дилан, разумеется, знал, что это серьезная часть нашей защиты. Чем хуже будет выглядеть Дорси в глазах присяжных, тем меньше они захотят покарать его убийцу.

Фрэнкс говорил только пятнадцать минут, однако тепло и восхищенно отзывался о Дорси и о годах его безупречной службы обществу, как в качестве солдата, так и особенно в качестве полицейского.

Я задал ему всего несколько вопросов, сосредоточившись на том факте, что Фрэнкс ничего не знал о следствии Отдела внутренних расследований, а также о причинах, заставивших Дорси удариться в бег. Этот человек, кажется, искренне считал себя другом Дорси, и от этого мне было неприятно подвергать его нападкам.

Дилан закончил свое выступление, я попросил позволения изложить версию защиты, но Топор отклонил мою просьбу. Поскольку был поздний вечер пятницы, он отпустил присяжных и сказал, что я могу начать защиту в понедельник утром. К сожалению, речь шла о ближайшем понедельнике.

Едва мы сели за стол, чтобы насладиться очередным кулинарным шедевром Лори, как зазвонил телефон, и это, несомненно, означало крушение всех планов. Звонили из судейского офиса – это было селекторное совещание для нас троих: Топора, Дилана и меня. Дилан уже был на проводе, но у меня не было настроения вести светскую беседу, поэтому я дождался Топора.

Через несколько минут Его Величество оказался на линии.

– Джентльмены, я вынес решение по вопросу о ходатайстве защиты и подумал, что вам следует немедленно сообщить о нем, дабы вы могли скорректировать свои действия по подготовке к слушаниям в понедельник.

Он выдержал паузу, но ни я, ни Дилан не проронили ни слова, и Топор продолжал:

– Я тщательно изучил материалы ФБР и пришел к заключению, что они не содержат новой либо просто относящейся к делу информации. Лейтенант Дорси упомянут лишь косвенно, а мистер Кэхилл, он же Стайнз, не упомянут вовсе. В материалах расследования также не содержится никаких указаний на возможную личность другого лейтенанта полиции, с которым мог состоять в сговоре мистер Дорси. Поэтому мое решение таково: ценность данных документов в отношении слушаемого дела равна нулю, и нет никакого смысла мешать расследованию ФБР. Есть ли у вас какие-либо вопросы?

Дилан, торжествовавший победу, откликнулся первым:

– У обвинения нет вопросов, ваша честь. Я полагаю, что вы приняли верное решение.

– Так и есть, – сухо ответил Топор. – Мистер Карпентер?

– Желаю вам хорошо провести выходные, ваша честь.

Отклонение нашего ходатайства не было для меня большой неожиданностью. У нас не было иного выбора, кроме как сбросить его со счетов, и мы с Кевином почти до одиннадцати вечера трудились над стратегией защиты. Мы планировали посвятить этой работе весь завтрашний день, а в воскресенье дать себе передышку и как следует отдохнуть перед битвой.

Лори уже спала, я склонился над ней и легонько поцеловал в лоб. Я беспокоился за нее. Мы приближались к финишу, а у нее не очень-то твердая почва под ногами.

Я уже почти задремал, когда снова зазвонил телефон. Я немедленно вскочил, готовый к бою. Когда мне в прошлый раз позвонили в столь поздний час, дело касалось финансовых документов Дорси и запустило цепочку событий, приведших к смерти Барри Лейтера. Мне ужасно хотелось просто не снимать трубку, но я заставил себя подойти к телефону.

— Алло?

Я сразу узнал голос на том конце провода — а как же иначе, ведь он чертову уйму раз звучал сегодня днем. Это был измененный с помощью компьютера женский голос, который звонил в службу 911 и называл Оскара Гарсию убийцей Дорси.

— Мистер Карпентер, вы ищите не там, где нужно.

Это и так было понятно.

— А где надо искать? — спросил я.

— Во Вьетнаме. Именно там все и началось. И именно там вы обнаружите эту связь.

— Связь между кем и кем? Дорси и Кэхиллом?

Ответа не последовало, и я с отчаянием понял, что сейчас она повесит трубку.

— Пожалуйста, продолжайте, — умолял я. — Что именно я должен искать во Вьетнаме? Мне не хватает информации, я не знаю, откуда начать.

И снова мне не ответили, из чего я мог заключить, что она уже отошла от телефона. Но затем она все же ответила с сомнением, словно не была уверена, стоит ли говорить мне еще что-либо.

— Поговорите с человеком по имени Терри Мердек.

— Кто это такой? Где его найти?

Короткие гудки.

Я не стал даже класть трубку, а сразу набрал номер Кевина.

— Алло? — откликнулся он без тени сонливости в голосе.

— В какое время подполковники ложатся спать? — спросил я.

* * *

В шесть утра Кевин уже явился ко мне, чтобы дать нашим выходным высокий старт. Он сообщил, что собирался позвонить своему шуруну сегодня утром, но не устоял и позвонил вчера ночью. И это было правильно, потому что колесо уже завертелось.

Подполковник Прентис обратился в Военный архив в Форте Монмут и приказал его сотрудникам оказывать всяческое содействие в нашем расследовании. Он назначил там своего представителя, капитана Гэри Рейда, чтобы тот поддерживал с нами связь.

Лори только поднялась, когда мы с Кевином уже были готовы ехать в Форт Монмут. Она пришла в возбуждение от новостей и открывавшихся в связи с этим возможностей и очень удивилась, что, пока она спала, произошло так много всего. Должен признать, ее угнетало то, что она не может поехать с нами, но ей пришлось предоставить это нам.

Форт Монмут находится на побережье Нью-Джерси в окружении пляжей. Мы рано выехали, надеясь не завязнуть в пробках на дорогах, ведущих к пляжам, но это не помогло. Наша ошибка в том, что надо было выезжать в феврале.

Этот феномен всегда поражал мое воображение. В летний зной люди садятся в машины и трясутся в них два или три часа, и все для того, чтобы провести день, валяясь на грязном песке, жарясь, потея и сгорая под прямыми лучами, вызывающими рак. Единственное спасение для них — это прыгнуть в воду, которую лучше всего описать как ледяную и соленую ванну в ночном горшке. А потом, несмотря на толстый-толстый слой мерзкой замазки, именуемой кремом против солнечных ожогов, проводят те же самые два или три часа в машине по дороге домой, наблюдая, как их кожа покрывается пузырями.

Как вы уже, наверное, успели заметить, я пессимист, тип, для которого стакан наполовину пуст.

Мы разыскали Форт Монмут, несмотря на то, что кроме надписи «Армия США» на главных воротах самой базы, никаких указателей нам не попало. База представляла собой жилой массив, дополненный несколькими строениями из грязно-красного кирпича. На каждого солдата, которого мы заметили в округе, приходилось трое или четверо гражданских служащих. Кевин, чья голова была забита всякой неведомой информацией из неизвестных источников, поведал мне, что здание базы напичкано электроникой и что школа армейских капелланов недавно была переведена отсюда в Мэриленд.

Мы направились к главному зданию. Капитан Рейд ждал нас там. Он был персонификацией военного, всегда застегнутого на все пуговицы, и выглядел так, будто стирает и гладит свой мундир, не снимая его. Капитан счел необходимым сообщить нам, что подполковник Прентис дал ему вполне внятный приказ: сделать все необходимое, чтобы содействовать нашему расследованию. И это хорошо, потому что этот человек, вне всяких сомнений, привык выполнять приказы.

Капитан Рейд назначил четырех молоденьких солдатиков-срочников, чтобы они выполняли все наши распоряжения. У меня возникло непередаваемое чувство власти – было сильное искушение отправить их в Гватемальский залив спасать выдр. Однако прежде всего надо сделать дело – и мы запросили все военные документы, касающиеся Дорси и Кэхилла, а также любые записи о Терри Мердеке, учитывая, что о нем мы ничего не знали и могли лишь предполагать, что он тоже служил во Вьетнаме.

Всего через несколько секунд у нас на руках оказались военные досье Дорси и Кэхилла. Записи были довольно подробные – здесь описывались все контакты, каждый приказ, каждая награда и даже каждое недомогание, которое у них было.

И, разумеется, совпадений было немало. Оба служили в войсках особого назначения, оба прошли пехотные учения и считались незаурядными солдатами – и оба довольно долго прослужили во Вьетнаме. Дорси начал службу через два месяца после Кэхилла, и значит, время службы также практически совпадало.

К сожалению, очевидных связей между ними не было. Это были два человека из разных концов страны, они учились в разных школах, проходили учения на разных базах и служили в разных подразделениях во Вьетнаме. Не было никаких указаний на то, что они знали друг друга – по крайней мере, мы их не нашли. Ничего такого, чтобы можно было объяснить взаимосвязь их смертей столько лет спустя.

Капитан Рейд принес военные досье двух мужчин и одной женщины, все трое носили имя Терри Мердек. Все трое служили во Вьетнаме, но только один из мужчин был там в то же время, что Кэхилл и Дорси. Он тоже служил в войсках особого назначения, тоже в пехоте и тоже имел немало наград, но он тоже не имел никакой очевидной взаимосвязи с Дорси и Кэхиллом. Мердек закончил службу в 1975 году, и так же, как Кэхилл и Дорси, исчез из поля зрения армии.

– Есть у вас какие-нибудь предположения, где бы мы могли разыскать его сейчас? – спросил я капитана Рейда.

– Мы не храним эти записи, – сказал он, – но у нас есть несколько источников, куда мы можем обратиться, если встает крайняя необходимость.

Его слова прозвучали таинственно и угрожающе, и я как-то побоялся спросить его, что он имеет в виду, – вдруг если он мне скажет, то затем ему придется меня убить? Кевин тоже не был храбрецом – он бы сейчас не открыл рот, даже если бы я предложил ему булочку с малиновым джемом.

– Подполковник Прентис приказывал сделать все возможное, – сказал я.

Рейд улыбнулся.

– Верно.

Он ушел, предложив нам спуститься в военную столовую на ленч. Я заказал только кофе и с интересом наблюдал, удастся ли Кевину найти здесь что-нибудь съедобное. В конце

концов он возложил на свою тарелку нечто, напоминающее запеченный линолеум. Кевин отправлял в свой желудок вещи, которые я бы не рискнул запихнуть даже в мусоропровод.

– Не такая уж и гадость, – сказал он и отправился на раздачу, чтобы выяснить, не удастся ли договориться насчет добавки. Раздатчик согласился – уверен, к нему впервые обратились со столь необычной просьбой. Кевин приканчивал вторую порцию, когда к нам подошел солдат и передал, что капитан Рейд ждет нас.

– Ну как, наелись? – спросил Рейд, когда мы вернулись.

– Я бы сказал, что каждый из нас съел столько, сколько хотел, – ответил я.

– Ну вот и отлично. Терри Мердек не прибавил чести армии с тех пор, как вышел на гражданку.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– В настоящее время он отбывает срок в Лэнсинге. Лэнсинг – это федеральная тюрьма в Пенсильвании, менее чем в сотне миль отсюда.

– И что он совершил?

– Фальшивомонетчик, – бросил Рейд, – от двадцати пяти лет до пожизненного, и как минимум двадцать пять он там просидит.

– То есть он не выйдет оттуда раньше, чем в семьдесят пять лет? А вы не могли бы помочь нам попасть туда? Нам необходимо с ним поговорить.

Рейд засомневался.

– Подполковник Прентис ничего не говорил о необходимости связываться с руководством федеральной тюрьмы.

– Уверен, он просто забыл об этом упомянуть, – сказал я и повернулся к Кевину. – Он же твой шурин, почему бы тебе не позвонить ему и не спросить?

Капитан Рейд веско покачал головой. Фактически, что бы он ни делал, он делал это веско.

– В этом нет необходимости, – сказал он. – Когда бы вы хотели отправиться туда?

Был уже конец дня, а мы так и не подготовили стратегию защиты. Кроме того, мне нужно было немного времени подумать, какой подход лучше найти к Мердеку, поэтому я сказал:

– Как насчет завтра во второй половине дня?

– Согласен, – кивнул Рейд. – Он будет ждать вас. А захочет ли он говорить с вами – это уж будет зависеть только от него.

Рейд сказал, чтобы я без стеснения обращался к нему, если мне еще что-нибудь понадобится, поэтому прежде, чем уехать, я проверил справедливость его слов, попросив предоставить нам копии досье на всех троих – Дорси, Кэхилла и Мердека. Через несколько минут копии были у меня. Эта власть была столь заразительна, что я решил стать подполковником. Когда вырасту.

Мы добрались до дома, и прежде чем рассказать Лори, что мы нашли, мы с Кевином приступили к подготовке вопросов нашим собственным свидетелям. Эдна была на подхвате, дабы удостовериться, не нужны ли нам ручки, бумага, кофе и все, что еще может потребоваться. Когда все это закончится, мне понадобится некоторое время, чтобы осознать тот факт, что Эдна работает по выходным.

Мы были убеждены, что важной составляющей защиты должна стать связь Дорси, Кэхилла и Мердека, но пока не имели никаких зацепок, чтобы вскрыть эту связь. Возможно, нам даже придется попытаться растянуть время, откладывая слушания, чтобы раскопать все это как следует. Единственная проблема в том, что Топор не любит тянуть время. У него скоро отпуск...

Не желая терять ни минуты, а также желая произвести впечатление, я решил зафрахтовать за шесть тысяч долларов частный самолет и долететь до Лэнсинга. Когда в тюрьме узнают, что кто-то предпринял столько усилий и затрат, только чтобы увидеться с Мердеком, ему весь тюремный блок будет завидовать.

Самолет для меня заказывала Эдна, и я был так сильно занят, что у меня в голове не

зазвенел сигнал тревоги, когда она спросила почти бесцеремонно:

– Сколько вы весите?

Но когда на следующее утро я увидел то чудо техники, которое она заказала для меня, смысл ее вопроса стал очевиден, и я сразу же пожалел, что так мало занимался спортом в тренажерном зале Винса. Но Клайд, пилот, показался мне довольно неплохим парнем, и он поклялся, что мы долетим без проблем. И я взошел на борт.

Полет мне понравился – это была первая передышка за последние несколько недель. Клайд позволил мне взять на себя управление, и я мысленно сбил около тридцати русских «МИГов», запоздало демонстрируя «грязным коммунякам», на что способны американцы.

Когда мы приземлились в маленьком частном аэропорту недалеко от Лэнсинга, диспетчер передал пилоту, что руководство тюрьмы направило человека, чтобы встретить нас. Старый добрый капитан Рейд действительно мог сделать все как надо.

Машина остановилась прямо около самолета, когда мы еще только садились. Я вышел, и меня поприветствовал тощий нескладный парень, который вяло пожал мне руку и представился как «Ларри из Лэнсинга». Я немедленно представил себе его на спортивном радио-ток-шоу:

«Здравствуйте, это Ларри из Лэнсинга... Я звоню вам в первый раз... м-м... как вы думаете, как в этом году сыграют „Метс“?»

Я сказал Ларри, что хочу немедленно увидеть Мердека, но он ответил:

– Начальник тюрьмы послал меня, чтобы сказать вам, что у нас возникли проблемы.

Вот черт!

– Что за проблемы?

– Он совершил самоубийство прошлой ночью. Перерезал себе горло в своей камере, – сказал Ларри из Лэнсинга с таким же выражением, с каким люди обычно читают телефонный справочник.

Новости были одновременно поразительными, неприятными и еще больше подтверждающими, что мы на правильном пути. Я попросил Ларри из Лэнсинга отвезти меня в тюрьму, которая оказалась кучкой серых зданий, сгрудившихся посреди необъятного *нигде и никогда* и окруженных колючей проволокой.

Начальник тюрьмы, Крейг Гриссом, едва ли был опечален смертью Мердека – вряд ли он не спал ночь, сочиняя покойному хвалебную эпитафию. Его эмоции едва ли шли дальше философской мысли «что ж, бывает».

Я чудом выжал из Гриссома детали. Ночью охранник нашел Мердека в его камере во время обхода в полночь. Камера была закрыта. По медицинскому заключению тюремного врача, он был мертв уже как минимум час.

– Откуда он взял нож? – спросил я.

– Кто? – удивился Гриссом.

– Мердек.

– Вы думаете, у него был нож?

– Ларри сказал, что он покончил с собой. Что он перерезал себе горло, – сказал я.

Гриссом печально покачал головой.

– Ларри – не самый острый ум в нашем захолустье. Вы много видели самоубийц, которые перерезают себе горло от уха до уха, а затем, упав на пол и истекая кровью, все еще сжимают нож в руке?

– Значит, кто-то вошел к нему в запертую камеру посреди ночи и убил его? Но, мистер Гриссом, ведь Лэндинг считается самой хорошо охраняемой тюрьмой.

Он кивнул.

– Поэтому его не повесили в столовой во время обеда. – Он заметил, что я все больше и больше раздражаюсь. – Послушайте, у нас здесь не отряд бойскаутов. Здесь сидят убийцы, поэтому здесь случаются убийства. Мы делаем все возможное, но преступники есть преступники.

– Он знал, что я собираюсь его навестить?

– Я лично сообщил ему об этом, – кивнул Гриссом. – Кажется, он пришел в восторг от этой идеи. Возможно, кому-то другому она не понравилась.

– Он звонил кому-нибудь?

– Трудно сказать, – ответил Гриссом. – Мы отслеживаем звонки по платным телефонам, но они могут найти доступ к мобильным.

– Мобильные телефоны в тюрьме?!

Он пожал плечами.

– У них есть деньги или вещи для обмена, они могут достать практически все, что им может понадобиться здесь. Это, если хотите, экономика каменного века – возврат к бартерной системе.

По моей просьбе Гриссом проглядел досье Мердека и рассказал, что тот был осужден на длительный срок за изготовление фальшивых денег. Его арест был чистой случайностью – Мердеку просто крупно не повезло. У него загорелся дом, когда он был в отъезде, и когда пожарные вошли в дом, среди вещей, которые они вынесли из огня, оказались печатные формы с портретами американских президентов. Адвокат Мердека заявил, что эта улика должна быть изъята, поскольку у пожарных не было ордера на обыск, однако судья безошибочно указал на то, что у пожарных были достаточные основания войти в горящее здание.

Возвращаясь к убийству Мердека, я спросил:

– Вы собираетесь проводить расследование этого случая?

Он коротко рассмеялся, затем кивнул. У меня было предчувствие, что расследование будет не самым интенсивным и вряд ли к чему-то приведет. Потому что с начальником тюрьмы Гриссомом любое дело ни к чему не приведет. Надеюсь, Берт Рейнольдс приедет сюда, соберет футбольную команду и надерет ему задницу.

Я попросил Ларри из Лэнсинга отвезти меня обратно к пилоту Клайду, чтобы я мог снова излить свою ярость на воображаемых «грязных коммунах».

Рассказав Кевину по телефону о случившемся, я попросил передать Маркусу задание выяснить все, что только можно, о Терри Мердеке. А вернувшись домой, первым делом еще раз проштудировал все военные досье, ища хоть какую-нибудь взаимосвязь, любую зацепку, но ее там не было.

Подготовка к допросу завтрашних свидетелей отняла не много времени, и мы с Лори рано легли спать. За последние пару недель мы говорили о деле и о суде только вне стен спальни. Однако сегодня Лори нарушила этот неписанный уговор.

– Я хочу дать показания, – сказала она.

– Я знаю. Мы пока не готовы решиться на это.

– Я готова, и я уже приняла решение. Я не собираюсь садиться в тюрьму, не рассказав ни слова о себе. Говорю это тебе, просто чтобы ты мог это учитывать.

– Считай, что уже учел, – сказал я немного раздраженно.

Мне нужно было сосредоточиться на завтрашних свидетелях, а не на решении, которое, что бы ни говорила моя клиентка, было сейчас преждевременным.

Беда в том, что эта мысль засела у меня в голове, и следующий час я не мог ее оттуда выкинуть. Как всякий адвокат защиты, практикующий на этой планете, я в большинстве случаев не хочу, чтобы мой клиент оказывался за свидетельской трибуной. Слишком многое может пойти прахом, и исправить это будет практически невозможно.

Главная причина не позволять Лори давать показания, не считая подводных камней, неотъемлемо присущих такому поступку, была в том, что она не могла представить никаких улик. Она не могла заявить свое алиби на ночь убийства; все, что она могла, – это сказать, чего она не делала. «Я не убивала его, я не пыталась подставить Оскара, мне не принадлежит канистра с бензином» и т. д. и т. п. Это были самооправдания, которые ничего не будут значить для присяжных. Любые факты в ее защиту, которые она может назвать, я могу представить через других свидетелей, не подвергая ее убийственному перекрестному допросу.

С этой точки зрения единственная причина, которая могла бы заставить меня согласиться на ее решение, – это дать присяжным представление о том, кто она такая. Лишний раз продемонстрировать вопиющее несоответствие между поведением Лори, ее личностью и преступлением, в совершении которого ее обвиняли. Задача Дилана, несмотря на перевес улик в его пользу, состояла прежде всего в том, чтобы убедить присяжных, что Лори способна совершить подобное. Чем больше они узнают ее, тем труднее им будет в это поверить.

Если Лори будет давать показания, ее мы вызовем последней. Завтра утром слушания будут гораздо менее драматичными, но очень важно, чтобы мы взяли правильный тон. Я нисколько не сомневался, что если бы присяжные должны были принимать решение прямо сейчас, они бы вынесли обвинительный вердикт. А это означало, что нам предстояло склонить в свою пользу двенадцать некогда непредвзятых взглядов.

* * *

Несмотря на то, что обвинение построило свою версию в логическом порядке, кирпичик за кирпичиком, мой стиль защиты предполагал беспорядочные атаки, перепрыгивание от факта к факту, чтобы никто не знал, откуда полетит следующий дротик. Тактика партизанской войны.

Нашим первым свидетелем был лейтенант Роберт Франконе – офицер, который возглавлял следствие Отдела внутренних расследований по делу Дорси. С тех пор как Селия Дорси сказала, что ее муж был в сговоре с неким неизвестным лейтенантом, я подозревал всякого, кто имел это звание. Однако Франконе был исключительно надежным офицером, и Пит Стэнтон разделял эту точку зрения.

Я попросил Франконе рассказать о подробностях следствия. Он говорил без враждебности, просто неохотно, поскольку считал, что эти материалы не предназначены для широкой публики. Однако информация в конце концов выплыла наружу, и портрет Дорси – продажного полицейского, наживавшегося на сделках с преступностью, которую он поклялся искоренять, – предстал во всей красе. Имена преступников, с которыми сотрудничал Дорси, не назывались согласно указу Топора.

– Значит ли это, что мисс Коллинз была права в своем исходном рапорте Дорси?

Он кивнул.

– Да, права, хотя ее данные были крайне поверхностны. Большую часть этой информации мы получили в ходе дальнейшего расследования.

– Как вы считаете, справедливо ли то, что наказание Дорси ограничилось выговором? – спросил я.

– Это не в моей компетенции. Моя работа заключается в сборе фактов.

– Тогда позвольте мне сформулировать вопрос иначе. Удивил ли вас тот факт, что он получил всего лишь выговор?

– Да.

– Как вы считаете, те люди, с которыми сотрудничал Дорси – я имею в виду преступников, которых вы упоминали, – они способны на убийство?

Он быстро ответил «да», прежде чем Дилан успел возразить против не относящегося к делу вопроса. Поскольку присяжные и так уже слышали ответ, я отозвал вопрос, попросив не заносить его в протокол.

Я также заставил Франконе упомянуть, что в адрес Лори никогда не поступало никаких жалоб в период ее службы в полиции, а затем предоставил Дилану вести перекрестный допрос.

– Лейтенант Франконе, – начал Дилан, – поговорим о тех упомянутых вами преступниках, с которыми поддерживал контакт Алекс Дорси. Вам известно, что кто-либо из них когда-либо причинял ему какой-либо вред?

– У меня нет такой информации.

– И у них с Дорси было нечто вроде партнерства, правильно я понимаю? Обе стороны получали выгоду от взаимодействия?

– Да.

Затем Дилан задал ему несколько вопросов о типах насилия, которые в основном встречаются в среде организованной преступности, и он сказал, что отделение головы от туловища и сожжение довольно нетипичны.

Дилан отпустил лейтенанта с кафедры, довольный тем, что тот нанес так мало ущерба версии обвинения. Он был прав: все, что нам удалось показать, это что Дорси не был невинным ангелочком и водил знакомство с опасными людьми. Не было ни одной улики, свидетельствующей о том, что эти люди имели какое-то отношение к смерти Дорси – но, к сожалению, немало улик, что к ней имела отношение Лори.

Следующим свидетелем была Селия Дорси – гораздо менее важный для защиты свидетель теперь, чем она была несколько недель назад, когда мы предполагали, что Дорси все еще жив. Ее показания были самообвинением жены, которая отошла в сторону, тогда как муж опустился до криминальной деятельности и насилия.

С поразительным достоинством она говорила об их совместной жизни, о том, как он все больше и больше утаивал от нее свои дела, о разговорах с таинственным лейтенантом, которые она случайно подслушала, и о том, что он украл все их деньги, прежде чем исчезнуть.

– А исчез он за неделю до убийства? – спросил я.

– Да.

– Полиция искала его?

Она кивнула.

– Да. Я говорила им, что не знаю, где он. Но если уж Алекс не хотел быть обнаруженным, его никто не смог бы найти.

– Почему вы так уверены в этом?

– Он был слишком хитрой лисой. И нередко хвастался своим умением исчезать, смешиваться с толпой так, что его было невозможно заметить. Он говорил, что научился этому во Вьетнаме.

– Но тот, кто его убил, все же нашел его, – заметил я.

Она покачала головой.

– Я так не думаю. Я предполагаю, что убийца не был тем человеком, от которого он прятался. Им мог быть человек, которому он доверял.

Дилан выразил протест, мол, это догадки, и Топор поддержал его.

– Что еще он говорил о своем умении исчезать? Может быть, называл какие-то способы?

– Он говорил, что собирается сфальсифицировать свою смерть. Что его гроб сожгут, но его там не будет.

Мы с Кевином немало спорили, следует ли мне выводить Селию на разговор о намерениях Дорси фальсифицировать свою смерть, и в итоге пришли к выводу, что надо это сделать. Пусть даже только для того, чтобы показать присяжным, что мы не из пальца высосали эту идею.

Я уступил Дилану очередь задавать ей вопросы, и он отнесся к Селии весьма мягко, однако сделал упор на том, что у нее нет никакой реальной информации о том, что произошло с Дорси, одни догадки.

Топор отпустил присяжных на обеденный перерыв, после чего нам тоже удалось урвать небольшую передышку. Один из присяжных заболел – не то желудочный грипп, не то отравился некачественной пищей. Топор распустил всех по домам на день, подарив нам еще немного драгоценного времени. Теперь ключевой стратегией нашей защиты стала надежда на то, что болезнь присяжного, чем бы она ни была, заразна.

Но мне следовало предполагать, что случится самое худшее, – остальные присяжные не заболеют. Поэтому к допросу завтрашних свидетелей нужно было подготовиться сегодня,

что обещало мучительно скучный вечер.

Двое свидетелей, которых мы скорее всего вызовем завтра, – это эксперт, специализирующийся на анализе образцов крови, и отставной судебно-медицинский эксперт. Их показания, надеюсь, будут значимы, но обычно показания экспертов отличаются сухостью и сжатостью, так что важно не дать пропасть нюансам. Кевин знал эти материи куда лучше меня, и я предложил ему самому допросить по крайней мере одного из свидетелей. Но он считал, что я уже налабил взаимопонимание с присяжными, а коней на переправе не меняют, тем более, если речь идет об одном-единственном свидетеле.

Он мучил меня до одиннадцати часов вечера, пока не удостоверился, что я достаточно овладел всеми деталями, и только тогда отбыл домой. Я не устал, поэтому, как обычно по ночам, обложился папками, которые перелистывал бессчетное количество раз, и снова принялся за них.

Странно, но эта часть работы расслабляла. Я налил себе вина и устроился в гостиной с документами, и Тара лениво присоединилась ко мне на диване. Я надеялся, что найду что-нибудь важное, но не слишком на это рассчитывал, потому что слишком уж часто просматривал эти материалы за последнее время. Так что если раскопаю жемчужину в этой куче навоза – замечательно. Но если нет, не расстроюсь.

Сегодняшняя программа внеклассного чтения включала военные досье на всех недавно убитых партнеров по фирме «Зеленый берет» – Дорси, Кэхилла и Мердека. Между этими троими просто не могло не быть связи, голос Матрицы из телефонной трубки был абсолютно прав.

Интересно, она знает, что Мердека убили только потому, что она назвала мне его имя?

Я был одновременно полон сил и нерешительности.

Подробность отчетов просто поражала. Когда речь шла о Вьетнаме, перед моим мысленным взором профана рисовались джунгли, напалм, фугасы, снайперы и миссии бесстрашных автоматчиков. Однако судя по размерам папок, которые я держал в руках, по крайней мере половина людей, которых наше правительство посылало во Вьетнам, были машинистки. Каждая царапина, каждый результат тренировок, каждый замеченный враг, каждое движение, которое они совершали, – все это было добросовестно запротоколировано.

Я начал с того, что взял личное дело Дорси и принялся наугад вытаскивать листы из вьетнамского периода его жизни. Затем я сравнил их с материалами из двух других досье в надежде, что найдется что-нибудь совпадающее. Например, если Дорси направляли в госпиталь на прививку, я проверял, не были ли Кэхилл или Мердек там же в этот день. Их встреча могла быть краткой, и в досье ей могли не придать никакого значения, но она могла каким-то образом привести к тем разрушительным событиям, которые загнали нас в угол, где мы торчим по сей день.

Я допивал четвертый бокал вина, а Тара давно задремала, не выпуская из рта искусственную кость, которую грызла, когда внезапно я наткнулся на нечто потрясающее. Несмотря на то, что хронология пребывания Дорси во Вьетнаме занимала одиннадцать страниц, напечатанных через один интервал, на странице 9 была запись, датированная 11 августа 1972 года, а следующая относилась к 4 февраля 1973-го. Обе записи фиксировали совершенно обычные события, однако нигде не была указана причина полугодового перерыва.

Я почувствовал, как у меня участился пульс, когда я схватил досье Кэхилла и проверил записи, относящиеся к тем же шести месяцам. Разумеется, он тоже исчезал на этот период, и в личном деле Мердека, как я и ожидал, был идентичный перерыв. Я пришел в такое возбуждение, что если бы лапы Тары не лежали под ее головой, я бы пожал ей руку.

Мне просто необходимо было поделиться с кем-нибудь своим открытием, поэтому я разбудил Лори и рассказал ей, что обнаружил. Она отреагировала так же, как и я: она понимала, что это может быть именно тот прорыв, который мы так долго искали, однако и она опасалась, что мы так и не поймем, что он значит.

Я позвонил капитану Рейду в Форт Монмут, зная, что его нет на месте, и оставил ему

сообщение на автоответчике, чтобы он перезвонил мне завтра утром, как только сможет. Я повесил трубку и направился в спальню, но не успел дойти и до конца лестницы, когда телефон зазвонил.

– Алло?

– Это капитан Рейд. Чем могу помочь? – сказал он своим обычным жестким профессиональным тоном.

Я удивился, что он перезвонил мне так быстро, и извинился, что беспокою его в столь поздний час. Он никак не отреагировал на мои извинения, поэтому я быстро перешел к причине моего звонка и поведал о полугодовом перерыве в досье каждого из троих солдат.

Он ответил не сразу, а когда заговорил, я впервые услышал в его голосе осторожность и нерешительность.

– Этому может быть много объяснений. Записи во время войны ведутся не всегда регулярно и...

Мое заполошное сердце загрохотало подобно набату.

– Капитан Рейд, – перебил я, – мне жизненно необходимо докопаться до истины, и чем скорее, тем лучше. Я уверен, что то, что я нашел, скорее всего, крайне важно, и мне нужна ваша помощь, мне нужно, чтобы вы просветили меня. Пожалуйста.

Еще одна пауза, после которой его голос зазвучал мягче и еще серьезнее, хотя, казалось бы, куда уж больше-то?

– Я никогда не был во Вьетнаме, так что мои объяснения не будут основаны на личном опыте. Вы, скорее всего, просто сочтете это умозрительными построениями.

– Отлично.

– Это может не иметь никакого отношения к действительности, а даже если и имеет, то может не относиться к вашему конкретному делу. Понимаете?

– Вполне.

– И я должен взять с вас слово, что вы никогда не укажете источник этой информации.

– Даю вам слово. – Надеюсь, он закончит свое предисловие прежде, чем присяжные огласят вердикт.

– Я слышал, что существовала практика собирать самых отборных солдат спецназа, зачастую из разных подразделений, и забрасывать их небольшими группами в тыл врага, дабы они могли действовать по ту сторону фронта. Вообще-то, учитывая, как развивались военные действия во Вьетнаме, точнее будет сказать «среди врагов», чем «по ту сторону фронта».

– Как именно они должны были действовать? – спросил я.

– Всеми возможными способами, – ответил он. – Не было никаких правил, никаких ограничений. Их задание состояло в том, чтобы посеять панику и разрушения любыми средствами, которые они сочтут подходящими.

– Существовала ли какая-то отчетность? – спросил я.

– Боюсь, вы плохо понимаете, о чем идет речь. Во время таких заданий эти люди не существовали. Существование – необходимое условие для отчетности, вы со мной согласны?

Боюсь, я заранее знал ответ на свой следующий вопрос:

– Есть ли способ добыть доказательства – письменные доказательства – того, что эти люди входили в одну и ту же команду?

Он вновь заколебался.

– Я сомневаюсь, что даже подполковник Прентис может получить доступ к этой информации.

Я поблагодарил Рейда, и он не преминул сказать, что я могу в любое время звонить ему. Следующий час я провел, обдумывая то, что обнаружил, и пытаюсь найти способ узнать больше.

У меня не было никаких реальных доказательств, что эти три человека встречались во Вьетнаме, хоть я и был в этом уверен. Но даже если бы я и доказал это – что с того? Как это поставит под сомнение вину Лори в глазах присяжных, каким образом заставит их понять,

что она не убивала Алекса Дорси?

К сожалению, у присяжных были не только чистые глаза, но и здоровые желудки, и суд возобновился в девять утра.

Любая сфера человеческой деятельности, которую вы только можете себе вообразить, имеет свой узкий круг экспертов. И встретить этих экспертов проще всего в судах Соединенных Штатов.

Сегодня нашим первым свидетелем был доктор Брайан Хербек, широко известный в стране выдающийся специалист по пятнам крови. Мы заплатили ему десять тысяч долларов, чтобы он огласил результаты своей экспертизы перед присяжными, которым предстоит выслушать, как много он знает и умеет и сколько он всего сделал, и, разумеется, возненавидеть его за это.

Раз уж я обратился к такому эксперту, как доктор Хербек, я заставил его изучить пятна крови на одежде Лори, найденной позади стадиона Хинчклифф. Он, разумеется, уже изучал их прежде, и мы отрепетировали каждое слово, которое он собирался произнести.

Доктор Хербек мучительно подробно описал, как выглядели пятна крови на передней и задней части блузки. Он утверждал, что пятна на обеих сторонах совпадают, и это означает, что хотя блузка и может принадлежать Лори, но она не могла быть надета ни на Лори, ни на ком-либо другом в тот момент, когда ее испачкали кровью. Кровь была нанесена на переднюю часть сложенной блузки и просочилась на ее заднюю часть. Он настаивал, что если бы блузка была надета на человека, пятна крови никогда не оказались бы на спине.

Это было логичное, хотя и скучное выступление, и когда Дилан начал свою часть допроса, меня поразила его экспрессия – как будто он и присяжные вынуждены мириться со столь эксцентричным свидетелем и – куда уж деваться – придется отнестись к нему снисходительно и с улыбкой.

Дилан был явно хорошо натаскан в этой области, и его вопросы впечатляли. Он заставил наше светило еще раз осмотреть каждое пятно, указывая на те места, где пятна не очень точно совпадали. Доктор Хербек ответил на все вопросы Дилана, но к тому моменту, как это закончилось, присяжные уже были от скуки и едва ли могли припомнить что-нибудь из показаний свидетеля.

В общем, это было не самое приятное утро. Все мои надежды начинали сосредотачиваться исключительно вокруг нашего домашнего расследования, в ходе которого мы пытались установить связь между тремя людьми во Вьетнаме. Расследования, которое, вполне возможно, никуда нас не приведет.

Мы с Кевином и Маркусом обедали вместе в кафетерии суда, и они ознакомили меня с последними новостями нашего расследования – вернее, с их отсутствием. Кевин поговорил с подполковником Прентисом, который проверил и подтвердил предположение капитана Рейда, что доступ к информации закрыт. Маркус выяснил все о преступлениях, которые привели Мердека за решетку, но это нисколько не пролило свет на наше дело.

Доев свой ленч, Кевин подчистил то, что осталось на подносе Маркуса и на моем. Он уже готов был перейти к попрошайничеству за ближайшими столиками, когда появился Пит Стэнтон. Он был в верхнем зале суда, давал показания по другому делу, и решил наведаться к нам, узнать, как у нас дела, и оказать моральную поддержку.

– В стане адвокатов защиты бывали и более счастливые дни, – сказал я.

Он кивнул и ввернул необидную подколку:

– Может, тебе стоит отойти к канатам и выпустить на ринг Кевина?

– Было бы неплохо, – парировал я. – Но что нам действительно нужно, так это свидетель вроде тебя.

Мы оба чувствовали, что это добродушное подшучивание нисколько не воодушевляет, и Пит осведомился, как держится Лори. Он был прекрасным другом и поддерживал ее, и ни она, ни я никогда этого не забудем. Я сказал ему, что она держится хорошо, и вообще она гораздо сильнее меня. Оба утверждения были в основном справедливы.

В противоположном конце столовой как раз заканчивал ленч Ник Сабонис. Мы с Ником не говорили с тех пор, как он давал показания, хотя наши пути с того времени пару раз пересекались. Думаю, Ник никак не мог простить мне предположения, что он, возможно, и является тем таинственным лейтенантом, которого упоминала Селия Дорси.

– Я сейчас вернусь, – сказал Пит, вставая. – Мне надо перекинуться парой слов с Ником.

Не знаю, почему это меня задело на сей раз, однако же задело – как удар обухом промеж глаз.

– Что ты сказал? – переспросил я, хотя вполне четко слышал каждое его слово.

– Я сказал, что мне надо перемолвиться с Ником.

– Так позови его сюда, – сказал я. – Пожалуйста.

Уверен, что и Пит, и Кевин, и даже Маркус уловили мой странный тон, однако мне не было дела до этого – я целиком сосредоточился на Пите и Нике. На лейтенантах.

– Эй, Ник, – позвал Пит, помахав рукой, – не подойдешь сюда на секунду?

Ник посмотрел на нашу компанию немного настороженно, видимо, не желая ввязываться в контакт с врагами, то есть с нами.

Но мои мысли уже переключились на другую тему, я повернулся к Кевину и чуть не стащил его со стула.

– Пошли, надо срочно поговорить.

По дороге к телефонам я сказал Кевину, что понял нечто важное. Мы позвонили капитану Рейду, который, как всегда, сразу же снял трубку.

Я немедленно перешел к сути.

– Капитан Рейд, нам нужен список всех лейтенантов спецназа, которые были во Вьетнаме в то же время, что Дорси, Стайнз и Мердек.

Он не рассмеялся в трубку, и я счел это хорошим знаком. Подумав несколько секунд, он сказал:

– Это займет около часа.

Я думал, он скажет «около недели», и едва не задрожал от возбуждения.

– Вы можете выслать мне список по факсу в суд?

– Если вы дадите мне номер.

Я продиктовал ему номер, и через час и пять минут список был у меня на руках. Он занимал пять страниц, и на второй странице я прочитал имя, которое перевернуло все.

* * *

Мне никогда раньше не доводилось заниматься полицейским наблюдением, и не уверен, что мои теперешние действия можно было считать слежкой. Я запасся непременно пончиками и кофе, но никто не говорил мне по рации «О'кей, пора». Я просто сидел в своей машине, припаркованной возле областного офиса ФБР, пожирая пончики и слушая Eagles на CD-плейере, готовый в любую минуту пригнуться, чтобы меня не заметили.

Было примерно без четверти семь, и я в четвертый раз слушал «Насыщенную жизнь», когда агент Синди Сподек вышла из здания. Она подиумным шагом прошествовала к своей парковке, села в машину и выехала. Я дал ей немного удалиться, затем тронулся и медленно последовал за ней. Она меня не замечала. Можно было подумать, что я только этим и занимался всю жизнь. О'кей, старик, пора.

Вслед за ней я пересек мост Джорджа Вашингтона, проехал через парк Пэлисейдс и оказался в округе Рокленд. Рокленд находится на том берегу Гудзона, который принадлежит Нью-Джерси, но считается частью штата Нью-Йорк. Отсюда до Манхэттена не дальше, чем от северного Нью-Джерси или от округа Вестчестер, жить здесь хоть и не так хорошо, зато куда дешевле.

Я изо всех сил надеялся, что агент Сподек направляется домой, а не на обед к друзьям,

в книжный клуб, в тир или куда еще агенты ФБР ходят после работы. Слежка – занятие довольно утомительное, а мне не терпелось поговорить с ней.

Сна съехала с хайвэя и направилась в небольшой городок под названием Помона. Это были спальные районы, и поскольку она, видимо, приближалась к дому, я сократил расстояние между нашими машинами. Теперь мне никак нельзя было потерять ее из виду.

Еще через несколько минут она была на подъездной дорожке возле одноэтажного деревянного дома, покрашенного в красный цвет. На улице играли дети, но никто не обратил внимания на ее появление. Я вдруг понял, что даже не задумался, есть ли у нее дети, замужем ли она или живет одна. Для меня, учитывая мои конкретные цели, было бы лучше, если бы она жила одна, потому что мне не хотелось бы, чтобы она оглядывалась на других людей, когда услышит мое требование.

Я припарковал машину на улице прямо напротив ее дома, и когда я выходил из машины, она смотрела в моем направлении. Уверен, что в ее глазах промелькнул страх, а может, ярость, или просто ресница в глаз попала. Я не умею читать по глазам.

Она направилась прямо ко мне.

– Какого черта вы тут делаете? Я не хочу видеть вас возле своего дома.

Она думала, что я испугаюсь, – она же не знала, что я всю свою жизнь выслушиваю от женщин то же самое.

– Я надеялся, мы сможем продолжить разговор, – сказал я.

– Какой еще разговор? – вызывающе бросила она.

– Ну как же, разговор о Терри Мердеке.

На сей раз я был уверен, что в ее глазах промелькнул именно ужас, но она не собиралась сдаваться.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите. А теперь позвольте, я...

– Вам известно, что Терри Мердек мертв? – перебил я. – Кто-то убил его, чтобы не дать ему поговорить со мной.

Она немного сникла и прикрыла глаза.

– О Господи...

– Я могу войти?

Она не ответила, только согласно кивнула и направилась к входной двери. Я прошел за ней в дом. Еще одна победа на счету хороших парней.

Мы едва успели войти в дом, как она спросила:

– Как вы меня вычислили?

Я не хотел говорить ей правду – а именно, что я вовсе не был уверен в своей догадке, пока не увидел ее реакцию на новость об убийстве Мердека. Поэтому я произнес только:

– Жена Дорси сказала, что он называл своего собеседника лейтенантом. Я предположил, что это кто-то из департамента полиции, сослуживец, пока не сообразил, что Дорси и сам был лейтенантом, а люди, имеющие одинаковое звание, так друг к другу не обращаются.

Я остановился на секунду, готовясь сбросить бомбу.

– Это должен был быть кто-то, под чьим командованием Дорси служил в армии – в подразделении спецназа, где он был вместе с Кэхиллом и Мердеком. Оказывается, ваш босс был лейтенантом во Вьетнаме в то же самое время, когда там служил Дорси, и я сделал логический вывод, что он в этом замешан. Кроме того, в записи звонка в службу 911 Гарсия назван злоумышленником. Кто, кроме вас, мог бы так его назвать?

Она не выказала никакого удивления, так как уже давно жила с этим.

– Вы не сможете это доказать. Никто не докажет.

– А мне и не надо это доказывать, – сказал я. – Я просто хочу пролить свет на это дело.

– Ничем не могу помочь, – сказала она.

– Вы – единственный человек, который *может* мне помочь. И вы уже пытались это сделать. Но теперь пора поговорить в открытую. Больше никаких звонков, никаких измененных голосов.

Она улыбнулась моей наивности.

– Вы себе хоть немного представляете, что значит публично выступить против человека вроде Дарена Хоббса? Вы знаете, что со мной после этого будет?

Я кивнул.

– Два года назад Лори Коллинз стояла перед таким же выбором, когда речь шла о Дорси. Она знала, что ей не поздоровится – и попала в переделку гораздо большую, чем могла себе вообразить. Это может разрушить ее жизнь. Но если бы встала необходимость, она бы еще десять раз прошла через все это.

Она заговорила очень тихо, словно бы на самом деле беседовала сама с собой. У меня было такое чувство, что она не раз говорила об этом сама с собой.

– Я всю свою жизнь мечтала стать агентом ФБР...

Я покачал головой.

– Мы с вами мало знакомы, но я готов поклясться, что вы не хотели этого такой ценой. Как вы сможете с этим жить, зная все, что вы знаете?

– Я же говорю вам, у меня нет доказательств того, что ваша клиентка невиновна. Я вообще не располагаю информацией о ней.

– Мне это известно. – Я чувствовал, что ее сопротивление ослабевает, и намеревался оставаться с ней – просить, убеждать, умолять до тех пор, пока она не сдастся. Это был единственный реальный шанс избавить Лори от пожизненного заключения.

– Мне нужна информация не о ней, а о Хоббсе.

Она кивнула.

– Ее у меня много.

Я определенно добился прогресса, и теперь надо было быть сверхосторожным, чтобы не спугнуть ее.

– Вы согласны рассказать мне о нем?

Она вздохнула, сдаваясь.

– Вы хотите есть? Ночь у нас сегодня будет длинная.

– Чем длиннее, тем лучше, – сказал я. – Кроме того, у меня в машине осталось еще четыре пончика для полицейского наблюдения.

– А что такое пончики для полицейского наблюдения?

И эта женщина – агент ФБР? Эдгар Гувер повесился бы на собственных подтяжках, если бы услышал это.

– Это специальный термин, – сказал я. – Вы не поймете.

Следующие три часа были самыми увлекательными, какие я когда-либо проводил с женщиной, не снимая одежды. Пользуясь своим положением девочки на побегушках и для бития, Синди успела хорошо изучить Хоббса и располагала множеством улик против него.

Будучи высоким чином ФБР, Хоббс постоянно покрывал дела служивших во Вьетнаме в его подчинении элитных спецназовцев, которые, вернувшись на родину, встретились и принялись заниматься приблизительно тем же, что делали в тылу врага. Под ним ходили по меньшей мере четверо, а возможно, и больше – но это уж пусть следствие установит, кто и где.

Все его подопечные так или иначе занимались преступной деятельностью, продолжая находиться под командованием Хоббса. Но его прикрытие все же не было абсолютным. К примеру, Дорси привлекал к себе слишком много внимания, и Хоббс не мог отводить от него удар, не обнаруживая себя. Мердеку просто не повезло, что пожарные нашли у него в доме клише для печатания фальшивых денег, и дело выплыло наружу так быстро, что Хоббс не успел вмешаться.

Исходя из намерений и целей своего шефа, Синди могла наглядно показать, на что способен Хоббс, хотя в ее информации были зияющие провалы, и главным из них было убийство Дорси. Она была уверена, что Хоббс либо сам убил его, либо, скорее всего, послал Кэхилла, но у нее не было ни одной улики, чтобы снять подозрения с Лори.

К тому времени, как я покинул ее дом, а было уже одиннадцать вечера, у меня

сложился план. Я позвонил Кевину и ввел его в курс дела, а также продиктовал ему список людей, которым нужно вручить повестки в суд. Еще я попросил его позвонить капитану Рейду и попросить особой помощи. Если мы хотим получить хоть малейший шанс выиграть, нужно делать все быстро, и начать нужно немедленно.

Лори не ложилась спать и встретила меня, когда я вернулся домой – она бы не легла спать, даже если бы я вернулся домой к ноябрю. Она жадно впитала информацию, которой я с ней поделился, и потребовала, чтобы я подробно объяснил ей, какие действия мы намерены предпринять по этому поводу. Я описал ей стратегию так подробно, как только мог, однако большая ее часть была пока неопределенной и зависела от дальнейших обстоятельств, поэтому Лори пришлось просто довериться мне.

Мы легли в два и проснулись в полседьмого. Сегодня мне предстояло сыграть в суде иную роль, и я должен был быть готов к этому. Большую часть своей сознательной жизни я провел в судах, но сегодня мне предстояло впервые выступить в роли свидетеля.

Мы с Кивином встретились в кофейне, дабы довершить последние приготовления к даче показаний, поскольку прошлым вечером мы не успели это сделать. Та информация, которую я получил от Синди Сподек, кардинально изменила цель моего сегодняшнего выступления. Теперь не так уж важно было показать ключевые моменты нашей защиты; мне, по сути, достаточно было прочесть предисловие, которое должно помочь присяжным понять, какие факты им будут представлены позже.

Дилан начал с того, что еще раз возразил против дачи мною свидетельских показаний, но Топор тут же укоротил его. Со стороны защиты допрос вел Кевин. Для начала он попросил меня рассказать об основных моментах наших взаимоотношений с Лори, начиная с нашей первой встречи и заканчивая сегодняшним днем. Я открыто признал нашу романтическую привязанность – присяжные в любом случае давно о ней знали, и лучше было признать ее добровольно, чем дать Дилану возможность разоблачить нас.

Пятнадцать минут мы посвятили сути того, зачем я вышел на свидетельскую кафедру. Я рассказал о том дне, когда ко мне в офис пришел Стайнз, описал свои мучения в связи с адвокатским соглашением, которое мы подписали, мое последующее решение защищать Оскара и то, как я отправил Лори на стадион Хинчклифф, чтобы обнаружить одежду, которую, как я считал, носил Стайнз в момент убийства.

– Вы когда-нибудь еще встречали этого Стайнза? – спросил Кевин.

Я кивнул и впервые потерял сосредоточенность, поддавшись эмоциям.

– Я попросил одного молодого человека помочь мне найти Алекса Дорси. Этого юношу звали Барри Лейтер, и когда обнаружилось, что он помогает мне, Стайнз проник к нему в дом и убил его выстрелом в голову. Полиция застрелила Стайнза на месте преступления, но было уже слишком поздно, чтобы спасти Барри.

После нескольких дополнительных вопросов мы с Кивином переглянулись и оба поняли, что упомянули все факты, которые хотели огласить присяжным. Кевин сел на место и предоставил Дилану задавать мне вопросы.

– Мистер Карпентер, – начал тот, – кто-нибудь, кроме вас, слышал признание Стайнза?

– Нет.

– Вы когда-нибудь видели его прежде?

– Нет.

– Может быть, вам кто-то его рекомендовал?

– Нет.

– То есть вы хотите сказать, что он как гром среди ясного неба объявился в вашем офисе и рассказал ту историю, которую вы только что изложили присяжным. Историю, которая, по странному стечению обстоятельств, противоречит виновности вашей клиентки. Вашей возлюбленной. Я правильно вас понимаю?

– Да. Именно это я и хочу сказать.

– Вы хотели бы прожить с этой женщиной остаток своей жизни?

Кевин возразил, что это не относится к делу, но Топор дал мне возможность отвечать.

– Да, без сомнения.

– И это будет весьма проблематично, если она будет сидеть в тюрьме? – продолжал Дилан.

– Верно. Поэтому я и хочу, чтобы справедливость восторжествовала.

Дилан заявил протест, и они с Кевином некоторое время спорили по этому поводу, подойдя посовещаться к судье. Когда спор завершился, Дилан оставил эту тему и сосредоточился на моем участии в деле Оскара Гарсии. Спрашивая, как это мне не удалось обнаружить записи, сделанные камерой над банкоматом в супермаркете, он намекал на то, что я не слишком рьяно защищал Оскара. Он хотел заставить присяжных думать, будто я намеревался бросить Оскара на растерзание, чтобы убедиться, что Лори ничего не грозит.

– Если бы мистер Гарсия был осужден, то мисс Коллинз, по всей вероятности, не было бы предъявлено это обвинение. Это так? – спросил Дилан.

– Я не могу ответить на этот вопрос. Это вы обвиняете людей, невзирая на факты, а я их защищаю. Если хотите, можете дать свидетельские показания сразу после меня.

Присяжные засмеялись, что порадовало меня, но Дилана привело в ярость. Мы спорили еще некоторое время, но он, кажется, был даже больше рад отпустить меня с кафедры, чем я оттуда уйти.

Дача показаний прошла очень хорошо. Нам удалось упомянуть Стайнза, не затронув при этом тему его совместной военной службы с Дорси и даже не называя его настоящее имя – Кэхилл. Чем меньше об этом будет известно до того, как Хоббс выйдет на свидетельскую кафедру, тем лучше. При условии, что нам вообще удастся затащить туда Хоббса.

Завтрашний день должен был стать решающим в судебных слушаниях, и мы с Кевином засиделись почти до часа ночи, прорабатывая мельчайшие детали предстоящего выступления. Позвонил Маркус, сообщил, что повестки в суд были вручены и Хоббс пришел в ярость, когда получил вызов. Ему Маркус отвез ее лично. Вид разъяренного агента ФБР весьма позабавил Маркуса – тот факт, что Хоббс был зеленым беретом, машиной для убийств, его совершенно не пугал. Если я когда-нибудь увижу человека, которому удалось напугать Маркуса, я постараюсь держаться от такого подальше.

Простору говоря, нам надо было сделать так, чтобы Хоббс выглядел преступником. Пусть он навлечет на себя подозрения, тем самым сняв их с Лори. У нас не было доказательств, что он кого-то убил, но некоторые другие факты мы могли доказать, и фокус заключался в том, чтобы заставить его лжесвидетельствовать, отрицая эти факты. Это было рискованно – если он разгадает нашу стратегию, то может просто признать все предъявленные нами факты и объяснить их, нимало не смущаясь. Это будет провал нашей защиты. И, следовательно, это будет провал для Лори.

* * *

Когда я приехал в суд, у Дилана уже дым из ушей валил. Он оказался лицом к лицу с полной комнатой потенциальных свидетелей, вызванных нами, ни один из которых не был ранее внесен в наш свидетельский список. А это означало, что Дилан не готов допрашивать ни одного из них.

Нашими свидетелями были четверо полицейских из департамента полиции Паттерсона, включая Пита Стэнтонна, а также три агента ФБР. Двое из этих агентов были Дарен Хоббс, разъяренный из-за судебной повестки, и Синди Сподек; она была тайно ознакомлена с нашей стратегией и волновалась по поводу своей ключевой роли в ней.

Прежде чем присяжных пригласили в зал суда, Дилан подал протест против появления новых свидетелей, основываясь на том, что мы не занесли их в список ранее, а также на том, что эти свидетели не имеют отношения к делу. Топор согласился выслушать прения по этому вопросу, и я предложил пригласить наших свидетелей в зал суда, чтобы они сами могли услышать эти прения, так же, как и последующие показания друг друга. Дилан согласился, как я и ожидал. И надеялся.

Если нам не удастся допросить этих свидетелей – мы пропали.

– Ваша честь, – сказал я, – эти люди не были включены в наш список свидетелей, потому что это свидетели опровержения, которых мы вызвали, чтобы опровергнуть специфические показания капитана Фрэнкса.

Моя мотивация в данном случае вызвала закономерные подозрения у Топора, поскольку опровергать такого безобидного свидетеля, как Фрэнкс, было уже перебором.

– Я не нахожу, что показания капитана Фрэнкса были настолько существенны и прямо относились к делу, – сухо заметил он.

– При всем моем уважении, ваша честь, я не согласен. В его представлении лейтенант Дорси пал в расцвете сил, немного не дожив до причисления к лику святых. Я уверен, что эти свидетели обрисуют более точный портрет Дорси, и очень важно, чтобы присяжные услышали эту правду.

– Это тактика проволок, ваша честь, – возразил Дилан. – Кроме того, это попытка замутить воду и обвинить жертву убийства. Я советую вам не допускать этого.

Я встрял прежде, чем Топор успел сказать что-либо, мешающее нашим намерениям. Это был не тот случай, когда я мог позволить себе медлить.

– Ваша честь, вполне возможно, что показания всех этих людей не обязательны. И если вы в ходе допроса поймете, что я не выявляю никаких принципиально важных и относящихся к делу фактов, вы можете вынести решение прервать допрос.

Топор пронзил меня испытующим взглядом.

– Вы хотите сказать, что будете следовать моим предполагаемым судебным решениям? Это что, ваше понимание уважения к суду?

Он подловил меня – я не смог сдержать улыбку.

– Нет, ваша честь. Я хочу сказать, что вы очень скоро поймете: я никогда не стану попусту тратить ваше драгоценное время.

Топор позволил свидетелям давать показания, но взял меня на короткий поводок, объявив, что не позволит тянуть эту резину, если заметит, что показания повторяются. Он также дал себе труд удостовериться, что я не использую присутствие Хоббса, как завуалированную попытку вынести на публику отчет о расследовании ФБР, в чем суд уже отказал. Я сделал вид, что боюсь даже упоминания об этом.

Я обратился к Топору с еще одним прошением:

– Ваша честь, если мы вызовем особого агента Хоббса, я бы хотел квалифицировать его, как враждебного свидетеля. Он противодействовал защите все время слушаний.

Признание свидетеля враждебным позволяло мне допрашивать его так, будто это был перекрестный допрос, а он был свидетелем обвинения, что давало мне полную свободу задавать наводящие вопросы. С этой точки зрения мое прошение не должно было показаться чем-то из ряда вон выходящим ни Топору, ни Дилану, и оно было удовлетворено без протеста. Довольный тем, что добился желаемого, я вызвал агента ФБР Алберта Конноли.

Конноли был упомянут в отчете ФБР, как один из агентов, участвовавших в наблюдении за людьми Петроне и, следовательно, за Дорси. На самом деле мне от него было ничего не нужно – я вызвал его только для того, чтобы Хоббс не догадался, что он – истинная цель сегодняшнего представления. Когда я начну задавать Хоббсу те же самые вопросы, которые он сейчас слышит в адрес Конноли, у него будет меньше шансов заподозрить, что ему готовят ловушку.

Поэтому, убедившись, что Хоббс и Синди Сподек наблюдают из зала, я попросил Конноли представиться и описать свою роль в расследовании деятельности Петроне.

Бросив взгляд на Топора, я быстро сказал Конноли:

– Меня не интересуют детали вашего расследования. Я всего лишь прошу вас рассказать, что вы знали о Дорси и какое впечатление у вас о нем сложилось. Вы меня понимаете?

– Да, сэр, – сказал он.

– Хорошо. Знали ли вы лейтенанта Дорси или, может быть, контактировали с ним,

прежде чем столкнулись с ним в расследовании?

– Нет, мы не были знакомы и не встречались.

– В течение вашего расследования бывали случаи, когда вам приходилось напрямую контактировать с ним?

– Нет.

Я попросил его вкратце рассказать о своем наблюдении за Дорси в ходе расследования. Мои вопросы были краткими и поставленными так, чтобы можно было давать быстрые ответы, потому что слишком велика была опасность, что вмешается Топор.

Конноли признался, что он, в сущности, практически не видел Дорси и был мало осведомлен о его деятельности. Одно он знал и подтвердил: Дорси имел связи с организованной преступностью и поддерживал их способами, которые его полицейское начальство не одобрило бы.

– Были ли вы знакомы с человеком по имени Роджер Кэхилл, также известным под именем Джеффри Стайнз?

– Не был.

Я отпустил Конноли, и Дилан не стал проводить перекрестный допрос. Вместо этого он попросил подойти посовещаться к судье и в ходе совещания снова принялся просить Топора прекратить «эту бесполезную трату времени суда». Поскольку Хоббс не мог нас слышать, я пообещал, что не буду вызывать четверых из семи свидетелей, которых я вызвал на сегодня, и ограничусь еще двумя – агентами Хоббсом и Сподек. Топор принял этот компромисс, и я вызвал Дарена Хоббса на свидетельскую кафедру.

Я могу по пальцам пересчитать, сколько раз я наблюдал, как свидетели осознанно делают самообвиняющие заявления, – и ни одного пальца не загну. Не было такого. А жаль – я был бы счастлив оказаться на суде вроде того, который был в фильме «Несколько хороших парней». Я бы вызвал свидетелем Джека Николсона, чтобы он мог выкрикнуть мне с кафедры: «Вы никогда не докопаетесь до правды!» – а затем в неистовстве признать свою вину. Но мне никогда так не везло, и я не ждал, что повезет с Хоббсом. Он опорочит свое честное имя только в том случае, если не поймет, что делает именно это, – он подвергнет себя опасности, только если не будет подозревать о ее существовании.

– Доброе утро, агент Хоббс.

– Доброе утро.

– Как я уже говорил агенту Конноли, меня не интересуют детали вашего расследования. Я просто хочу, чтобы вы рассказали, что вы знали о лейтенанте Дорси и какое впечатление он на вас производил. Вы понимаете меня?

– Понимаю.

– Вы участвовали в расследовании, по которому проходил лейтенант Дорси. Это соответствует действительности?

– Он проходил по этому делу лишь косвенно.

– Да, я знаю. Были ли вы знакомы с лейтенантом Дорси до того, как столкнулись с ним в ходе расследования? Или, может быть, вы случайно встречались?

Хоббс даже глазом не моргнул – у этого сукина сына ложь от зубов отскакивала.

– Нет, я не встречался с ним.

– Вам случалось контактировать с ним напрямую в ходе расследования?

– Нет.

– А после того, как следствие было приостановлено?

– Нет.

Я задал Хоббсу еще несколько вопросов о деятельности Дорси в период, к которому относилось расследование, – те же самые вопросы, которые перед этим задавал Конноли. В конце я спросил:

– Были ли вы знакомы с человеком по имени Роджер Кэхилл, также известным как Джеффри Стайнз?

– Нет. Не считая того, что слышал от вас и читал в газетах.

– Спасибо, – сказал я. – Больше нет вопросов.

Мне ужасно хотелось добавить: «Вот ты и попался, сукин сын», но я сдержал этот порыв. Дилан вновь отказался от перекрестного допроса, и я немало удивил его и Хоббса, попросив Топора не отпускать Хоббса, дабы он был доступен для повторного вызова сегодня же утром. Я заметил мимолетную тень беспокойства на лице Хоббса, но он до сих пор не догадывался о том, какую яму только что вырыл себе.

– Защита вызывает Синди Сподек.

Синди поднялась с места и направилась к свидетельской кафедре. Пройдя мимо Хоббса, она заглянула ему прямо в глаза. Если до сих пор он не знал, что попал в яму, то теперь должен был понять.

– Агент Сподек, – начал я, – кто ваш непосредственный начальник в ФБР?

– Особый агент Дарен Хоббс.

– Человек, который свидетельствовал перед тем, как вы сюда вышли?

– Да.

– Вы присутствовали в зале суда в то время, когда он давал показания?

– Да, присутствовала.

Краем глаза я заметил, как Хоббс напрягся, внимательно вслушиваясь.

– Вы слышали все, что сказал особый агент Хоббс с этой кафедры?

– Да.

– Насколько вам известно, говорил ли он правду?

– Нет.

Дилан и Хоббс одновременно вскочили с мест. Дилан, вскочив, выкрикнул: «Протестую, ваша честь». Хоббс же понятия не имел, что делать, поэтому он озадаченно огляделся и сел на место.

Топор вызвал нас обоих на совещание, чтобы обсудить протест Дилана. Дилан кипел от ярости, и поскольку присяжные не могли его слышать, он начал терять терпение.

– Ваша честь, Карпентер превращает суд в фарс!

Начинать разговор с Топором с того, что его суд – это фарс, – не самая мудрая стратегия. Все-таки он получил свое прозвище не за то, что гладил юристов по головке, и вполне возможно, что сейчас мы все станем свидетелями еще одного обезглавливания. А я просто стоял рядом, вел себя хорошо и был совершенно ни при чем.

Дилан мгновенно понял, что он сказал, и попытался отыграть назад.

– Прошу прощения, ваша честь, но это абсолютно недостойная адвоката тактика.

– Какую тактику вы имеете в виду, Дилан? – спросил я елейным голосом.

Но Дилан не собирался вступать со мной в пререкания – он обращался только к Топору.

– Ваша честь, защита вызвала агента Хоббса, используя ложный повод.

– Какой повод вы имеете в виду, Дилан? – промурлыкал я.

Тогда Топор повернулся и уставился на меня.

– Я предпочел бы, чтобы вы объяснили, к чему вы ведете, прежде чем я остановлю вас.

Я кивнул.

– Ваша честь, я сказал, что допрошу этих свидетелей, включая Хоббса, и вопросы будут касаться их знакомства с Дорси. Я это и делаю. Я предполагал, что подозреваемый Хоббс будет лгать, но я не знал этого точно, пока он не солгал. И эта ложь, как я намерен продемонстрировать суду, имеет прямое и ключевое отношение к делу.

– Он обвиняет своего собственного свидетеля, – возмутился Дилан.

– Своего собственного *враждебного* свидетеля.

Я знал, что Топор недоволен мной. Он считал, что я манипулирую судом в собственных целях, и фактически я делал именно это. Но я не лгал, и у него не было никакой законной причины запретить мне продолжать.

– Мистер Карпентер, я намерен позволить вам продолжать, но будьте очень осторожны. Если я замечу, что вы поступаете нечестно по отношению к суду, у вас будут

большие неприятности.

– Да, ваша честь, я понимаю.

Я приготовился возобновить допрос Синди, которая непреклонно стояла за свидетельской кафедрой, без сомнения наблюдая, как ее карьера с треском рушится. Хоббс уставился на нее, пытаясь запугать. Но не тут-то было.

– Агент Сподек, вы сказали, что особый агент Хоббс в своих показаниях говорил неправду.

– Да, он лгал.

– Какая часть его показаний была ложью?

– Почти все, что он сказал после того, как представился.

Присяжные засмеялись, но Сподек даже не улыбнулась. Она была суровой женщиной.

– Говоря кратко, особый агент Хоббс утверждал, что он никогда не встречался и не говорил с лейтенантом Дорси. Соответствовало ли действительности это утверждение?

– Нет. Я присутствовала при их встречах не менее полудюжины раз.

– Как это происходило?

– Обычно мы выезжали на машине, работали над делом, а затем останавливались в месте, по-видимому, заранее оговоренном. Лейтенант Дорси ждал нас там, и они разговаривали.

– Вы слышали хотя бы один из этих разговоров?

Она кивнула.

– Частично я слышала два из них.

– О чем же они говорили?

– Они обсуждали связи лейтенанта Дорси с конкретными криминальными авторитетами. Говорили о защите лейтенанта Дорси от преследования местных властей.

– Лейтенант Дорси беспокоился об этом? – спросил я.

– Очень беспокоился.

Я украдкой бросил взгляд на Хоббса, который выглядел как новичок в давно сформировавшемся классе, которого учитель только что попросил «изобразить возмущение». И ведь что самое забавное, он думает, что это худшее, что должно сейчас произойти. Будьте покойны, особый агент, представление еще впереди.

– Агент Хоббс также сказал, что не был знаком с Роджером Кэхиллом. Это также было ложью?

– Абсолютной ложью, – сказала она и затем описала две встречи Хоббса с Кэхиллом, хотя тогда она и не знала его имени, пока не увидела фотографию в газете после убийства Барри. Это была главная причина того, что она позвонила мне и рассказала о Мердеке, еще одном человеке, с которым, как она знала, Хоббс встречался перед тем, как тот сел в тюрьму.

Я еще немного порасспрашивал ее насчет лжесвидетельства Хоббса, а затем спросил, не владеет ли она какой-либо информацией о первом звонке в службу 911, в котором убийцей был назван Оскар Гарсия.

– Да, – сказала она, – это я звонила.

– Зачем?

– По поручению агента Хоббса. Он сказал, что у него есть информация о том, что Гарсия виновен, но он не хочет, чтобы эта информация исходила от ФБР.

– А вы не знаете, почему он не позвонил сам?

– Нет.

– Возможно, он хотел, чтобы в трубке прозвучал женский голос с целью дать обвинению возможность обвинить мою подзащитную в том, что это она звонила?

Дилан возразил, и Топор поддержал протест. Я сказал Топору, что хочу повторно вызвать Хоббса, и Дилан приберег вопросы к Синди до того момента, как Хоббс закончит свидетельствовать. Дилан был не дурак, он понимал, что путешествует по минному полю, – и надеялся, что Хоббс как минимум снабдит его картой этого поля.

Хоббс вновь оказался на свидетельской кафедре. Сейчас он был куда менее спокоен и

самоуверен, чем когда был на ней в первый раз. А ведь прошло всего каких-то десять минут...

– Агент Хоббс, – начал я, – надеюсь, вы внимательно слушали показания агента Сподек?

– Да.

– Не хотите ли вы изменить свои предыдущие показания, сообразуясь с тем, что она сказала?

– Нет, не хочу.

– Следовательно, вы настаиваете на том, что это агент Сподек лжесвидетельствовала, я правильно вас понимаю?

– Она не сказала ни единого слова правды.

– У вас есть предположения, с чем это может быть связано?

– Агент Сподек – бессовестная и малообразованная женщина. Я намеревался рекомендовать руководству уволить ее из Бюро. Подозреваю, она догадывалась об этом и решила воспользоваться ситуацией, чтобы нанести мне превентивный удар.

– Значит, она лжет, а вы нет.

Он кивнул.

– Она лжет, а я нет.

– Вы не были знакомы ни с Апексом Дорси, ни с Роджером Кэхиллом?

– Не был.

В этот момент, как мы заранее договорились, в зал суда явился капитан Рейд в военной форме. Он подошел к Кевину, шепнул ему что-то и вручил лист бумаги. Кевин пробежал его глазами, улыбнулся и указал капитану Рейду место на скамье свидетелей. Затем подошел ко мне и сделал вид, что шепчет мне что-то на ухо. Хоббс наблюдал за происходящим с едва скрываемым ужасом.

– Особый агент Хоббс, вы служили в Войсках особого назначения во Вьетнаме?

Хоббс не ответил. Я видел, как его мозги скрипят, пытаюсь придумать, что делать, – видел так же ясно, как если бы смотрел на компьютерную томограмму его мозга.

– Вы слышали мой вопрос?

Моя реплика вновь поставила его перед выбором. Он был уверен, что капитан Рейд, видимо, принес несомненное свидетельство его армейского знакомства с Кэхиллом и Дорси. Отрицать это означало лжесвидетельствовать еще более вопиюще, чем прежде.

– Вы служили в Войсках особого назначения во Вьетнаме?

– Да.

– Вы были в звании первого лейтенанта?⁹

– Да.

– Вы командовали небольшим секретным отрядом, который действовал в тылу врага?

– Это засекреченная информация.

– Думаю, война уже закончилась, агент Хоббс. Были ли Роджер Кэхилл и Алекс Дорси под вашим командованием?

Он ответил так тихо, словно надеялся, что его никто не услышит.

– Да.

Однако возникший в рядах присутствующих и присяжных шум показал, что они ясно расслышали ответ.

– Следовательно, вы знали их? Поддерживали с ними контакт?

– Да.

– Значит, агент Сподек сказала правду? Когда вы двадцать минут назад утверждали, что никогда не встречались с ними, вы лгали?

– Я не думал, что вы имеете в виду нашу службу в армии. Я решил, что вы имеете в

⁹ Воинское звание между вторым лейтенантом и капитаном в Сухопутных войсках, ВВС и морской пехоте.

виду недавние события – то, что происходило во время расследования.

– Вы опять лжете, агент Хоббс, не так ли?

– Нет.

– Посмотрим, правильно ли я вас понял, – сказал я. – Вы знали этих людей в армии, но с тех пор не встречались?

Он кивнул.

– Да. Именно так.

– И вы заявляете это, будучи полностью осведомленным об ответственности за лжесвидетельство, принятой в штате Нью-Джерси?

– Да.

Я представил в качестве улики магнитофонную запись, которую дала мне Синди. В практике ФБР все звонки из кабинетов агентов записываются, дабы защищать агентов и помогать в расследованиях. Синди подумала, что ей может понадобится защитить себя, и изъяла запись одного из разговоров Хоббса с Дорси. Теперь я дал суду прослушать запись.

Это была совершенно убойная улика, ясно демонстрировавшая сговор между Дорси и Хоббсом, и хотя Хоббс открыто не признался ни в одном преступлении, ни у кого не вызывал сомнений тот факт, что сегодня во время дачи показаний особый агент неоднократно лжесвидетельствовал.

Я спросил Хоббса, был ли Мердек в его отряде и известно ли ему, что Мердек недавно был убит. Он признал, что служил вместе с Мердеком, однако отрицал, что знает о его убийстве. Ни одна живая душа в зале ему не поверила.

Я закончил, и Дилан даже не стал вести перекрестный допрос той жалкой оболочки, которая была ранее особым агентом Хоббсом. Его поражение было абсолютным, Хоббс был уничтожен.

Хе-хе-хе.

* * *

На ставшую традицией вечернюю встречу мы собрались успокоенные. Дело было почти закончено, единственный вопрос, который еще надо было урегулировать, – стоит ли Лори выйти на свидетельскую кафедру.

Лори все еще хотела этого, но в свете сегодняшних событий готова была выслушать возражения. Мы с Кевином убеждали ее в главном – на данный момент ей уже нечего добавить, а потенциальная опасность слишком велика.

Я чувствовал, что должен умерить энтузиазм, – несмотря на то, что сегодня мы победили, в целом наше положение пока оставалось довольно шатким. Присяжные могут просто решить, что вся наша защита, сконцентрированная на Хоббсе, Дорси и Кэхилле, весьма интересна, но не имеет отношения к делу. Единственное вещественное доказательство в убийстве Дорси по-прежнему указывало на Лори, и присяжные могут поверить этой улике.

Спор был жарким, однако Лори в конце концов доверилась нашему опыту и согласилась не выступать свидетелем. Это позволило сосредоточиться на заключительной речи, которая в данном деле будет гораздо более важной, чем обычно. От нас зависит, удастся ли убедить присяжных, что все сказанное нами имеет прямое отношение к делу и, по меньшей мере, создает обоснованные сомнения в виновности Лори.

Газеты пестрели новостями из зала суда, и уже гулял слух, что Хоббс будет арестован и ему предъявят обвинения в лжесвидетельстве. Директор ФБР лично сделал заявление, что Хоббс временно отстранен от должности и оба расследования, федеральное и местное, идут полным ходом. Это радовало, но это будет слабым утешением, если в результате Лори не оправдают.

Следующий день в суде мы начали с заявления о том, что защита закончила излагать свою версию. Дилан сообщил Топору, что готов произнести заключительную речь.

– Леди и джентльмены, господа присяжные, – вымолвил он, – в начале открытых слушаний я говорил вам, что улики доказывают: Лори Коллинз убила Алекса Дорси. Я предупреждал вас, что защита будет использовать разные ловкие ходы и трюки, дабы отвлечь ваше внимание, но вам необходимо сосредоточиться на фактах. Я говорил вам это в начале суда, и мое мнение не изменилось. Улики были представлены, факты очевидны. Защита оказалась еще более надуманной, чем я ожидал, и вместо фактов вам представили сюжет шпионского романа – зеленые береты, заговоры и ложные обвинения. На этом процессе было обнаружено, что агент ФБР лжесвидетельствовал. Я не стану оспаривать этот факт – мы все своими глазами видели это. Но какое отношение это имеет к нашему делу? Нет никаких улик, указывающих на то, что он мог совершить убийство, которое вы должны осудить. По сути, он, как федеральный служащий, вообще никакого отношения не может иметь к этому делу – его расследовала полиция Паттерсона. Никто не вышел на свидетельскую кафедру и не сказал, что у федерального агента были какие-либо счета к подзащитной. Так зачем же ему подставлять ее? В этом нет никакого смысла. Да, агент Хоббс лгал – возможно, чтобы скрыть свой стыд из-за того, что имел дело с преступниками и продажным полицейским. Это интересно, это захватывающе, и соответствующее расследование уже началось, но это не имеет никакого – я повторяю: абсолютно никакого – отношения к убийству Алекса Дорси. Полиция штата доказала обвинения, доказательства неоспоримы, нет никаких обоснованных сомнений, и поэтому я прошу вас, леди и джентльмены, признать Лори Коллинз виновной в убийстве лейтенанта Алекса Дорси.

Я поднялся, чтобы прочесть свою заключительную речь, понимая, что мне предстоит тяжелая работа. В идеале адвокату необходимо еще раз перечислить улики, представленные ему в ходе суда, и подвести итоги. Однако наше дело слушалось в мире, далеком от идеала, поэтому передо мной стояла задача объяснить, какого черта мы вообще представили эти улики и какое отношение они имеют к делу.

– Леди и джентльмены, – начал я, – в биографии Лори Коллинз нет ничего – ни одного события, указывающего на то, что она способна совершить такой жестокий поступок, как убийство Алекса Дорси. Напротив, вся ее жизнь была посвящена служению общественному спокойствию и правосудию. Обвинение утверждает, что она совершила это убийство, и приводит в доказательство конкретные улики. Я утверждаю, что ее подставили и эти улики были сфабрикованы убийцей, дабы его версия выглядела достоверно.

Но мистер Кэмпбелл совершенно отвергает саму идею о сфабрикованном обвинении. И это после того, как признался вам, что обвинял Оскара Гарсию в этом же самом убийстве только потому, что Гарсию подставили. Мистера Гарсию могли подставить, а мисс Коллинз – нет? Почему он не может это объяснить?

Давайте посмотрим, как он это аргументирует. Он утверждает, что мисс Коллинз сфабриковала обвинение против Гарсии, чтобы отомстить человеку, которого, как он предполагает, она ненавидела. Однако не далее как вчера агент ФБР Синди Сподек призналась, что это она звонила в службу 911 и обвиняла Гарсию. Мисс Коллинз не имеет к этому никакого отношения. Мистер Кэмпбелл ошибся в этом случае, как ошибался и во всем деле.

Эта тема заставляет меня упомянуть об особом агенте Хоббсе. Даже мистер Кэмпбелл признает, что Хоббс лжесвидетельствовал. Мне точно не известно, что и почему сделал мистер Хоббс, но я могу выстроить теорию. Она может быть верной, может быть неверной, а возможно, истина находится где-то посередине.

Я полагаю, что Хоббс возглавлял группу – почти в том же составе, что была под его командованием во Вьетнаме. Я предполагаю, что они находили способы попираť закон и совершать преступления, а роль Хоббса в этой группе состояла в том, чтобы защищать их от закона и получать за это долю в их прибылях.

И он покрывал преступления Дорси, однако наступил момент, когда он больше не смог его защищать. Дорси не хотел садиться в тюрьму – и угрожал Хоббсу, что разоблачит его. Возможно, Дорси действительно намеревался сфальсифицировать свою смерть, но Хоббса

такое развитие событий не устраивало, и он убил его – или поручил это Роджеру Кэхиллу. А когда Мердек согласился поговорить со мной, Хоббс убил и его.

Прежде чем убить Дорси, он либо обманом, либо силой заставил его наговорить на диктофон сообщение для мисс Коллинз, которое и прокрутил, позвонив ей, чтобы мы думали, будто Дорси жив, и пошли по ложному следу. Потому что как настоящий убийца, пытающийся отвлечь от себя внимание, Хоббс был крайне заинтересован в том, чтоб мисс Коллинз была признана виновной.

Как я уже сказал, это всего лишь теория, хотя я уверен, что многое в ней соответствует действительности, учитывая те факты, которые были вам продемонстрированы в ходе суда. Согласны ли вы, что эта теория может оказаться справедливой? Уверен, что согласны. Вы можете утверждать без обоснованных сомнений, что я не прав? Думаю, нет.

Одним из множества необычных фактов в этом деле стал тот факт, что адвокат подзащитной выступил главным свидетелем защиты. Я стоял здесь, перед вами, на свидетельской кафедре, и говорил, что Роджер Кэхилл признался мне в убийстве и назвал место за стадионом Хинчклифф, где якобы лежала *его* окровавленная одежда. Я говорил также, что сам послал мисс Коллинз обследовать это место, чтобы обнаружить эту одежду.

Если я говорил правду, мисс Коллинз невиновна. Это ясно как день. Вы можете верить или не верить мне, но можете ли вы быть на сто процентов уверены, что я лгал вам? Думаю, нет. А если нет, то вы должны проголосовать за оправдательный вердикт.

Я очень хорошо знаю Лори Коллинз – возможно, лучше, чем кого-либо на этой планете. Она не более способна на подобное убийство, чем замахать руками и вылететь в окно.

Убийство, вне зависимости от того, кто убит и кем он был при жизни, – всегда трагедия. Прошу вас, не усугубляйте эту трагедию, превращая мисс Коллинз в еще одну жертву. Она невиновна, и она уже прошла через ад. Я прошу вас поступить правильно и вернуть Лори Коллинз ее право жить и быть свободной.

Развернувшись и направившись к Лори, сидевшей за столом защиты, я испытал весьма эгоистическое чувство. Мне стало ясно, что я боролся не только за жизнь Лори, но в не меньшей степени и за свою жизнь.

Я просто не мог вообразить себе свою жизнь, в которой нет Лори, потому что она будет сидеть в тюрьме. Это было бы непередаваемо жалкое и бессмысленное существование, и сознание того, что двенадцать чужих людей могут превратить этот кошмар в реальность, заставило мой желудок болезненно сжаться от ужаса.

Кевин и Лори пожали мне руку и шепнули, что я был великолепен, но присяжные сидели безучастно, не глядя ни на меня, ни на Лори, ни на кого-либо еще. Мне хотелось подойти к ним и трясти до тех пор, пока до них не дойдет, кто здесь хорошие парни. А еще мне хотелось как следует запомнить их лица, чтобы, если они обвинят женщину, которую я люблю, в убийстве, выследить каждого, отрезать его пустую голову, а потом спалить его вонючую тушу.

Топор зачитал им текст закона, который, если выкинуть все заумные формулировки, растянувшиеся на час, сводится к следующему: «Если вы считаете, что она виновна и у вас нет обоснованных сомнений, – голосуйте за обвинение». После этого отослал их для дебатов, хотя присяжные и заявили, что, поскольку сегодня уже поздно, совещаться они начнут завтра утром.

Тем вечером Кевин снова приехал к нам, просто по привычке, поскольку делать нам больше было нечего. Мой обычный способ ожидания вердикта присяжных состоял в том, что я оставался в полном одиночестве (не считая Тары), материл всех, кто нарушал мое уединение, и суеверно относился к каждой примете.

Сейчас я не мог оставаться один, по крайней мере, в своем собственном доме, поскольку Лори все еще находилась здесь под домашним арестом. Не хотелось мне и

материться, поскольку я понимал, что она волнуется и мучается куда сильнее меня. Единственное, что мне оставалось, – быть суеверным, и я решил, что для компенсации буду соблюдать все суеверия в тройном размере.

Нам явно не стоило смотреть телерепортажи с комментариями по поводу предполагаемого вердикта, но не было сил удержаться от этого. Некоторые комментаторы считали, что у нас неплохие шансы, но большинство склонялись к тому мнению, что если присяжные последуют букве закона, то дело проиграно. И все сходились во мнении, что если бы не появление в суде Хоббса, мы потерпели бы полный крах.

Второй пункт, по которому у журналистов не было разногласий, состоял в том, что чем дольше присяжные обсуждают вердикт, тем лучше для нас. Если присяжные отвергнут нашу теорию об отношении Хоббса к убийству, они быстро проголосуют за обвинительный вердикт. Если же они решат принять эту теорию или, по крайней мере, рассмотреть ее, то это займет гораздо больше времени. Разумеется, в этом предположении «чем дольше, тем лучше» не рассматривалась вероятность того, что нас всех хватит инфаркт, и мы не дождемся вынесения вердикта.

За завтраком, ровно в девять утра, мы с Лори переглянулись и поняли, что вот сейчас присяжные собрались и решают ее судьбу. Этого хватило, чтобы я подавился оладьей.

Раздался звонок в дверь – пришло сообщение с курьерской почтой. Письмо было от моих оппонентов по иску Уилли Миллера, и в конверте лежал банковский чек на сумму более одиннадцати миллионов долларов. Поскольку двести тысяч из этих денег принадлежали Эдне, она была счастлива отнести чек в банк и депонировать его.

Я позвонил Уилли и Кевину и рассказал им новости. Уилли поведал мне, что он уже решил, что будет делать с частью своих денег. Я предположил, что он собирается купить яхту, на которой сможет курсировать вокруг бедных районов, но он меня опроверг.

– Я собираюсь инвестировать эти деньги, – сказал он. – Но прибыли, похоже, не будет.

– Большинство инвестиций таковы, – сказал я. – Но обычно просто не подозреваешь, что так и будет.

– Я хочу, чтобы ты вошел в дело, – сказал он. – Попролам.

Мне было сейчас не до инвестиций, поэтому я предложил ему:

– Позвони после суда, мы обсудим это с кузеном Фредом.

В полдень приехал Кевин, и мы все расположились в гостиной, ожидая звонка и надеясь, что он раздастся не очень скоро. Через какое-то время я встал и открыл окно – наше напряжение давило, подобно духоте.

В полчетвертого телефон зазвонил. Эдна сняла трубку и нервно сообщила мне, что звонит Рита Голден, судебный пристав. У Риты могло быть много других причин звонить, не обязательно чтобы сообщить вердикт. Присяжные могли попросить протокол свидетельских показаний, один из них мог заболеть, они могли не прийти к единому решению и отложить голосование на завтра и т. д. и т. п. Каждое событие из вышеперечисленных устроило бы меня.

– Алло? – крайне оригинально начал разговор я.

– Энди, – сказала Рита, – вердикт вынесен. Топор вызывает всех в суд к пяти часам.

– Хорошо, – сказал я, и она продиктовала мне еще несколько инструкций.

Я повесил трубку и сообщил новости Лори, Кевину и Эдне. Наши надежды на долгую дискуссию присяжных не оправдались, но никто не стал упоминать об этом.

– Когда выезжаем? – спросила Лори.

– Примерно через час, – ответил я, прежде чем вылить на нее тот же ушат холодной воды, который Рита вылила на меня. – Лори, думаю, тебе стоит упаковать кое-какие вещи. На случай... – Я не закончил фразу, потому что ее окончание звучало бы примерно так: «На случай, если прошлая ночь была последней, которую ты провела вне стен тюрьмы».

Лори кивнула и поднялась в спальню, чтобы сложить чемодан. Кевин не произнес ни слова, он чувствовал то же, что и я. Бессилие и страх. Бессилие от того, что мы больше никак не можем повлиять на события, а страх – поскольку судьба Лори уже решена.

Самое ужасное – мы оба чувствовали, что проиграли.

Вокруг здания суда царил хаос, но нас провели сквозь толпу в зал суда до назначенного времени. Все, что произошло с того момента, как позвонила Рита, я воспринимал, как в замедленном кино, хотя умом понимал, что на самом деле события развиваются с бешеной скоростью.

С тех пор, как мы выехали из дому, Лори не проронила ни слова – я не знаю, как она держалась. Зато Кевин, наоборот, ни на минуту не замолкал, сыпая оптимистическими шутками, ни в одну из которых мы на самом деле не верили. Да, в сущности, было и неважно, кто из нас что делал и что чувствовал – наша судьба была уже решена, и всего через несколько минут придется предстать перед этим решением, каким бы оно ни было.

Топор вышел в зал суда, вынес строгое и категорическое предупреждение – не должно быть никаких эмоциональных взрывов, когда вердикт будет зачитан, и пригласил присяжных. Их лица были мрачны, они отводили глаза, стараясь не смотреть ни на защиту, ни на обвинение.

Лори нагнулась ко мне и шепнула на ухо:

– Спасибо тебе, Энди. Неважно, что они решили, – ты проделал потрясающую работу. Я люблю тебя больше, чем ты можешь себе представить.

Я не знал, как ответить на такое выражение понимания и благородства, поэтому промолчал.

Топор попросил старшину присяжных передать конверт с вердиктом помощнику судьи, который отнесет его судебному приставу. Затем он сказал:

– Подсудимая, встаньте, пожалуйста.

Лори вскочила быстро, почти вызываяще. Мы с Кевином отстали от нее лишь на секунду, и я сжал руку Лори.

– Судебный пристав зачитает вердикт.

Сначала Рита Голден пробежала вердикт глазами, убеждаясь, что он составлен в соответствии с формальностями, – казалось, она тихонько читает его про себя, словно бы хочет какое-то время оставаться единственным человеком, кроме присяжных, который узнает, чем все закончилось. В зале не было слышно ни единого звука, даже муха не жужжала, и слова вердикта прозвучали ясно и громко, словно я слышал их сквозь стетоскоп:

– Мы, присяжные в деле «Штат Нью-Джерси против Лори Коллинз», считаем, что Лори Коллинз... невиновна в убийстве первой степени.

Присутствующие скорее всего зашумели; Дилан, вероятно, расстроился; Топор, должно быть, стучит своим молотком, призывая зал к порядку – но ничего этого я не видел и не слышал. Все, что я осознавал, – это то, что мы с Лори и Кевином обнимались, и объятия были столь крепкими, что я подумал, не придется ли нас в таком виде выносить из зала суда и везти в больницу, чтобы разъединить хирургическим путем, как сиамских близнецов.

Лори твердила нам обоим, что любит нас, а Кевин с глазами, полными слез, все время повторял: «Лучше и быть не могло». Он ошибался – было бы гораздо лучше, если бы Барри Лейтер был жив и мог увидеть это.

Но все равно было чертовски хорошо.

Топор поблагодарил присяжных, освободил Лори от домашнего ареста и объявил суд оконченным. Дилан подошел к нам и на удивление вежливо поздравил с победой, и они увели Лори, чтобы завершить некоторые формальности.

Когда она вернулась, у нее на лице была счастливая улыбка, а на лодыжке больше не было браслета.

Выглядела она потрясающе.

* * *

Лори отвергла мое предложение отправиться на какой-нибудь райский остров, чтобы забыть об этом кошмаре. Ее представление о рае состояло в том, что она может продолжать

жить нормальной жизнью, без наручников, безнаказанно заниматься своей работой и спать в собственном доме каждый вторник, четверг, субботу и воскресенье.

Я дал Эдне пару недель отпуска и даже не стал перевозить документы и вещи обратно в офис. Если уж после дела Уилли Миллера я приходил в себя полгода, сейчас мне, наверное, понадобится не меньше десяти лет.

На ступенях суда состоялась насыщенная пресс-конференция, и журналисты опять наградили меня званием героя. К моему удивлению, интерес прессы к этому делу еще не угас, несмотря на то, что основное внимание было приковано к Дарену Хоббсу. Казалось, новая информация по этому расследованию просачивается ежедневно; выяснилось, что под прикрытием Хоббса занимались преступной деятельностью не меньше восьми его бывших сослуживцев. Арест и обвинения были почти неизбежны.

Я говорил с Синди Сподек, которую пресса воспевала как героиню, хотя большинство коллег отнеслись к ней довольно холодно. Она сказала, что главная эмоция, которую она испытывает – это облегчение, и я совершенно точно понимаю, что она имеет в виду.

Вечно непредсказуемый Уилли Миллер прореагировал на свое внезапное богатство с явным безразличием; он вел себя ответственно и благоразумно. Фред вложил большую часть его денег, оставив Уилли некоторую сумму, чтобы тот мог немного повеселиться. Оказалось, что представление Уилли о веселье выражается в покупке «вольво», потому что он читал в «Журнале для покупателей», что это очень надежная машина.

Уилли, ау, ты ли это? Уилли!

Я собирался немного понаблюдать за новым Уилли, когда он заедет ко мне. Он собирался отвезти меня в место, которое, по его словам, будет нашим совместным вложением капитала. Уилли держал в секрете, о чем идет речь, но предложил мне взять с собой Тару.

Уилли остановил машину, и я сел в бежевый «вольво». Тара запрыгнула на заднее сиденье и устроилась рядом с Баксом, а я сел на переднее. Уилли тронулся с места не раньше, чем проинструктировал меня относительно необходимости пристегнуть ремень безопасности.

Пятнадцать минут спустя мы затормозили у брошенного, полуразвалившегося здания, старая вывеска которого свидетельствовала, что когда-то оно называлось «Собачий питомник Хейлдона».

– Пошли, – сказал Уилли и выбрался из машины, прежде чем я успел сказать ему, что это не самое лучшее вложение средств и что я не хочу держать собачий питомник, даже если бы он уже был построен.

Уилли выпустил Тару и Бакса из машины, и они потрусили за ним к двери. Дверь оказалась заперта, но Уилли это не остановило – он достал из кармана ключ и открыл ее.

– У тебя есть ключ? – задал я умный вопрос.

– Разумеется. Я владелец этого чертова местечка. *Мы* его владельцы.

Это было похоже на кошмарный сон.

Мы вошли внутрь, и я совершенно не удивился, обнаружив, что внутри старый собачий питомник выглядит как старый собачий питомник.

– Ну, что ты об этом думаешь? – спросил Уилли, сияя.

– Я думаю, что ты не в своем уме. – Я решил говорить начистоту.

Он был удивлен и оскорблен.

– Почему? Я думал, ты любишь собак.

– Люблю. Но я не хочу брать с людей деньги за то, чтобы держать собак в клетках, пока их владельцы отдыхают на курортах.

Уилли рассмеялся.

– И ты думаешь, что это будет такой питомник? – Он указал на Тару и Бакса. – Посмотри на них, приятель. Тару должны были укокошить в приюте для бездомных животных, а от Бакса не осталось бы даже воспоминаний, если бы его поймали живодеры.

Я не понимал, о чем он говорит.

– И что?

– И то, что *мы* теперь приют, – сказал он. – Приятель, мы спасаем собак из других приютов, с улиц, откуда угодно – и заботимся о них, пока не найдем им дом, где их будут любить. Это и есть неприбыльное дело – ну, типа фонда, или благотворительного общества, или как оно там называется.

Наконец он смог донести до меня свою мысль.

– Черт, – сказал я, изумленный и восхищенный.

– Я собираюсь создать эту контору, – сказал он. – Это будет моя работа.

Я вынул руку из кармана и пожал ему руку.

– А я буду твоим партнером.

Следующие пару часов мы с Уилли обсуждали наше новоявленное партнерство. Решали, что будем делать с этим зданием, как будем заботиться о собаках, говорили о необходимости ветеринарной помощи и так далее.

Я провел большую часть года, размышляя, какой бы благотворительностью заняться, а Уилли придумал собственную организацию всего через неделю после того, как получил деньги. Я не собирался бросать в беде несчастных выдр, но искренне был рад участвовать в проекте Уилли. И еще больше я пришел в восторг, когда Уилли согласился, что мы можем назвать нашу организацию «Фонд Тары». Бакс, кажется, не возражал.

Я вернулся домой и позвонил Лори, чтобы рассказать ей о нашем предприятии, но ее не было дома, и я оставил на автоответчике сообщение с просьбой перезвонить мне. Сегодня был четверг. День, когда мы врозь. Я понятия не имел, где она может быть, не ревновал и не сомневался в ее любви, но у меня была идея: что, если ей носить на лодыжке электронный браслет, чтобы я мог отслеживать ее передвижения.

Я впервые за много месяцев позвонил Дэнни Роллинзу и сделал ставку на игру «Метс» против «Брейвз». Потом заказал пиццу, взял пиво, уселся с Тарой на диван и начал смотреть игру. Жизнь потихоньку возвращалась на круги своя, и последнее, что я запомнил, прежде чем заснуть, это то, что Майк Пьяцца бежит на основную базу после четвертой подачи.

Когда я проснулся, телевизор был выключен, и свет во всем доме тоже. Сначала я решил, что это просто летнее отключение электричества из-за того, что все включают кондиционеры в жару. Однако я увидел, что на улице горят фонари, – значит, пробки вылетели только у меня в доме.

Я с раздражением встал, намереваясь ощупью отыскать фонарик, но тут услышал, как в задней части дома лает Тара. Тара обычно никогда не лает просто так, всегда есть причина. В последний раз, когда она лаяла, на моем участке закапывали отрубленную голову. В мгновение ока раздражение уступило место страху. Я понимал, что Тара никогда не стала бы лаять из-за отключившихся пробок.

Инстинкт подсказал мне: что-то происходит.

Дарен Хоббс.

Телефон! Я не удивился, обнаружив, что он тоже выключен, как и электричество. Мой мобильный лежал у меня в машине, и едва ли получится до него добраться.

В комнату вошла Тара. Я мог использовать ее как караульную собаку, но понимал, что Хоббс, не задумываясь, пристрелит ее.

– Сюда, девочка. Иди сюда, – прошептал я.

Она подошла ко мне; я схватил ее за ошейник и, наполовину уговаривая, наполовину силой, дотащил до платяного шкафа, открыл дверь и впихнул ее внутрь, после чего закрыл дверь так тихо, как только мог. Она снова начала лаять, но звук был приглушен, и теперь Тара была в относительной безопасности.

Теперь я был один на один с Хоббсом. Спецназовец, машина для убийства против раздобревшего адвоката, неповоротливого, как куриное дерьмо. Я не думал о победе – я думал о бегстве... о спасении.

Дюйм за дюймом я выбрался из комнаты, пытаюсь попасть к задней двери дома. Это было довольно затруднительно в темноте, к тому же я должен был двигаться беззвучно.

– Настал твой час, говнюк.

Это был голос Хоббса, прозвучавший в темноте, но внезапно крошечная темнота рассеялась. Ее прорезал луч фонарика, медленно двигавшийся туда-сюда по дому. Я спрятался за диван, когда луч приблизился, но не сомневался, что, скорее всего, он меня найдет. А если найдет, то убьет.

Я испугался сильнее, чем когда-либо в своей жизни, но почему-то этот страх не сковал меня по рукам и ногам. Голова была ясной как никогда, а чувства многократно обострились, когда я попытался придумать стратегию спасения своей жизни.

Внезапно я понял, что тишина – не мой, а его союзник. Мне нужен шум, разрушения – все, что может привлечь внимание и заставит его действовать быстрее и менее осторожно. Если у него будет много времени, чтобы методично искать меня, он меня найдет.

Я вылез из-за дивана и проследил за лучом фонарика. Он помог мне разглядеть, где находится окно; я взял вазу и швырнул ее туда. Ваза попала прямо в стекло, и оно разлетелось с оглушительным звоном.

Хоббс рванулся на шум, а я схватил пресс-папье и запустил им в лампу, которая упала и разбилась вдребезги. Все это создавало суматоху, но этого было мало. Я начал вопить: «Помогите! Вызовите полицию!» на пределе своих голосовых связок, при этом все время перебираясь из одного укрытия в другое.

Один раз луч фонарика скользнул по мне, когда я двигался, и Хоббс выстрелил в мою сторону, хотя звук выстрела был приглушен – вероятно, у него был глушитель. Пуля просвистела мимо, но разбила еще одно окно. Отлично.

Я оказался возле выхода в коридор и вдруг понял, какая благоприятная возможность мне представилась. Я бросил тарелку вниз, в холл, и Хоббс направился к выходу, не подозревая, что я там. По иронии судьбы, его фонарик позволял мне видеть его, хотя он меня видеть не мог. Когда Хоббс оказался рядом, я выпрыгнул на свет, врезавшись в него изо всех сил.

Я рухнул на него сверху и слышал, как он выругался. Фонарик упал на пол, отбрасывая на нас отраженные от стен отблески, пока мы боролись.

Впрочем, «боролись» – неверное слово. Я маниакально, отчаянно вис на нем, нанося удары куда попало, в то время как он пытался освободиться от меня, чтобы забить насмерть или, может, застрелить, если он еще не выронил пистолет.

Мы снесли стол, но ему удалось на секунду оторваться от меня и со всей силы ударить в лоб. Я вновь набросился на него и повис на нем, пытаюсь ударить насколько возможно сильнее. Подействовало – мои пальцы, сжатые в кулак, пронзила резкая боль, когда я сбил его с ног, и мы, катаясь по полу, врезались в сервант, забитый хрусталем и китайским фарфором. Сервант рухнул на пол. Грохот был чудовищный.

Кажется, я крепко его приложил. Рука болела, по пальцам текла, надо полагать, кровь – его или моя собственная. Я собрался с силами, чтобы ударить еще раз, одновременно готовясь к его ответному удару. Но он не отвечал мне, не пытался атаковать, не двигался – и я понял, что он без сознания.

Вдруг фонарик двинулся, поднялся в воздух сам собой, напугав меня до икоты. Хоббс лежал возле моих ног.

– Энди, с тобой все в порядке? – произнесла Лори, и это были самые прекрасные слова, какие я только слышал.

– Думаю, да. Это Хоббс. Я его нокаутировал.

Я почти различил в темноте усмешку Лори.

– Так, значит, мне не надо было в него стрелять?

Она перевела луч фонарика на лицо Хоббса. У него во лбу алела маленькая аккуратная дырочка, которую вряд ли мог оставить мой кулак.

– Нет, ты правильно поступила... но в этом не было необходимости. Я нанес ему свой фирменный удар правой. Против этого приема еще не придумана защита.

Я подошел к ней, и мы обнялись, хотя я чувствовал, что она все еще сжимает в руке

пистолет – так, на всякий случай.

– Как ты догадалась приехать ко мне? – спросил я.

– Позвонил Пит и сказал, что они получили ордер на арест Хоббса и приехали за ним, но он исчез. Пит пытался тебе дозвониться, у тебя не работал телефон. Меня это напугало, и я приехала.

– И что, ты думала, я сам не справлюсь? – спросил я, изображая праведную обиду.

Внезапно дом пронизали лучи света, бьющие из окон, – это подъехали полицейские машины.

– Надо полагать, у Пита тоже возникли некоторые подозрения, – сказала Лори.

Я выпустил Тару из шкафа, а Лори тем временем вышла, чтобы проводить Пита и других полицейских в дом. Это дало мне около шестидесяти секунд – подумать, как подать ситуацию так, чтобы я выглядел героем.

Времени катастрофически не хватало.

* * *

Трудно поверить, как много мы с Уилли успели сделать всего за семь недель. Реконструкция здания была почти завершена, мы наняли двух постоянных сотрудников и договорились о ветеринарной помощи. Уилли был невероятно сосредоточен, работал с вдохновением и, кажется, готов был разрыдаться, когда я сказал, что хочу видеть его президентом «Фонда Тары».

У Лори все было прекрасно. То, что она спасла мне жизнь, в некотором смысле уравнило счет и сняло с нее эмоциональную потребность изливать на меня моря благодарности за то, что я спас ее от тюрьмы. Я решил не настаивать на том, что в ее вмешательстве не было необходимости, потому что ни Хоббс, ни кто-либо еще не мог выжить после фирменного удара правой.

Кузен Фред проводил в офисе больше времени, чем я, консультируя Эдну и Кевина по вопросам вложения средств. Лори больше не мучилась оттого, что вынуждена использовать свою часть процентов от гонорара за Уилли Миллера, чтобы оплатить мою адвокатскую работу, и теперь весело придиралась к счетам.

Я сказал ей, что эти счета оправданны, и думал, что она сдастся, но она выставила мне свои собственные счета. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять, насколько они несправедливы. Двадцать тысяч за олады – высокогато, конечно, но я смогу расплатиться – разумеется, только за себя, а не за то, что сожрал Кевин.

И лучше вам не знать, сколько она заломила за базилик.